Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»
Липецкий филиал

КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник научных статей
по материалам VII Всероссийской
научно-практической конференции,
посвященной 225-летию со дня рождения В.И. Даля
и 205-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского

25 мая 2026 г.

Липецк – 2026

УДК 94(3)
ББК 63.3(49=41)4
К43

Рецензенты:
Д.А. Романов, д-р филологических наук, профессор, руководитель Центра русского языка и региональных лингвистических исследований, профессор кафедры русского языка и литературы Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого
Т.Ю. Тормышова, канд. педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Липецкого государственного технического университета

Под общей редакцией
канд. экон. наук, доц. **А.С. Шуруповой**

Ответственный редактор
д-р филол. наук **О.Ю. Усачева**

Кирилло-Мефодиевские чтения: традиции и современность: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции, 25 мая 2026 г. / Под общ. ред. А.С. Шуруповой; отв. ред. О.Ю. Усачева. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2026. – 174 с.

Сборник содержит тексты статей, представленных в виде докладов на VII Всероссийскую научно-практическую конференцию, посвященную 225-летию со дня рождения В.И. Даля и 205-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского.

В материалах нашли отражения результаты историко-культурных, филологических, педагогических и методических исследований, проводимых в широком контексте кирилло-мефодиевского и православного наследия.

Сборник предназначен для ученых, преподавателей, специалистов-практиков, аспирантов, студентов.

Материалы публикуются в авторской редакции.

© Коллектив авторов, 2026
© Липецкий филиал РАНХиГС, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1
Вопросы духовно-нравственного воспитания, сохранения Кирилло-Мефодиевских православных и культурных традиций, национальной идентичности

Безруких О.Е. *(г. Липецк, Россия)*
Как знание Библии пригодилось Генералу
Георгию Константиновичу Жукову при штурме Берлина..... 6
Гребенкин А.Н. *(г. Орел, Россия)*
Влияние феномена российского Просвещения на систему
подготовки офицеров в последней трети XVIIIв. 9
Зауторова Э.В. *(г. Вологда, г. Москва, Россия)*
Идеи академика Д.С. Лихачева о нравственном воспитании
подрастающего поколения..... 15
Коновалова И.Н. *(г. Липецк, Россия)*
Устный счёт в народной школе С.А. Рачинского: синтез
математического развития и духовно-нравственного воспитания..... 22
Панова Е.А. *(г. Липецк, Россия)*
История семьи в истории страны 28
Шуклова Л.Г. *(г. Липецк, Россия)*
Киевская Русь и древние традиции славянской культуры..... 32

Раздел 2
Духовные основы русской литературы и русской культуры: к 205-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского

Зотов Н.В. *(г. Нижний Новгород, Россия)*
Рецепция солнечной символики Ф.М. Достоевского
в публицистике В.Г. Короленко: реалистическая символика
как индикатор языкового авторского сознания 37
Ковыршина О.А. *(г. Липецк, Россия)*
Гуманистические традиции Ф.М. Достоевского в творчестве
Франсуа Мориака 45
Кондратьев А.С., Карягина С.С. *(г. Липецк, Россия)*
Пушкин как «наше всё»: духовный смысл и национальное
самосознание..... 50
Сатарова Л.Г., Котяева А.В. *(г. Липецк, Россия)*
Повесть Ф.М. Достоевского «Кроткая»: современное прочтение 55

Чудинова Е.В. *(г. Липецк, Россия)*
К проблеме перевода произведений Ф.М. Достоевского
на немецкий язык 60
Шматова Г.А., Гроздова О.Ю. *(г. Москва, Россия)*
Актуализация традиций православной книжности в романе
Е.Г. Водолазкина «Лавр» 65
Шуклова Л.Г., Беликов И.В. *(г. Липецк, Россия)*
«Слово о полку Игореве»: от событий прошлого
к вызовам настоящего 71
Юхименко Н.В. *(г. Москва, Россия)*
Лингводидактический потенциал сопоставительного анализа
архетипов творчества Ф.М. Достоевского и мифологем
древнекитайской традиции 76

Раздел 3
Русский язык как наследие святых равноапостольных Кирилла и Мефодия: к 225-летию со дня рождения В.И. Даля. Формирование и развитие современного русского языка: проблемы и перспективы

Богословская Н.А. *(г. Липецк, Россия)*
Образ Африки в «Толковом словаре живого великорусского языка»
В.И. Даля 80
Гончарова Т.В. *(г. Липецк, Россия)*
Персоносфера русского Православия в контексте истории русского
литературного языка 86
Гончарова Т.В., **Фурсова А.А.** *(г. Липецк, Россия)*
Антропонимы в семантической структуре русских фразеологизмов
как отражение русского национально-культурного кода 94
Гончарова Т.В., Мельникова М.А., Чекрыжова А.А. *(г. Липецк, Россия)*
М.Е. Салтыков-Щедрин как прецедентное имя русской культуры
(к 200-летию со дня рождения) 99
Кульгавчук М.В., Лыткина О.И. *(г. Москва, Россия)*
Лингводидактический аспект темы «Космос» на уроках
русского языка как иностранного 105
Петрова С.А. *(г. Санкт-Петербург, Россия)*
Процессы медиатизации в русском языке на материале лонгрида
«Земля отчуждения» 112

Попова Е.А., Боровкова А.И. *(г. Липецк, Россия)*
Образы врагов Руси / России как часть лексической и фразеологической системы русского языка и их отражение в лингвистических словарях 117
Попова Е.А., Диентин Чиаз Гвладис *(г. Липецк, Россия, Камерун)*
Составляющие образа русского мира в лингвострановедческом словаре «Россия» и возможности этого словаря для изучения русского языка и культуры 128
Раина О.В., Хмелевский М.С. *(г. Санкт-Петербург, Россия)*
Концептуализация прецедентных гидронимов в культурологическом сознании славян (на фразеологическом материале русского и сербского языков)..... 140
Усачева О.Ю., **Тепляшина Е.В.** *(г. Липецк, Россия)*
Новые источники прецедентности, функционирующие в интернет-дискурсе 145
Чернышова А.А. *(г. Липецк, Россия)*
Концепт «пояс» в русских пословицах, загадках и приметах (на материале сборника В. И. Даля «Пословицы русского народа») ... 152
Шуклова Л.Г., Сотникова Л.А., Шелкунова Л.Ю. *(г. Липецк, Россия)*
Гений А.С. Пушкина в переосмыслении и коренном преобразовании русского языка 156
Шуклова Л.Г., Шиловских П.А. *(г. Липецк, Россия)*
Кириллица на Руси: влияние на жанровую систему ранней восточнославянской литературы..... 163
Шурупова О.С., Шурупова А.С. *(г. Липецк, Россия)*
Образ многодетной семьи в русской языковой картине мира..... 167

РАЗДЕЛ 1

ВОПРОСЫ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ, СОХРАНЕНИЯ КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ, НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Безруких О.Е., канд. богословия, доцент, протоиерей
настоятель Никольского храма с. Каменка Задонского района Липецкой области
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»
г. Липецк, Россия

КАК ЗНАНИЕ БИБЛИИ ПРИГОДИЛОСЬ ГЕНЕРАЛУ ГЕОРГИЮ КОНСТАНТИНОВИЧУ ЖУКОВУ ПРИ ШТУРМЕ БЕРЛИНА

Аннотация

В статье рассмотрен пример того, как знакомство с Библией в детстве оказалось вдруг полезным советскому генералу Георгию Жукову в боях при штурме Берлина в 1945 году.

Ключевые слова: Кирилл и Мефодий; Библия; судии; ангел; война; победа; Пасха.

Миссионерский подвиг Солунских братьев святых Кирилла и Мефодия, вместе с азбукой подаривших славянам Священное Писание, дал возможность нашему народу черпать из Библии много спасительного и полезного, как для души, так и для решения важных практических вопросов.

Случай с генералом Георгием Константиновичем Жуковым является тому ярким подтверждением.

1. Библейский эпизод из книги Судей. В шестой и седьмой главах книги Судей рассказывается об освободительном подвиге древнеизраильского народного героя Гедеона [1].

В XI веке до Р.Х. мадианитяне, амаликитяне и другие кочевые племена с востока переходили реку Иордан и, подобно саранче, обрушивались на поля израильских земледельцев каждый раз в то время, когда начиналась жатва. Они забирали всё: продовольствие, скот и

вьючных ослов. Земля, опустошаемая каждый год, была заброшена, страну постигло бедствие – голод. Народ молил Бога о помощи.

Ангел Божий явился молодому Гедеону и сообщил, что он избран для спасения народа от кочевников. Гедеон, желая удостовериться, что перед ним не галлюцинация, не обман, но действительно посланник Божий, трижды предлагал ангелу чудесами это подтвердить. Ангел всё выполнил. На решительный призыв Гедеона к народу подняться на борьбу против захватчиков, отозвалось 32 000 мужчин. А врагов было 135 000. Силы не равные.

Но Господь сказал Гедеону, что врагов он победит с небольшим количеством храбрых воинов. Однако чтобы Гедеон и его войско не возгордились победой и не сказали, что своей силой одолели врага, ангел велел Гедеону предложить боязливым и робким вернуться домой. Таких оказалось 22000. С Гедеоном осталось только 10000 отважных воинов, но и эта армия была, по словам Божиим, слишком многочисленной. Ангел велел из них выбрать самых храбрых. Но как узнать это до начала сражения?

По совету ангела Гедеон стал внимательно наблюдать, как его воины после утомительного похода подойдя к реке, будут пить воду. Одни, увидев воду, наперегонки бросились к ней и взахлёб стали утолять свою жажду. Другие же вели себя сдержанно, и, подойдя к реке, черпая ладонью, пили воду с руки. Таких Гедеон насчитал 300 человек. Тот, кто умеет сдерживать себя, кто способен владеть собой, тот и есть самый храбрый и сильный. Гедеон и триста воинов отправились на сражение.

Ночью они незаметно со всех сторон окружили вражеский стан. У каждого был меч, труба и светильник, до поры прикрытый кувшином. По сигналу Гедеона воины разбили кувшины и осветили лагерь, ослепляя врагов. «И затрубили все три отряда трубами, и разбили кувшины, и держали в левой руке своей светильники, а в правой руке трубы, и трубили, и кричали: меч Господа и Гедеона!» [1, Суд. 7:20].

Свет, шум и крики разбудили кочевников. В лагере началась паника. Думая, что их окружает большая армия, не разбирая, где свой, где чужой, они в страхе поражали друг друга. Оставшихся добивали воины Гедеона. Немногие выжившие спасались бегством. Так Гедеон с небольшим отрядом благодаря помощи Божией победил войско, в 450 раз превосходившее численностью.

2. Военный эпизод при взятии Берлина. Берлин был окружен советскими войсками. Но фашисты отчаянно сопротивлялись. Чтобы сберечь жизни своих солдат, генерал Георгий Константинович Жуков

употребил военную хитрость, позаимствовав из Библии тактику Гедеона, но только уже с бóльшим размахом.

Ночью 16 апреля 1945 года при штурме Берлина на Зееловских высотах Георгий Жуков приказал включить 143 зенитных прожектора и направить их свет на врага. Вместе с прожекторами генерал приказал включить на полную громкость все воздушные сирены. При ярком свете прожекторов, громком вое сирен наши танки и пехота пошли в атаку на Берлин. Противник был ослеплен, оглушен и ошеломлен [2, с. 123].

Но мог ли советский генерал и коммунист Георгий Жуков знать библейский эпизод про подвиг Гедеона, когда в советском атеистическом государстве Библия была под запретом? Да, мог. А рассказал ему эту историю ещё в детстве учитель церковно-приходской школы.

3. Школа в деревне Величково. Родился Георгий Жуков в деревне Стрелковке Калужской губернии 19 ноября / 1 декабря 1896 года (за 20 лет до Октябрьской революции). И, как и все в то время, он со старшей сестрой и младшим братом был крещён в православии, в церкви села Угодский завод [3, с. 8-9].

В родной деревне школы не было. Поэтому семилетний Егор ходил пешком за 2,5 километра учиться в соседнюю деревню Величково, где за 19 лет до его рождения князь Николай Сергеевич Голицин (русский военный историк, мемуарист, генерал) в 1888 году построил и содержал трёхлетнюю церковно-приходскую школу. Школу Егор окончил с отличием.

К сожалению, здание школы не сохранилось. Там, где она была, благодарные граждане соорудили памятный знак с надписью: «На этом месте находилась Величковская церковно-приходская школа, где в 1903-1906 гг. учился будущий великий полководец ЖУКОВ Георгий Константинович».

В церковно-приходской школе учитель Сергей Николаевич Ремизов обучал детей письму, грамоте, счёту. Он пристрастил Егора к чтению. Настоял, чтобы тот пел в церковном хоре [3, 15–16]. На первом году изучался Закон Божий, в программу которого входила Библейская история. Среди изучаемых библейских событий был и эпизод с отважным народным вождём Гедеоном. Этот эпизод в нужный момент всплыл из детских воспоминаний генерала и послужил основой для необычного, нестандартного тактического военного решения.

4. Военный парад Победы. Оглядываясь на события Великой Отечественной войны, можно увидеть немало церковной символики, красноречиво свидетельствующей о таинственной связи неба и земли. Как известно Великая Отечественная война началась 22 июня 1941 года в воскресенье, в праздник Собора всех Русских святых. Бои пре-

кратились тоже в воскресенье 6 мая 1945 года – день памяти святого Георгия Победоносца, и сверх того на этот день пришёлся праздник Пасхи Христовой.

Ровно через пятьдесят дней в праздник Святой Троицы 24 июня 1945 года в Москве на Красной площади состоялся парад Победы. И когда Георгий Жуков на белом коне скакал мимо поверженных фашистских знамён, участникам и свидетелям этого события виделось, что словно святой Георгий Победоносец, изображенный на историческом гербе Москвы, сойдя с иконы, копьём поражает поверженного дракона.

Благодарение Богу за то, что святые наши первоучители Кирилл и Мефодий вместе с грамотой подарили нам Библию. Сокрытые в ней глубокие смыслы могут вдруг пронзительно ярко осветить ключевые события истории, и те предстают перед нами в новом свете, и в них начинают сиять вечные истины.

Список цитируемой литературы:

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Издательство Московской Патриархии, 2010. – 1376 с.

2. Георгий Константинович Жуков. Воспоминания и размышления. Том 2. 2009. [Электронный ресурс] – URL: https://litlife.club/books/45942/read?page=123 (дата обращения: 18.05.2026).

3. Михеенко, С.Е. Жуков. Маршал на белом коне / С.Е. Михеенко. – М.: Изд-во Молодая гвардия, 2015. – 631 с.

Гребенкин А.Н., д-р ист. наук, доцент
Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации
г. Орел, Россия

ВЛИЯНИЕ ФЕНОМЕНА РОССИЙСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ НА СИСТЕМУ ПОДГОТОВКИ ОФИЦЕРОВ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVIII В.

Аннотация

В статье на основе анализа трудов Екатерины II и И.И. Бецкого дана характеристика влияния просветительских идей на систему отечественного военного образования в последней трети XVIII в. Сделан вывод о том, что попытка создания «новой породы» людей, предпринятая в кадетских корпусах в правление Екатерины II, потерпела неудачу вследствие сознательной изоляции военной школы от социума,

однако ее отложенный эффект проявился в виде интеллектуального всплеска в офицерской среде во второй половине 1810-х – начале 1820-х гг.

Ключевые слова: Российская империя; Просвещение; Екатерина II; И.И. Бецкой; кадетский корпус.

Почти сразу же после своего вступления на престол Екатерина II задумалась о реорганизации системы образования. Хотя ее предшественниками было сделано достаточно многое (в 1731 г. был учрежден корпус кадетов, в 1755 г. – Московский университет, в 1757 г. – Академия художеств), целостная концепция обучения и воспитания подрастающего поколения еще не была разработана. На подготовке будущих офицеров это отражалось крайне негативно. Обучение велось бессистемно, наспех сформированные учебные планы осваивались лишь частично ввиду их обширности, методика преподавания находилась в зачаточном состоянии и основывалась на схоластике, многократном повторении и наказаниях за незнание уроков и леность.

Из трудов современных ей мыслителей Екатерина II вынесла представление о том, что в основе системы воспитания должен лежать принцип гуманизма. Впоследствии в разное время в своих многочисленных трудах императрица неоднократно упоминала, что образование должно развивать заложенное в человеке с рождения стремление к благу и добру. «Наказ Уложенной комиссии» открывался следующими словами: «Закон Христианский научает нас взаимно делати друг другу добро, сколько возможно» [5, с. 3]. В своем сочинении «Гражданское начальное учение» Екатерина II отмечала, что «человек имеет природу, одаренную благом» [3, с. 169]. «Инструкция князю Николаю Ивановичу Салтыкову при назначении его к воспитанию великих князей» закрепляла такой принцип, как «продолжение и подкрепление умонаклонения… питомцев ко всякому добру» [4, с. 201].

Необходимость реализации гуманистических идеалов на практике ставила на повестку дня совершенно новый круг задач. Требовалось обратить внимание на личность каждого воспитанника, наделенного индивидуальными чертами, и выстроить индивидуальную учебную траекторию в соответствии с его склонностями и желаниями, стремиться пробудить и укрепить в будущих офицерах патриотические чувства, сформировать представление о воинском и гражданском долге, пробудить тягу к неустанному самосовершенствованию и исправлению других, сохранить в юношах нравственную чистоту и благородные помыслы.

Решить эти задачи было возможно только в условиях полной изоляции молодых дворян от той косной и инертной среды, к которой

принадлежали их родители и иные родственники. Екатерина II, отличавшаяся редкостной личной энергией и поразительной работоспособностью, ненавидела современных ей Простаковых и Скотининых – невежественных, грубых, ленивых, жестоких людей. Она не осмелилась отменить Манифест о вольности дворянства, чтобы не стать жертвой очередного дворцового переворота, однако не одобряла стремление многих дворян сидеть в своих имениях, живя за счет крепостных и ничего не делая: «Непозволительно дворянству быть праздным, когда вокруг столько дел» [6, с. 6]. Исправление нравов дворян должно было осуществляться постепенно, за счет вливания в их носителей новых идеалов, до тех пор, пока они не будут способны образовать критическую массу. Проводниками новых взглядов должны были стать молодые офицеры и их спутницы жизни – образцовые женщины эпохи Просвещения. Для их подготовки следовало создать своеобразные дворянские инкубаторы, почти не соприкасавшиеся с окружающей действительностью и позволявшие исключить воздействие на питомцев житейской грязи, грубости, хамства, чванства, пороков и т. д.

Реализацией на практике сформулированной Екатериной II идеи создания «новой породы» людей занялся один из наиболее известных русских просветителей, личный секретарь самой императрицы И.И. Бецкой. В 1764 г. им было составлено «Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества», одобренное и утвержденное просвещенной самодержицей. Развитие нравственности воспитанников являлось приоритетной задачей их подготовки. Бецкой отмечал, что «…один только украшенный или просвещенный науками разум не делает еще доброго и прямого гражданина… корень всему злу и добру воспитание» [1, с. 2]. В школы дети должны были поступать в максимально раннем возрасте (5–6 лет), когда они уже могли сознательно обучаться наукам, но еще не были испорчены средой. Выпуск из заведения был максимально отсрочен с тем, чтобы его покидали уже сформировавшиеся люди, которые могли отстаивать свои взгляды и не поддаваться разлагающему влиянию того общества, которое им надлежало исправлять, направляя к свету, добру и красоте. Свидания с родителями, которые могли негативно влиять на обитателей «просветительских инкубаторов», были сведены к минимуму и должны были проходить под контролем представителей администрации, проводить каникулы вне заведения категорически запрещалось.

Подготовка офицеров в соответствии с принципами создания «новой породы» людей была организована в корпусе кадетов, который в соответствии с новым Уставом, разработанным И.И. Бецким и утвержденным Екатериной II 11 сентября 1766 г., стал именоваться

Императорским сухопутным шляхетным кадетским корпусом. Главными принципами воспитания были провозглашены «кротость, учтивство, человеколюбие с неразрывной от прямого воспитания благопристойностью» [2, с. 18]. Образцом кротости и благопристойности должен был являться сам руководитель заведения, именовавшийся генерал-директором. Его ближайшим помощникам следовало деятельно проводить в жизнь гуманистические идеалы. Так, корпусной цензор был обязан «рассуждать с определенными к воспитанию благородных, как бы в нежные их сердца вложить семена истинной добродетели, приучить к благопристойному поведению и учтивству, словом, вселить в них такие мысли, кои с праводушием и человеколюбием совершенно сходствуют, дабы заблаговременно предохранить их от примеров, к злонравию влекущих» [2, с. 6]. Содержание воспитания мыслилось как «достойное его (дворянина. – А. Г.) званию и добродетельное» [2, с. 1]. Наказания сводились к тому, чтобы «выговаривать с возможной умеренностью» [2, с. 2].

Программа обучения была рассчитана на 15 лет; таким образом, будущие офицеры должны были находиться в стенах заведения с 5–6 лет до 20–21 года. От родителей при поступлении требовалась подписка в том, что они не будут забирать кадет в течение всего срока обучения даже в кратковременные отпуска.

В общей сложности воспитанникам предстояло изучить 31 дисциплину. Все учебные предметы подразделялись на четыре группы: 1) «руководствующие к познанию прочих наук», 2) «предпочтительно нужные гражданскому званию» (корпус продолжал играть роль дворянского университета), 3) «полезные» и 4) «художества». К дисциплинам, которые имели статус «руководствующих к познанию прочих наук», Бецкой отнес логику, основы математики, красноречие, историю, географию и языки. «Предпочтительно нужными гражданскому званию», по его мнению, являлись нравоучение, государственная экономия, естественное, всенародное и государственное право. К числу «полезных» наук составитель устава отнес физику, астрономию, навтику, натуральную историю, воинское искусство, фортификацию, артиллерию и химию. Наконец, в перечень «художеств» вошли рисование, живопись, гравирование, изваяние, скульптура, архитектура, музыка, танцы и фехтование.

Разделение воспитанников на будущих офицеров и чиновников осуществлялось по истечении девяти лет пребывания в заведении, при переходе из третьего возраста в четвертый. На характер воспитания это не влияло. Составитель устава особо акцентировал внимание на том, что «хотя воинские экзерциции и требуют в команде строгости, однако (офицеры. – А. Г.) не будут препятствовать, чтоб и при сем так

же, как и при других случаях, кротость, учтивство, человеколюбие с неразрывной от прямого воспитания благопристойностью соединены были» [2, с. 18].

Екатерина II была искренне убеждена в том, что система военного образования, выстроенная в соответствии с принципами просветительской парадигмы, способствует формированию «новой породы» людей. Своеобразным «золотым веком» российских кадетских корпусов стали 1780-е и 1790-е гг., когда Сухопутный шляхетный корпус возглавлял земляк императрицы генерал-поручик Ф.-Е. Ангальт, а директором артиллерийского и инженерного корпуса являлся генерал-поручик П.И. Мелиссино. Под покровительством просвещенных начальников и высококвалифицированных педагогов кадеты читали книги античных авторов и современных им писателей и историков, делали выписки из них, а по воскресеньям, собравшись в зале, делились своими мыслями по поводу прочитанного. Карты, атласы, астрономические приборы, модели артиллерийских орудий – все это находилось в открытом доступе, удовлетворяя любопытство воспитанников и содействуя их развитию. Сад Сухопутного корпуса окружала так называемая «Говорящая стена», на которой по распоряжению Ангальта были изображены сюжеты всемирной и российской истории, материки, планеты и т. д.

Однако у корпусного просвещения была и оборотная сторона. Воспитанники, никогда не покидавшие своей оранжереи, были почти не знакомы с реальным миром, ожидавшим их после выпуска. Отсутствие иммунитета быстро давало о себе знать. Человеколюбие и благородные помыслы не выдерживали столкновения с той житейской грязью, которая, увы, и в эпоху Просвещения была неотъемлемой частью общественного бытия. Далеко не все питомцы Ангальта и Мелиссино находили в себе силы публично отстаивать свои идеалы, и некоторые из них предпочитали борьбе добровольный уход из жизни. Великий полководец Суворов, который видел подготовку офицеров совсем иной, высмеивал изнеженных офицеров из бывших кадет, называя их «курочками» и отказываясь принимать в те части, которые были под его началом. Таким образом, идея воспитания «новой породы» людей потерпела фиаско.

Сама Екатерина II после начала Великой Французской революции изменила свое отношение к идеям Просвещения, реализация которых на практике в итоге привела не только к ликвидации монархии, но и к казни Людовика XVI и Марии-Антуанетты. Заметно охладела она и к Сухопутному корпусу, который некогда с гордостью именовала «рассадником великих людей». Ангальт в последние годы своей жизни фактически находился в опале.

Можно ли считать, что просветительские идеалы несовместимы с подготовкой офицеров? Отвечая на этот вопрос, следует сказать, что главной причиной краха концепции воспитания «новой породы» людей были не идеи, заложенные в ее основу, а форма их реализации. Сознательная изоляция школы от жизни являлась главным методологическим просчетом. И кадеты, и их наставники гордились своей принадлежностью к маленькому интеллектуальному мирку, упивались мыслью о том, что они живут не так, как все. Однако бороться со злом во имя торжества добра они не были готовы. Если бы Екатерина II, И.И. Бецкой и директора корпусов предусмотрели связь между школой и жизнью, школой и армией, показали бы кадетам, что наряду со светом просвещения существует мрак невежества, и научили бы своих питомцев вытеснять разумом заблуждения и косность – тогда «новая порода» людей постепенно бы пробила себе дорогу, увлекая за собой остальных.

Вместе с тем нельзя считать, что никаких положительных результатов не было. Выпускники кадетских корпусов времени их «золотого века» мыслили сами и учили мыслить своих сыновей и младших братьев. Интеллектуальный всплеск в среде русского офицерства, который пришелся на вторую половину правления Александра I, во многом являлся следствием тех идей, которые легли в основу военного образования при Екатерине Великой.

Список цитируемой литературы:

1. Бецкой, И.И. Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества, конфирмованное Ея Императорским Величеством 1764 года марта 12 дня / И.И. Бецкой. – СПб.: Сенатская типография, 1764. – 4 с.

2. Бецкой, И.И. Устав Императорского Шляхетного сухопутного кадетского корпуса: дан в Санкт-Петербурге сентября 11 дня, 1766 года / И.И. Бецкой. – СПб: Сенатская тип., 1766. – 24 с.

3. Гражданское начальное учение // Сочинения императрицы Екатерины II. Издание Александра Смирдина. – Том I. – СПб.: В типографии Императорской Академии Наук, 1849. – С. 167–180.

4. Инструкция князю Николаю Ивановичу Салтыкову при назначении его к воспитанию великих князей // Сочинения императрицы Екатерины II. Издание Александра Смирдина. – Том I. – СПб.: В типографии Императорской Академии Наук, 1849. – С. 197–248.

5. Наказ комиссии о составлении проекта нового Уложения // Сочинения императрицы Екатерины II. Издание Александра Смирдина. – Том I. – СПб.: В типографии Императорской Академии Наук, 1849. – С. 3–165.

6. Стародубцев, М.П. Реализация проектов по реформированию российской системы образования в период правления Екатерины II / М.П. Стародубцев // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2014. – № 170. – С. 5–16.

Зауторова Э.В., д-р пед. наук, профессор
ФКОУ ВО «Вологодский институт права и экономики ФСИН России»
г. Вологда, Россия
ФКУ «Научно-исследовательский институт ФСИН России»
г. Москва, Россия

ИДЕИ АКАДЕМИКА Д.С. ЛИХАЧЕВА О НРАВСТВЕННОМ ВОСПИТАНИИ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Аннотация

В статье рассмотрена личность и педагогические идеи по нравственному воспитанию молодежи выдающегося человека, ученого, академика Дмитрия Сергеевича Лихачева, который в наше время является символом духовности и воплощения истинной русской гуманитарной культуры. Рассматривается актуальность изучения работ Д.С. Лихачева в современном мире, их неоценимое значение в воспитании подрастающего поколения.

Ключевые слова: Д.С. Лихачев; нравственные основы личности; русская культура; нравственное воспитание; подрастающее поколение и молодежь.

В настоящее время вопросы нравственности, духовности и воспитания личности стоят на первом месте. В мире молодых людей окружают псевдоценности, поток информации из Интернета, повсеместно используется искусственный интеллект и т.д. Поэтому мы обращаемся к педагогической литературе, ее классическим произведениям, чтобы найти опору, получить знания в сфере духовно-нравственного воспитания и развития личности.

Так, сущность категорий «духовность», «нравственность», «ценности», «личность» раскрыта в трудах различных ученых: философов (Н.А. Бердяева, Л.П. Буевой, И.А. Ильина, А.Ф. Лосева, Н.О. Лосского, В.С. Соловьева, В.П. Тугаринова и др.), социологов (С.Н. Иконниковой, В.Т. Лисовского и др.), психологов (Б.Г. Ананьева, Л.С. Выгот-

ского, Л.В. Занкова, А.Н. Леонтьева, А.В. Петровского, К.К. Платонова, Б.М. Теплова, В.Д. Шадрикова и др.).

Большой вклад в создание теории нравственного воспитания подрастающего поколения внесли труды О.С. Богдановой, Е.В. Бондаревской, Д.М. Гришина, И.С. Марьенко, Л.И.Новиковой, Л.И. Рувинского, Г.Н. Филонова, И.Ф. Харламова, Г.П. Щедровицкого и др.

Но особого внимания заслуживают труды Дмитрия Сергеевича Лихачёва – академика, выдающегося ученого современности, филолога, историка, философа культуры, – которые направлены на воспитание нравственности и нравственного поведения молодежи через приобщение к культуре и ценностям культуры, в том числе и культуре родного народа: «Сохранение культурной среды – задача не менее существенная, чем сохранение окружающей природы» [7].

Ценности искусства, культуры вызывают эстетическое чувство и способны влиять на возникновение эмоционального переживания, которое является выражением нравственных чувств. В искусстве эстетическое и нравственное сливаются воедино, тем самым осуществляется активное обратное воздействие искусства на саму жизнь. Многогранность этой взаимосвязи, на наш взгляд, особенно ярко проявляется в культуре.

Приобщение к культуре – важнейшая, неотъемлемая часть воспитания личности. Воспитание культурой – это целенаправленное и последовательное приобщение школьников к достижениям человечества как в материальном, так и духовном отношении [1]. Культурные ценности всегда конкретны как по своему содержанию, так и по форме. По убеждению отечественных философов (В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева и др.), не может быть отвлеченной культуры. Она всегда конкретно человеческая, национальная, народная.

Отечественные мыслители рассматривали русскую культуру как величайшую национальную ценность и в то же время как общечеловеческую ценность, как часть мировой культуры. Они высоко оценивали русскую культуру, видя в ней огромный потенциал формирования не только нравственных качеств личности, но и всего общества: наций и народностей страны.

Русская культура содержит в себе огромный нравственный ценностный потенциал и может способствовать формированию нравственных ценностных ориентаций молодых людей. Этот потенциал мы рассматриваем как возможность нравственного воспитания, которая при определенных условиях может значительно способствовать формированию нравственных качеств молодежи [1].

Широко известны фундаментальные работы Д.С. Лихачева «Письма о добром и прекрасном», посвященная юношеству нашей

страны; «Русская культура» (издана уже после смерти автора), представлена как своеобразное духовно-нравственное завещание России; «Раздумья о России», в которой душой болеет за Россию и просит, чтобы на свою страну смотрели в масштабах ее истории. Д.С. Лихачев написал заповеди, состоящие из 25 нравственных поучений. Они были созданы на основе Евангелия Христова. Например, «Люби людей – и ближних, и дальних», «Твори добро, не видя в том заслуги», «Люби мир в себе, а не себя в мире», «Будь совестлив: вся мораль – в совести»; «Чти прошлое, твори настоящее, верь в будущее». В настоящее время они стали своеобразными нравственными правилами для молодых людей и вообще для любого человека.

Его работы «Заметки о русском» (1981), «Земля родная» (1983), «Прошлое – будущему» (1985), «Заметки и наблюдения: из записных книжек разных лет» (1989); «Школа на Васильевском» (1990), «Книга беспокойств» (1991), «Раздумья» (1991), «Я вспоминаю» (1991), «Воспоминания» (1995), «Заветное» (2006) и др., а также очерки, статьи, выступления, интервью, беседы ученого представляют большой интерес для педагогов и используются при проведении бесед, классных часов, уроков о важном и т.д.

Только через процесс воспитания педагог видел возможность сформировать у обучающихся нравственное поведение: «воспитание – это прививка нравственности» [2]. Д.С. Лихачев был уверен, что все сферы общества и его жизнеспособность (политика, экономика, творчество, наука, культура и т.д.) определяет нравственная основа. Однажды на одной из встреч с молодежью Дмитрию Сергеевичу был задан вопрос: в чем вы видите смысл жизни? Он ответил: «Жизнь – это драгоценнейший дар… Нужно продолжать накапливать в жизни добро, накапливать все то, что способствует созиданию. И тогда человек будет счастлив, тогда он будет сознавать, что он живет не зря» [6]. При этом особо выделял нравственный потенциал культуры, которую призывал хранить и беречь: «это нравственный долг перед самими собой и перед потомками».

В книге «Письма к молодым читателям» собрано 47 писем, и каждое из них заслуживает искреннего внимания и вдумчивого прочтения. Их можно использовать на уроках, когда говорим о добре и зле, о простой жизни, о честности и совести со своими учениками. Те цитаты и слова ученого, которые иллюстрируют разговор и долго переживаются участниками воспитательного процесса. При этом нередко может возникнуть внезапное озарение – вдруг пришедшее понимание сути сложного вопроса и многое другое.

Воззрения академика Лихачева на историю российской культуры могут являться отправным пунктом для дальнейшего развития теории

педагогических систем в их общекультурном контексте, переосмысления целей воспитания, педагогического опыта.

При воспитании таких качеств, как гражданственность, патриотизм (ученый был категорически против национализма и самоизоляции), память о прошлом он связывал с культурным наследием, уважением традиций и национальных интересов (считал, что сохранение памяти – это один из способов существования культуры): «Человека нужно воспитывать не извне, человек должен воспитать себя из себя. Он должен не усваивать истину в готовом виде, но всей своей жизнью быть приближён к выработке этой истины» [4].

Д.С. Лихачев пропагандировал все русское и национальное, но всегда связывал с культурой: русский язык, русская литература, национальное искусство и т.д.; он не мог молчать о разрушенных памятниках архитектуры, глядя на бездумное уничтожение исторической памяти. При этом ученый говорил, что красота и добро едины для всех народов, так как это «вечные спутники, они едины между собой и одинаковы для всех народов», но ложь – это всегда воспринимается как зло для всех людей и народностей [5].

В своих трудах он поднимал проблемы воспитания таких нравственных качеств, как честь, искренность («Будь искренним: вводя в заблуждение других, обманываешься сам»), достоинство, правдолюбие, бескорыстие, интеллигентность [3]. В формировании данных качеств большое место он отводил школе: «школа должна воспитывать человека, способного осваивать новую профессию, и быть, прежде всего, нравственным».

Многие современные образовательные организации в настоящее время используют труды Д.С. Лихачева в педагогической практике. Ориентация молодых людей на ценности русской культуры как части общей духовной культуры имеет важное значение в нравственном становлении личности, т.к. способствует активизации процесса формирования нравственных ценностных ориентаций детей и подростков.

Опираясь на работы великого ученого, педагоги определяли главную цель – формирование нравственных ценностных ориентаций обучающихся средствами русской культуры.

Задачами выступали следующие:

1. Создание условий для разностороннего развития нравственных представлений у детей и подростков.

2. Формирование нравственных чувств обучающихся.

3. Включение подрастающего поколения в творческую деятельность, формирование у него познавательного интереса к русской культуре и истории своей страны.

4. Повышение общей культуры обучающихся.

Так, в одной из школ г. Вологды среди средних и старших классов при участии учителей литературы, истории, рисования и музыки были подготовлены и проведены внеклассные мероприятия, где использовались труды Д.С. Лихачева и цитаты, эпиграфы из них как материал для чтения и размышления и т.д.:

1) По теме «Формирование патриотических чувств, культуры отношения к природе Родины, воспитание любви к родному краю»: праздник «Родничок», беседа «Природа в музыке» (по произведениям русских композиторов), творческий вечер «Мои земляки» (встреча с вологодским композитором), концерт «Мое Отечество» (общешкольное мероприятие ко Дню Победы с выставкой рисунков о войне), встреча «Защитники Родины», литературно-музыкальная композиция «Россия в песнях», концерт-лекция «Музыка на дорогах войны», фольклорный праздник «Русские посиделки», Недели русской хоровой музыки и др.

2) По теме «Формирование гуманистических чувств, отношений, развитие сочувствия, взаимопонимания»: беседа «Мои друзья» (произведения русской музыки и литературы звучат как подарок другу), классный час «Эталон красоты в жизни и искусстве» (по произведениям музыки, литературы и живописи), праздник «Славим руки матери», «Это ласковое имя» (концерт для мам, бабушек и учителей), беседа «Музыка о добре и зле» (по произведениям композиторов-классиков и русских поэтов), клуб интересных встреч «История одной песни» (о любви, доброте, нежности) и др.

3) По теме «Развитие коллективистских чувств, единения, взаимовыручки, взаимоподдержки»: игра «Музыкальный КВН» (несколько команд соревнуются в области русской музыки), турнир «Знатоки русской оперы», вечер «Добро пожаловать» (праздник микрорайона), творческие конкурсы – «Исполнители авторских стихов», «Исполнители народных песен», «На лучшую музыкальную загадку», игра-путешествие в мир культуры «Свидетели эпох», викторина о событиях России «Перекличка времен», вечер инсценированной песни и др.

Каждое мероприятие включает в себя теоретическую и практическую части. Теоретическая часть представлена занятиями, на которых систематизируются, конкретизируются и углубляются знания. Практическая часть представляет собой систему творческих занятий, на которых осуществляется погружение детей и подростков в нравственные проблемы (изучение истории страны, исполнение хоровых произведений русских композиторов, выполнение творческих заданий, концертная практика и др.).

Особенно тщательно надо подходить к выбору произведений русской культуры, соответствующих жизненному и эмоциональному опыту того или иного возрастного периода обучающихся. При отборе материала также необходимо учитывать соблюдение принципов историзма, тематизма, синкретизма, культурологического подхода, что будет способствовать нахождению детьми и подростками личностного смысла в изучении произведений русской культуры, формированию нравственных и эстетических ценностных ориентаций подростков.

При систематической работе с обучающимися по приобщению их к ценностям русской культуры и искусства постепенно происходит накопление опыта творческого осмысления в процессе культуротворческой деятельности; поступательное движение детей и подростков в эмоциональном, осознанном освоении явлений русской культуры; осуществляется формирование навыков самостоятельного суждения о русской истории, культуре и произведениях российских авторов.

Большая роль при этом отводится самостоятельной творческо-поисковой деятельности обучающихся, которая осуществляется в процессе выполнения системы заданий для самостоятельной работы. По окончании проводятся обобщающие уроки-праздники, по результатам года – заключительные уроки-концерты.

Для контроля за результатами воспитательного процесса педагоги образовательной организации разработали критерии и показатели проявления нравственных ценностных ориентаций обучающихся в процессе приобщения их к русской культуре (таблица 1).

Таблица 1

Критерии и показатели проявления нравственных ценностных ориентаций, обучающихся в процессе приобщения их к русской культуре

Критерии	Показатели		
	Патриотизма	Гуманизма	Коллективизма
Мотивационный	Желание приобщиться к отечественной культуре	Эмоциональная отзывчивость на произведения русской культуры	Стремление находиться в ученическом коллективе, командная работа
Когнитивный	Знание характерных черт и традиций русской культуры	Способность сопереживать чувствам, которые выражены в произведении русской культуры	Проявление доброжелательности во взаимоотношениях и поведении в ученическом коллективе
Креативный	Проявление творческой активности в области русской культуры	Взаимопонимание и доброжелательность в ходе выполнения творческих заданий	Развитость чувства партнерства, сотрудничества в процессе творческой коллективной деятельности

Данные критерии по приобщению обучающихся к русской культуре помогут скорректировать процесс воспитания, найти более эффективные средства, формы и методы работы.

Мы знаем, насколько красива и достойна была жизнь Д.С. Лихачева. Поэтому очень важно, чтобы современные обучающиеся, молодежь смогли это понять и почувствовать, оценить его талант, беспрецедентную честность гражданина [8].

Таким образом, педагогические идеи великого ученого, академика Д.С. Лихачева по нравственному воспитанию подрастающего поколения актуальны сегодня как никогда. Необходимо более активно использовать труды Дмитрия Сергеевича в педагогической практике, оказывая воздействие на умы и чувства молодежи.

Список цитируемой литературы:

1. Зауторова, Э.В. Формирование нравственных ценностных ориентаций подростков средствами русской хоровой культуры: дисс… канд. пед. н. / Э.В. Зауторова. – Вологда, 2002. – 167 с.

2. Лихачев, Д.С. Воспоминания / Д.С. Лихачев; Ред. Т. Шмакова. – 2-е изд., перераб. – Санкт-Петербург: Logos, 1999. – 27 с.

3. Лихачев, Д.С. Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет / Д.С. Лихачев. – Ленинград: Сов. писатель, 1989. – 605 с.

4. Лихачев, Д.С. Земля родная: книга для учащихся / Д.С. Лихачев. – Москва: Просвещение, 1983. – 256 с.

5. Лихачев, Д.С. Раздумья о России. / Д.С. Лихачев. – Санкт-Петербург: Logos, 2001. – 672 с.

6. Лихачев, Д.С. Письма о добром и прекрасном / Д.С. Лихачев. Российско-Армянский (Славянский) гос. ун-т. – Ереван.: Изд-во РАУ, 2006. – 211 с.

7. Лихачев, Д.С. Экология культуры / Д.С. Лихачев // Знание – сила. – 1982. – № 6. – С. 22–24.

8. Опульская, Л.Д. Памяти Д.С. Лихачева / Л.Д. Опульская // Новый мир. – 1999. – № 12. – С. 239–240.

Коновалова И.Н., канд. пед. наук
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал
г. Липецк, Россия

УСТНЫЙ СЧЁТ В НАРОДНОЙ ШКОЛЕ С.А. РАЧИНСКОГО: СИНТЕЗ МАТЕМАТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ

Аннотация

В статье исследуется педагогическое наследие С.А. Рачинского в контексте духовно-нравственного воспитания. Автор анализирует методику обучения устному счёту в Татевской сельской школе как инструмент формирования логики и воли учащихся. Рассматриваются междисциплинарные связи математики с церковнославянской книжностью и народной культурой. На примере «последовательности Рачинского» показан синтез интеллектуального развития и православных традиций. Обоснована актуальность данного опыта для преодоления фрагментарности мышления в современной педагогике.

Ключевые слова: С.А. Рачинский; устный счет; православная педагогика; история образования; междисциплинарность.

Сегодня, когда кирилло-мефодиевское наследие вновь оказывается в центре научного и культурного внимания, особый интерес вызывает опыт педагогов, сумевших соединить в своей практике просвещение и духовно-нравственные ценности православной традиции. Выдающимся примером такого подхода является педагогическая система Сергея Александровича Рачинского (1833–1902). Оставив академическую карьеру в Московском университете, он уехал в родовое имение – село Татево в Бельском уезде Смоленской губернии и посвятил себя созданию уникальной модели народной школы.

Изучение математики в системе Рачинского не сводилось к формированию вычислительных навыков, педагог относился к устному счёту как к «умственной гимнастике» и утверждал, что упражнения укрепляют волю и внимание – качества, необходимые для воспитания нравственности. Рачинский хорошо понимал особенности жизни крестьян, когда в быту часто отсутствовали подручные средства для письменных расчетов, и нужно было быстро и правильно считать в уме. В его арифметическом курсе содержались практические задачи прикладного характера, встречались привычные для того времени еди-

ницы измерения длины, веса, расстояния: аршины, версты, пуды, фунты и др. В Татевской школе первое знакомство с числами проходило одновременно с чтением Псалтыри и изучением церковнославянского языка. Числа здесь обозначались буквами алфавита, отличались они специальным знаком в виде волнистой черты над буквой (или буквами). Этот знак назывался «титло». С помощью букв записывались все цифры, кроме нуля; десятки; для обозначения сотен дополнительно перед буквой внизу выставлялся специальный знак, похожий на запятую. Для обозначения тысяч также использовался особый знак. Если число превышало 9000, применяли комбинации нескольких знаков. Для обозначения крупных числовых разрядов применялись также особые слова: тьма, легион, леодр, ворон, колода; но их значения различались в зависимости от применяемой системы «малого» или «большого» счета, и они использовались реже.

Ученики Рачинского не делили мир на «гуманитарный» и «технический». Педагог заметил, что когда дети анализировали структуру молитв или запоминали последовательность строк, они тренировали память и способность видеть закономерности. А это, в свою очередь, помогало им лучше понимать математические алгоритмы, выстраивать цепочки вычислений, замечать общие принципы в разных задачах и применять их на практике. С другой стороны, Рачинский часто повторял, что усвоение красоты в точных науках является первым шагом к усвоению красоты моральной. Таким образом, была выстроена целостная система обучения, где каждая дисциплина укрепляла другую, и знания не оставались теоретическими, а находили применение в реальной жизни.

Методика обучения математике у Рачинского базировалась на поиске «элегантных» решений. Вместо механического алгоритмизированного счёта ученики использовали свойства чисел.

Рассмотрим некоторые приёмы устного счета, которые были известны детям в школе Рачинского.

1. Возведение в квадрат двузначных чисел, превышающих 25. Алгоритм вычисления: нужно найти разность между исследуемым числом и числом 25, результат умножить на 100, после чего прибавить квадрат дополнения исходного числа до 50.

Следуя этому алгоритму, вычислим 37^2.

$37^2 = (37 – 25) \cdot 100 + (50 – 37)^2 = (12 \cdot 100) + 13^2 = 1369$

2. Умножение на число, состоящее из девяток. От первого множителя отнимается единица, и к результату дописываются цифры, дополняющие каждую позицию до 9.

Выполним умножение числа 137 на 999.

1) 137−1=136.

2) 9−1 =8

3) 9−3=6

4) 9−6=3

5) к 136 дописываем 8, 6 и 3 и получаем число 136863, это и есть искомое произведение.

Символом методики педагога стала картина Н.П. Богданова-Бельского «Устный счёт. В народной школе С.А. Рачинского» [1], где запечатлено решение знаменитой последовательности:

$(10^2 + 11^2 + 12^2 + 13^2 + 14^2) : 365$ (рис. 1).

Рис. 1. Н.П. Богданов-Бельский. Устный счёт.
В народной школе С.А. Рачинского. 1895 г.

Ученики Рачинского знали закономерность, согласно которой сумма квадратов трех последовательных натуральных чисел 10, 11 и 12 равна сумме квадратов двух следующих:

100 + 121 + 144 = 365 и 169 + 196 = 365, что позволяло решить пример устно и получить ответ «2».

Решали дети и логические задачи.

«Я принёс своим ученикам пряники. Хотел дать каждому по 7, но 36 пряников не хватило. Если же я дам каждому по 6 пряников, то их останется 12. Сколько я принёс пряников, и сколько у меня учеников? Ответ: 300 пряников; 48 учеников» [4].

Задачи Рачинского уникальны. Это не просто упражнения по арифметике, а система развития интеллекта через практику устного счёта, тесно связанная с жизнью и культурой своего времени. Они имеют педагогическую, практическую и историческую ценность.

Методики Рачинского широко применялись современниками и сохранялась в школьном обучении до 20-х годов XX в. Математический аппарат задач востребован и в XXI в., он заложен в некоторые из современных программ по развитию мышления и логики, например, используется в развивающих курсах для подготовки к участию в математических олимпиадах.

Педагогическая система Рачинского органично соединила обучение с православным воспитанием и стала воплощением идей «православной педагогики», в которой вера, знание и труд составляют единое целое. В центре педагогической системы Рачинского находится воспитание христианина. Учебная программа Татевской школы строилась на приоритете Закона Божия. Занятия проходили в форме «задушевных бесед», где Рачинский с учениками разбирал притчи Иисуса Христа, подробно изучались заповеди блаженства и ключевые евангельские истины; жития святых и другие душеполезные книги.

Учебный день начинался с утренней молитвы в 6 часов; особое внимание уделялось православным праздникам и богослужению; школьники участвовали в церковных песнопениях; практиковались школьные паломничества (например, поход в Нилову пустынь, описанный Рачинским в статье «Школьный поход в Нилову пустынь»).

В каждом ученике педагог видел «искру Божию»; учитывал наклонности детей при определении их будущей профессии; сочетал требовательность с любовью и заботой. Знаменитая картина «Устный счёт. В народной школе С.А. Рачинского» [1] – это дань памяти учителю. Мальчик, который шепчет на ухо Рачинскому ответ – это сам художник в детстве. Николай Петрович Богданов-Бельский учился в Татевской школе у С.А. Рачинского. Незаконнорожденный крестьянский сын не имел бы шансов на образование, но Сергей Александрович заметил его талант и оплатил обучение сначала в иконописной мастерской Троице-Сергиевой лавры, а затем в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Так талантливый мальчик стал академиком живописи и одним из самых известных портретистов своего времени. Ученики Рачинского продолжали образование в духовных семинариях и даже поступали в духовную академию. Другие оканчивали фельдшерские курсы, живописные мастерские, ремесленные заведения, получали педагогическое образование и становились учителями в школах, открытых Рачинским. Многие становились управляющими, купцами, заводили своё дело.

Татевская школа также стала центром просвещения для взрослых, по воскресеньям сюда приходили сельские жители, где для них демонстрировались достижения детей, проводились беседы. Рачинский считал трезвость необходимым условием для ясного ума и в 1882 году основал Общество трезвости, в которое сначала входили только бывшие ученики Татевской школы. Члены общества принимали торжественный обет воздержания от спиртных напитков сроком на один год, и впоследствии регулярно обновляли его. Имена членов общества, после принятия обета, заносились в «Книгу трезвости», которая хранилась в церкви. Эти имена упоминались за богослужением. Деятельность Татевского общества трезвости дала положительные результаты. По воспоминаниям современников, в окрестности села Татево не было на тридцать вёрст кругом ни кабаков, ни водки, ни пьяных. Опыт Татевского общества стал образцом для других регионов. К 1913 году в России существовало более двух тысяч таких обществ, в которых состояло около полумиллиона человек. Таким образом, Рачинский не только создал конкретное общество в Татево, но и заложил основы движения за трезвость в России, тесно связанного с деятельностью Русской Православной Церкви.

Прикладной характер математики в Татевской школе проявлялся и в социально-педагогической миссии учителя. Являясь основателем Общества трезвости, С.А. Рачинский включал в обучение задачи, наглядно демонстрировавшие экономическую и моральную пагубность пьянства. Расчёты того, сколько средств тратилось на спиртное, вместо покупки хлеба или затрат на образование, служили для крестьянских детей наглядным уроком трезвости и ответственного отношения к семейным ресурсам.

Пример из задачника Рачинского.

«Крестьянин еженедельно тратит на спиртное 40 копеек. Требуется рассчитать годовые расходы на пагубную привычку и определить, сколько пудов ржаной муки могла бы приобрести его семья на эти средства, если цена пуда составляет 80 копеек?».

Деятельность Рачинского получила высокую оценку. В 1891 г. он был избран членом-корреспондентом Академии наук, в 1899 г. удостоен Высочайшего рескрипта от императора Николая II с благодарностью за служение народному образованию: «Школы, вами основанные и руководимые, … стали питомником … добрых нравов и живым образцом для всех подобных учреждений».

Меценатство Рачинского выходило за рамки материальной поддержки – это было целостное служение народу. Он создал модель школы как центра духовной, культурной и трудовой жизни села, где образование сочеталось с традициями, верой и практической пользой.

Его опыт остаётся примером интеграции просвещения, милосердия и сохранения национальной самобытности.

Наследие С.А. Рачинского доказывает, что решение сложных задач в уме – это не просто тренировка мозга, а своего рода «умное делание». Оно учит честности, терпению и умению отсекать лишнее, что напрямую созвучно православным традициям воспитания личности. Опыт школы Рачинского преодолевает барьер между гуманитарным и техническим знанием. В системе Рачинского наука (математика), язык (церковнославянский) и вера (Православие) составляли единый образовательный фундамент, где логика чисел подтверждала гармонию Божественного замысла.

В наши дни, когда ученики привыкли к готовым ответам и помощи калькулятора, возвращение к элементам методики Рачинского (устному счёту, поиску изящных решений) жизненно необходимо для борьбы с фрагментарным, поверхностным, неосознанным мышлением. Именно поэтому в личной педагогической практике автора этой статьи элементы методики С.А. Рачинского интегрируются в процесс решения расчётных задач с прикладным (экономическим) содержанием. Предварительная оценка «на глазок», т.е. с опорой на приёмы устного счёта и визуальное моделирование (схемы, диаграммы), позволяет обучающимся сначала сформировать интуитивное понимание математической ситуации, а затем верифицировать полученные результаты с помощью строгих формульных расчётов.

Таким образом, опыт С.А. Рачинского убедительно доказывает, что математика в руках педагога-христианина оказывается не просто технической дисциплиной, а действенным средством воспитания целостной, мыслящей личности, способной видеть гармонию и истину в единстве числа и слова.

Список цитируемой литературы:

1. Богданов-Бельский, Н.П. Устный счёт. В народной школе С.А. Рачинского. 1895. [Электронный ресурс] // Государственная Третьяковская галерея: сайт. – URL: tretyakov.ru (дата обращения: 09.05.2026).

2. Коншин, Н.Н. Религиозно-нравственные основы педагогической деятельности С.А. Рачинского / Н.Н. Коншин // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2009. – № 6. – С. 158–161.

3. Полознев, Г. Последовательности Рачинского [Электронный ресурс] / Г. Полознев // Наука и жизнь. – 2007. – № 8. – URL: nkj.ru (дата обращения: 09.05.2026).

4. Рачинский, С.А. 1001 задача для умственного счёта [Электронный ресурс] / С.А. Рачинский. – СПб.: Синодальная типография, 1899 // Электронная библиотека Mathedu.ru. – URL: mathedu.ru (дата обращения: 09.05.2026).

5. Рачинский, С.А. Сельская школа: сборник статей / С.А. Рачинский. – 6-е изд. – СПб.: Синодальная типография, 1910. – 371 с.

6. Стеклов, М.Е. С.А. Рачинский – народный учитель: монография / М.Е. Стеклов. – М.: Алгоритм, 2002. – 267 с.

Панова Е.А., канд. исторических наук
член Липецкого регионального отделения
«Объединение православных ученых», Липецкий филиал
г. Липецк, Россия

ИСТОРИЯ СЕМЬИ В ИСТОРИИ СТРАНЫ

Аннотация

В публикации рассматривается важность сохранения традиционных семейных ценностей, значимость изучения истории рода и передачи традиций подрастающему поколению. Представлены схематичные ориентиры поиска документальных сведений о родственниках. Перечислены виды документов для генеалогических исследований. Деятельность по изучению семейной истории способствует объединению разных поколений семьи, улучшает взаимоотношения, передает жизненный опыт. В итоге исследовательской работы может быть составлена родословная схема (генеалогическое древо).

Ключевые слова: семья; связь поколений, традиции; родственные связи; родословная.

В современных реалиях перед нашей страной и обществом в целом возникают новые вызовы. Враждебная европейская пропаганда нацелена на уничтожение традиционной семьи. Сегодня наша общая задача – противостоять глобалистскому давлению извне на традиционные ценности. Для каждого из нас важно сохранить семью, укрепить ее, опираясь на исторические традиции.

Исторический путь, который прошла Россия на протяжении многих веков, немыслим без любви к семье и своим близким. Мы любим свою семью, а значит мы любим свою Родину. Готовы служить ей и защищать ее на всех фронтах.

История каждой семьи удивительным образом вплетается в богатейшую уникальную историю нашей страны.

С чего начинается наш интерес к истории своего рода? К прошлому своей семьи? Самые ранние открытия мы делаем в раннем детстве, общаясь со своими бабашками и дедушками – «хранителями» семейного прошлого. Эти рассказы могут стать мотивом к изучению семейной истории. Главная ценность этого общения заключается в ощущении единства подрастающего поколения со своими родственниками, установлении внутрисемейных связей, исследовании исторического пути своих предков, их участии в наиболее знаковых исторических событиях.

Интерес к прошлому своей семьи можно формировать у детей всех возрастов. Даже младшим школьникам можно предложить тест на связь поколений из самых простых вопросов. Например, назови по имени папу дедушки (маму бабушки); что ты знаешь о школьных годах твоих родителей (бабушек, дедушек); есть ли в твоей семье семейные истории, которые передаются из поколения в поколение и т.д.

Наиболее осознанный интерес к своей родословной может проявляться в подростковом возрасте, когда приходит понимание родственных связей. В этот момент многие становятся перед выбором своей будущей профессии или увлечений, которым будут посвящены многие годы.

Таким образом, изучение семейной истории способствует развитию личностных ценностей. В самом раннем возрасте многое закладывается в человеке на примере взаимоотношений родителей и родственников: привычки, структура мышления, модели поведения, формируются личностные основы.

Безусловно, это идет на пользу как самому человеку, так и семье в целом. Сам процесс сбора сведений и их оформления будет полезен для налаживания контакта между родственниками. На основе общих семейных интересов или традиций могут формироваться семейные династии.

В первую очередь, начинающему исследователю необходимо внимательно изучить семейный архив. Даже на начальном этапе поиска можно обнаружить удивительные находки. Информативными источниками могут оказаться фотографии, письма, записки, разные документы. Все сведения следует грамотно структурировать, иначе можно запутаться в хитросплетениях родственных связей. Сведения можно хранить на бумажных носителях либо в электронных папках.

Следующий этап – поиск сведений в Интернете. С помощью современных средств госучреждения ведут работу по сохранению документальных свидетельств (см., например, архивные документы времен

Первой и Второй мировых войн [1]). В источниковых базах действует поисковая строка, ведется фамильный поиск. Информационные базы содержат приказы о награждениях, наградные листы, списки пропавших без вести и погибших.

Проведя подготовительную работу по установлению анкетных данных членов своей семьи, можно приступить к архивному поиску, т.е. начать работу по поиску архивных документов. Здесь наибольший интерес представляют документы XVIII – XIX вв., а также начала XX века. Весьма информативными источниками являются: брачные обыски (установление неродства для вступающих в брак); вид на жительство (выдавался с 1894 г. главе семьи в местах постоянного проживания); домовая книга (документ административного учета населения городов в XVIII – XX вв.); исповедные росписи (ведомости) (документ церковного учета населения с 1697 г.); межевая книга (документ имущественного характера, учитывающий земельные владения); переписные листы Первой всеобщей переписи населения 1897 г.; ревизские сказки (документы ревизского учета 1-10-й ревизии (с 1718 по 1858 гг.); родословные книги, посемейные списки домовладельцев; похозяйственные книги сельсоветов, колхозов и совхозов и др.

Наиболее распространенными и интересными документами подобного рода являются метрические (троечастные) книги, содержащие сведения о рождении, браке, смерти. Повсеместное ведение метрических книг началось по указу Петра I в 1722 г. После 1918 года функции по учету и регистрации актов гражданского состояния перешли к исполнительным комитетам в городах, а в сельской местности – к сельским Советам или волостным исполнительным комитетам.

В особую группу можно выделить документы, касающиеся судеб жертв политических репрессий [3]. Архивно-следственные дела могут содержать фотографии репрессированного родственника, документы, личные предметы. Порой семья может даже не догадываться о том, что кто-то из членов семьи был репрессирован. В 1991 г. с целью реабилитации всех жертв политических репрессий, подвергнутых таковым на территории РФ с 25 октября (7 ноября) 1917 года, восстановления их в гражданских правах, устранения произвола и компенсации морального ущерба был принят Закон РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18.10.1991 №1761-I.

Не стоит прекращать поиски информации даже в случае отрицательных ответов. Даже если перспективы поиска кажутся нулевыми, исследователь набирается опыта и новых знаний.

При проведении исследований важно учитывать административно-территориальное деление регионов, которое многократно менялось.

Документы могут фрагментарно храниться в разных архивах, поэтому необходимо вести параллельные поиски. Большинство современных архивов принимает обращения в электронном виде.

Для систематизации полученных сведений можно воспользоваться специализированными онлайн-сервисами и программами. Они автоматически структурируют информацию и выстраивают родословную схему (генеалогическое древо).

Изучение истории своего рода, проведение генеалогических изысканий, составление родословного древа – занятие трудоемкое, но увлекательное. Но наградой за него будут слова искренней благодарности и восхищения родных и близких. Это будет настоящий неоценимый подарок вашим потомкам. Ведь собрать и упорядочить информацию, которая сегодня кажется обыденной и общеизвестной, будет гораздо сложнее систематизировать через несколько поколений.

Изучать историю своего рода можно всю жизнь, вовлекая в этот процесс своих родственников, друзей, знакомых. Это достойное увлечение, безусловно, порадует новыми открытиями, хотя и озадачит многими вопросами.

К тому же, интерес к истории своей семьи потребует не только знаний общеисторического характера, но и накопленного опыта. Кроме этого, семейные изыскания могут быть связаны с такими смежными историческими дисциплинами, как геральдика, историческая география, топонимика, антропонимика и т.п. Предметом отдельных изысканий может быть изучение истории личных имен, прозвищ, фамилий, а также населенных пунктов [2; 3].

Подводя итог, можно утверждать, что изучение семейной истории:

– способствует объединению разных поколений семьи;
– отчасти решает проблему «отцов и детей»;
– улучшает взаимопонимание в семье;
– развивает родственные связи;
– расширяет кругозор и способствует накоплению новых знаний;
– передает накопленный жизненный опыт;
– сохраняет традиционные семейные ценности;
– повышает понимание значимости каждого человека, личности;
– способствует повышению ответственности за судьбу семьи, рода, своего народа и общества в целом.

Список цитируемой литературы:

1. Книга Памяти липчан, погибших в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. [В 5 т.] / авт.-сост. В.Д. Бойко; Липецкий област-

ной совет депутатов; Администрация Липецкой обл.; Отд-ние Рос. Фонда мира. – Липецк: Липецкое изд-во, 1995 – 1997.

2. Липецкая энциклопедия [В 3 т.] / Сост. Шальнев Б.М., Шахов В.В. – Липецк: НИП «Гелион», 1999 – 2001.

3. Помнить поименно. Книга памяти жертв политических репрессий Липецкого края [В 2 т.]. – Липецк, 1997.

Шуклова Л.Г., канд. филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»
г. Липецк, Россия

КИЕВСКАЯ РУСЬ И ДРЕВНИЕ ТРАДИЦИИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация

Цель статьи – рассмотреть истоки славянской культуры, относящиеся к периоду Киевской Руси, и выявить роль христианской веры в ее формировании.

Ключевые слова: Древняя Русь; Киев; Крещение Руси; христианство; культура.

Один из древнейших и красивейших городов Европы – стольный град Киев – занимал выдающееся место среди других городских центров древнерусского государства, да и всей Восточной Европы. Киев оправдывал своё летописное название «матери городов русских». Это был экономический и политический центр Древней Руси. Известно, что немецкий хронист Адам Бременский (XI в.) назвал его «жемчужиной Востока» и «вторым Константинополем». Благоприятное географическое и военно-стратегическое положение Киева, расположенного на высоких днепровских кручах, обеспечивало ему господство на водных путях, соединявших север и юг, и открывало доступ к Чёрному и Азовскому морям и таким богатым странам, как Византия, Дунайская Болгария, Крым и Хазария [1].

Расцвет древнерусского государства, земли которого простирались от Белого моря до Чёрного и от Карпатских гор до Приволжских степей, наступил в X веке, после объединения восточнославянских племён вокруг Киева, и продолжался до 30-х годов XII века, когда в

результате развития феодальных отношений усиливается процесс феодальной раздробленности.

Длительное время культура Древней Руси развивалась в постоянном общении с крупнейшими центрами древних цивилизаций как Запада, так и Востока. Она обогащалась знакомством с лучшими достижениями Византии, Западной Европы и мусульманского мира. На этой сложной и многообразной основе создавалась и крепла самобытная русская культура. Уже к концу XI века культура Древней Руси достигла уровня передовых стран средневековой Европы, а в XII веке продолжалось её поступательное развитие, временно прерванное нашествием монголо-татар. Русская культура домонгольского времени отличалась глубоким гуманизмом, терпимостью ко всем иноязычным и иноверным народам, была проникнута глубоким патриотизмом, верой в красоту своей земли и силу духа её народа.

Средневековая Европа длительное время была не только свидетельницей, но и участницей борьбы в сфере политики, религии, идеологии и культуры двух мировых центров Запада и Востока – Рима и Константинополя. В сферу этой борьбы было втянуто и самое крупное и могущественное государство Восточной Европы – Киевская Русь. Если Запад был повёрнут лицом к Риму, то Русь и Балканы были обращены ко «второму Риму» – Константинополю.

988 год – год крещения киевлян Владимиром I Святославичем – считается датой крещения Руси. Эта дата условна: она лишь открывает длительный и всеобъемлющий процесс христианизации. Тысячелетие этого события торжественно отмечалось не только в нашей стране: по решению ЮНЕСКО тысячелетие крещения Руси отмечено в 1988 году как юбилейная дата мировой культуры.

Киевская Русь к моменту принятия христианства была уже могущественным государством, с большим числом городов, развитыми ремёслами и торговлей. Иностранные купцы и дипломаты называли её «страной городов» [4], а летописи упоминали для XI–XII веков более 220 городских центров, среди которых крупнейшими были Киев, Чернигов, Переславль, Галич, Туров, Смоленск, Полоцк, Новгород, Суздаль, Рязань и многие другие.

С введением христианства укрепляются международные связи Киевской Руси, она равноправным партнёром входит в число государств христианской Европы.

Христианство сливалось с народной культурой славянства, его традициями, мифологией, исторической памятью, создавая ту почву, на которой взойдут первые ростки не только русской, но и украинской, белорусской культур.

Христианизация Руси потребовала большого количества церковно-богослужебных книг, которые переписывались с болгарского или греческого на формировавшийся древнерусский язык.

Древнерусская литература с самого начала пропагандировала и отстаивала национально-государственные идеи политической и религиозной Руси, формировала национальное самосознание древнерусского общества.

Большого мастерства достигло в Киевской Руси искусство рукописной книги и книжной миниатюры. Книги издревле были любимы на Руси, их берегли и богато украшали. По словам летописца XI века, книги – это реки, питающие вселенную, это источники мудрости, в них – неизмеримая глубина.

Старейшая из древнерусских книг – «Остромирово евангелие» – была написана в 1056–1057 годах в Киеве дьяконом Григорием для Новгородского посадника Остромира. Книга украшена многочисленным инициалами, заставками и миниатюрами с фигурами евангелистов.

Интересные миниатюры, например, с изображением княжеской семьи, украшают «Изборник Святослава», написанный в Киеве в 1073 году. Любопытны рисунки на полях этой книги с изображением знаков зодиака, мастерски выполненные рукой талантливого художника.

Как только на Руси было принято христианство, сразу появляется церковная символика. Церковь была не только роскошным и великолепным для тех условий сооружением, но доступной для народных масс.

Строительство церкви всегда исходило из задачи распространения христианского учения, влияния на духовную жизнь прихожан.

В конце X–XI вв. на Древней Руси было воспринято византийское каменное зодчество.

Первый каменный храм на Руси – храм Успения Богородицы (так называемая Десятинная церковь) в Киеве (989–996 гг.) был сооружён, по данным летописи, греческими мастерами. Спустя несколько десятилетий, в 1031–1036 годах, в Чернигове был воздвигнут греческими же зодчими собор Спаса Преображения, характеризовавшийся строгостью архитектурных форм, элегантной простотой композиционных решений и византийской техникой кладки [3].

Собор Святой Софии в Киеве (1037–1064 гг.), вершина южнорусского зодчества XI века, призван был возродить на Киевской земле традиции главной святыни православного мира – Софии Константинопольской. Как София Константинопольская символизировала победу христианства и могущество византийских императоров, так и София Киевская утверждала христианство в Древней Руси и силу великокняжеской власти. Но художественное воплощение этой идеологической

концепции в Константинополе и Киеве было различным. София Киевская – любимое детище князя Ярослава Мудрого, огромный храм, с просторными хорами, созданный совместно с греческими и русскими мастерами, – не имеет прямых аналогий среди памятников церковного зодчества Византии.

Софийский собор – самое ценное сокровище Киевской Руси. Его строительство, судя по древнерусской летописи «Повесть временных лет», началось в 1037 году на месте, где годом ранее Ярослав Мудрый окончательно разгромил печенегов. Построенный в память победы над печенегами и ставший символом нового объединения Руси под властью Киевского князя, Софийский собор прекрасно выражает идеи торжества и единения.

Если в XI – первой половине XII века византийские традиции достаточно прочно сохранялись в древнерусском зодчестве, то со второй половины XII века намечается явное ослабление византийского влияния. Это ознаменовалось появлением в древнерусской архитектуре храмов башнеобразной формы, которых не было в византийском зодчестве. Процесс складывания национальных черт в древнерусской архитектуре был медленным и плавным, окончательное своё завершение он нашёл позднее в зодчестве Московской Руси.

На Руси XI–XII веков существовало две традиции в украшении храмов росписями. Одна, более строгая и торжественная, находит свои истоки в монументальной живописи Византии, другая, более свободная, живописная, сложилась уже на русской почве. Классическим памятником, воплотившим первую традицию, является София Киевская. Мозаики и фрески Софийского собора в Киеве создавались длительное время (1037–1067 гг.) совместно византийскими и древнерусскими мастерами [2].

Истинным духовным богатством Древней Руси было устное народное творчество во всём многообразии его проявлений: песни на бытовые, обрядовые и исторические темы, пословицы и поговорки, сказания и былины. У древних славян существовали музыкальные инструменты, под аккомпанемент которых пели. И хотя до нас не дошли мелодии того времени, но, по предположениям исследователей, последующие успехи в развитии песенного творчества и инструментальной музыки были бы невозможны без наличия у этого вида искусства древних традиций.

Многое из устного народного творчества Древней Руси не сохранилось не только потому, что записывать его стали очень поздно (XVIII век), когда многое было уже утеряно. Роковую роль сыграло неприязненное отношение к древнерусскому фольклору и литературе, создавшейся на его основе, Русской православной церкви, которая

стремилась искоренить остатки язычества всеми доступными ей средствами. Однако в X–XI вв. народное влияние было велико и сохранилось даже в современном былинном эпосе.

Одна из особенностей древнерусской эстетики – её патриотический характер. Любовь к своей земле, родной природе стала лейтмотивом древнерусской литературы и в особенности эпоса.

Около ста лет Русь сдерживала натиск печенегов на Европу, и эта борьба являлась государственной политикой: великие князья Владимир и Ярослав строят многочисленные крепости, собирают на защиту южных границ, на «богатырские заставы» воинов со всех земель древнерусского государства. В последующие годы Русь вела упорную борьбу с половцами, а в 1238–1240-х годах она грудью встретила татаро-монгольское нашествие, заслонив собой страны Европы.

Поэтому строительство городов, крепостей и замков имело в жизни Руси огромное значение. В процессе этого строительства и совершенствовалось, развивалось мастерство русских зодчих. Русь – страна лесов, и в большинстве её постройки ранних эпох были деревянными.

Застройка древнерусских городов носила живописный характер: комплексы деревянных строений княжеских и боярских дворцов с высокими теремами, многочисленные деревянные и каменные церкви и монастыри украшали силуэт города. Первое упоминание о каменной дворцовой постройке относится к 945 году [5].

Могучее Киевское государство просуществовало недолго. В XII веке оно распалось на ряд отдельных княжеств. Но *древние традиции славянской культуры воспринимаются нами как особый, исключительно своеобразный, ни с чем не сравнимый мир, в котором претворилась русская история, русская природа, русский характер*.

Список цитируемой литературы:

1. Вернадский, Г.В. История России Киевская Русь / Г.В. Вернадский. – Тверь: Москва: Леан Аграф, 1996. – 448 с.

2. Греков, Б.Д. Киевская Русь / Б.Д. Греков. – Москва, Ленинград: Изд. АН СССР, 1953. – 568 с.

3. Греков, Б.Д. Культура Киевской Руси / Б.Д. Греков. – Москва: Изд. АН СССР, 1944. – 76 с.

4. Мавродин, В.В. Образование Древнер. государства и формирование древнерусской народности / В.В. Мавродин. – Москва: Высшая школа, 1971. – 192 с.

5. Пашуто, В.Т. Внешняя Политика Древней Руси / В.Т. Пашуто. – Москва: Наука, 1968. – 472 с.

РАЗДЕЛ 2

ДУХОВНЫЕ ОСНОВЫ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ: К 205-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Зотов Н.В., учитель
МАОУ «Лицей №180»
г. Нижний Новгород, Россия

РЕЦЕПЦИЯ СОЛНЕЧНОЙ СИМВОЛИКИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В ПУБЛИЦИСТИКЕ В.Г. КОРОЛЕНКО: РЕАЛИСТИЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА КАК ИНДИКАТОР ЯЗЫКОВОГО АВТОРСКОГО СОЗНАНИЯ

Аннотация

В статье исследуется, как В.Г. Короленко воспринял и трансформировал солнечную символику Ф.М. Достоевского в художественно-публицистических очерках. Анализируется реалистическая символика как способ выражения авторского сознания. Делается вывод, что реалистическая символика пронизывает субъектные и несубъектные уровни авторского сознания. Короленко, подобно Достоевскому, активно использует реалистические символы для отражения темных сторон действительности, предостерегая от возможных социальных потрясений. Это свидетельствует о созвучии художественных систем В. Короленко и Ф. Достоевского.

Ключевые слова: художественно-публицистические жанры; сквозной символ; реалистическая символика; авторское сознание; социальные потрясения.

Цель: проанализировать трансформацию унаследованных от Ф.М. Достоевского символических способов выражения авторского сознания В.Г. Короленко в его публицистических произведениях (реалистические символы солнца в репортаже «На затмении» и художественно-публицистическом очерке «Холерные порядки и беспорядки»).

Актуальность: анализ рецепции символических методов Ф.М. Достоевского (связанных с солнечной символикой) в публицистических произведениях В.Г. Короленко позволяет выявить особенности авторского сознания Короленко и механизмы преемственности и трансформации в русской литературе в конце XIX – начале XX вв.

Современные исследователи литературы говорят о воздействии духовно-нравственных уроков Достоевского на формирование личности Короленко, его авторского сознания [4]. Рассматривая религиозно-этические и социально-политические взгляды Короленко в контексте воззрений Достоевского, исследователи находят в художественном творчестве писателей общее в функционировании символических образов как средств воплощения близкого этического содержания [1, с. 14]. Однако использование реалистических образов-символов в публицистических произведениях В. Короленко как индикатор авторского сознания остается вне поля научного внимания.

Анализируя художественную структуру произведений Достоевского и Короленко, исследователи делают вывод о том, что сквозным образом в их творчестве является образ солнца. Соотнося солнечную символику заходящего солнца у Достоевского и восходящего светила у Короленко, литературоведы подчеркивают разницу в этико-эстетических программах писателей, воплотившихся в их художественных системах [1, с. 14]. Образ восходящего утреннего солнца в творчестве Короленко, безусловно, отражает его философско-этическую концепцию гармонии и торжества света. Однако анализ произведений Короленко показывает, что он также обращается к символике затмевающегося луной солнца, видя в этом отражение реальных темных сторон действительности. Это сближает его с Достоевским, для которого образ заходящего солнца связан с мотивами гибели и страдания героев.

Выражением яркой авторской тенденции является образ солнца в тексте «На затмении». Несмотря на то что этот материал номинирован автором как «очерк с натуры», он содержит элементы, характерные для репортажа, где позиция автора близка к позиции «я-действующее». В репортаже «На затмении» описывается приезд Владимира Короленко в город Юрьевец Костромской губернии для наблюдения солнечного затмения 7 августа 1887 года. Репортаж начинается повествованием от первого лица в форме внутреннего монолога. Авторское «я-действующее» создает у читателя чувство эмоциональной причастности к освещаемому событию и характеризует позицию автора-очевидца и участника происходящего.

В 1893 году В.Г. Короленко пишет два очерка, объединенных общей темой и названием: «В холерный год (Бытовой очерк)». Этот материал знакомит читателя с обстоятельствами появления и укоренения в 1892 – 1896 гг. в обществе «холерной легенды», согласно которой распространение болезни рассматривалось простым народом как сознательная акция, направленная на то, чтобы губить простых людей. С целью проиллюстрировать свое понимание причин происходящего в

начале текста автор вспоминает события солнечного затмения 1887 года. Эта композиционная вставка может рассматриваться как отдельный художественно-публицистический текст – проблемный очерк. Его содержание близко по теме к тексту «На затмении», при этом способы передачи авторского сознания весьма различны. Заметим, что тексты имеют разные зачины. Речевые формы целенаправленно используются автором и таким образом выражают авторское сознание. Начиная повествование от третьего лица, автор напоминает читателям о событии 1887 года. Затем публицист говорит о цели повествования – рассмотреть отношение народа к этому явлению и к «интеллигентным людям, которые осмеливались его предсказывать и наблюдать» [3, с. 370]. Такое начало демонстрирует другой способ авторского самовыражения – с позиции «я-размышляющее», когда автор воссоздает в тексте ход своих размышлений.

Для Достоевского и Короленко символические смыслы, возникающие из ассоциаций при наблюдении природных и бытовых явлений, находят свое выражение в сочетании двух планов: явного, обычно-бытового, и скрытого, более глубокого, иносказательного. Авторская специфика текста «На затмении» проявляется в конструировании репортажа. Сюжет движется изложением динамики события. Автор дает описание пейзажа, неба и солнца, которые становятся полноправными героями репортажа. Как Достоевский, Короленко стремился возвести в символ реальные факты. Рассказав о месте действия, автор поэтапно фиксирует результаты своего наблюдения: робкое мерцание лампадок в ночь перед затмением в стенах ветхих избушек говорит автору о настоящем страхе народа и прямом нерасположении к «ученым» [2, с. 60]. Увиденное передается через субъективное восприятие и эмоциональную окраску. Автор, будучи очевидцем, передает не просто факты, а свое отношение, свои ощущения, ассоциации, связанные с наблюдением как за людьми, так и за природой. Вслед за Достоевским Короленко находит в конкретном поведении своих персонажей несколько скрытых, на первый взгляд, смыслов и значений. С этой целью автор дает характеристику персонажей, вводит в текст их реплики, описывает характерные детали их внешности, рисуя их речевые и «микропортреты». Автор берет конкретный, увиденный им образ и наделяет его дополнительным, переносным смыслом, который вытекает из контекста и авторского видения. Это не произвольное присвоение значения, а символическое обобщение, которое «читается» через реальность. В репортаже «На затмении» представлены красочные типажи «плачущей женщины», «дряхлого старика», «древнего старца, молчаливо стоящего рядом, опираясь на посох», хладнокровного бородатого и лохматого мещанина в красной рубахе,

старого скептика, беспечной молодежи, стонущих «точно от сильной боли» старух [2, с. 66]. Автор выбирает именно такие черты внешности или такие действия, которые ассоциируются с определенными качествами – недоверие, страх, надежда, наивность, суеверие. Внешность и поступки «типичного представителя» приобретают символическое значение, отражая состояние народа.

В отличие от текста «На затмении» в проблемном очерке автор реализует поставленную перед собой цель другими способами. Вспоминая увиденное, он напрямую сообщает и доказывает читателю свою мысль: «оказалось, что население окраин ждало в это утро светопреставления» [3, с. 370]. Частный случай, как всегда у Короленко, становится поводом к развертыванию обобщенного образа сознания простого народа, забитого и неграмотного, живущего во мраке суеверий. Психология толпы передана Короленко путем введения в текст несобственно-прямой речи, передающей враждебность восприятия чего-то незнакомого и непривычного: «какие-то дерзкие, неведомые люди, <...> и неведомо зачем уставили свои трубы на восходящее солнце... Затем, <...> чтобы содействовать неизвестному темному началу, восставшему против света...» [3, с. 370]. На протяжении всего повествования можно заметить движение от активного авторского «я» к более обобщенной форме «вы». Обращаясь к читателю, автор использует местоимение «вы», вовлекая его в процесс размышлений и коммуникации. Автор предлагает читателям встать на место малограмотных крестьян, чтобы понять их: «Подумайте только о настроении людей, с полным убеждением, совершенно искренно верующих в возможность того, что через час или два мир дрогнет в своих основаниях и все живущее исчезнет в первобытном хаосе» [3, с. 370]. Далее автор моделирует прогнозируемую ситуацию: «Если бы хоть на одно мгновение вы могли проникнуться этим мрачным ожиданием, то и у вас, вероятно, появились бы на глазах слезы, в лице испуг, в душе смятение» [3, с. 371].

В репортаже «На затмении» Короленко прибегает к приему психологического параллелизма, рисуя картину надвигающегося затмения в тесной связи с внутренними состояниями персонажей и самого повествователя. Автор описывает свои эмоции – жалость к испуганным людям: «Шутка ли, ждать через час кончину мира! Сколько призрачных страхов носится еще в этих сумеречных туманах, так густо нависших над нашею святою Русью!» [2, с.53].

В проблемном очерке Короленко анализирует свое внутреннее состояние. Пережитое в то время, признается он, глубоко запало в память потому, что впервые к нему тогда пришло понимание глубокой пропасти между народом и интеллигенцией, которую невозможно преодолеть

ни грамотой, ни школой. Противопоставление этих умонастроений в репортаже «На затмении» рисуется автором образно, представляется метафорически как борьба света и тьмы: «И над всею смущенною природой чудною панорамой бегут тучи, а среди них происходит захватывающая борьба…» [2, с. 67]. Эпитеты «враждебное тело», «молчаливая борьба света и тьмы», «победным сиянием», создают настроение, образную картину с экзистенциальным содержанием «угасания и смерти» и последующего «возрождения». Природа в изображении повествователя транслирует читателю информацию об «океане мирового сознания», сообщает и предупреждает о наступлении «страшной стихии» [2, с. 58]. Художественная интерпретация фактов, резкое доведение их до драматического конфликта оказывает сильное эмоциональное воздействие на читателя, призывает его к размышлению и, возможно, к действию, т.е. обладает публицистическим эффектом.

Смысл повествования доносится автором в сопоставляемых текстах по-разному. В репортаже «На затмении» смысл передается образно, интертекстуально, он вспоминает двустишие, «от которого так и дышит утром и рассветом»: «На святой Руси петухи кричат, Скоро будет день на святой Руси...» [2, с. 58]. Художественный образ помогает автору выразить свою надежду на единение народа и интеллигенции – он спрашивает себя и читателя: скоро ли на будет на Руси «тот день, когда рассеются призраки, недоверие, вражда и взаимные недоразумения между теми, кто смотрит в трубы и исследует небо, и теми, кто только припадает к земле, а в исследовании видит оскорбление грозного бога?» [2, с. 58]. Автор уверен, что, конечно, просвещение народа в известной степени развеет мрак невежества в народе и темный страх перед неведомым, освещенный «золотой искрой света», постепенно рассеется и люди объединятся.

Эта надежда выражается эмоционально и метафорически в репортаже «На затмении»: «я почувствовал в эту минуту, что этот первый проблеск прогнал прочь густо столпившиеся призраки предрассудка, предубеждения, вражду этой толпы? Мелькнул свет – и мы стали опять братьями...» [2, с. 69]. И аналитически в сопоставляемом тексте: «эта первая искра <…> рассеяла вражду и отчуждение, она делала меня опять своим человеком, соотечественником и собратом этой взволнованной, напуганной и омраченной толпы...» [3, с. 372].

Концовки текстов также отличаются. В репортаже «На затмении» автор подробно рассказывает об увиденном, описывает действия и реплики персонажей, показывает смену настроения людей: радость в голосе и на лице великана, самое яркое детское впечатление и реакцию старушки: «Бабушка ворчит что-то, но старое брюзжание звучит

уступчиво и тихо, а детский голос звенит с молодым торжеством» [2, с.70]. Заключительный аккордом, создавая кольцевую композицию и передавая авторское убеждение в важной роли информации, становится предложение, которым Короленко начинал свое повествование: «В третьем классе в публике живо ходила по рукам брошюра: «О солнечном затмении 7-го августа 1887 года» ...» [2, с. 70]. Короленко обходится без прямых рассуждений и размышлений, только кольцевая композиция, образ читающих научную брошюру о затмении – как символ знания, так необходимого для преодоления страха, имплицитно направляет внимание читателя на главную идею репортажа – необходимость учета особенности психологии неграмотных людей и важность разъяснения народу сути происходящего.

Первая часть бытового очерка не заканчивается описанием завершения солнечного затмения. Автор вспоминает события прошлого как аргумент к его настоящим размышлениям. Эмоционально подготовив читателя, автор переходит к логическому объяснению своего понимания причин «розни между народом и интеллигенцией», главная из которых – различие в мировоззрении. В защиту высказанного положения Короленко выстраивает цепочку противоположных по сути своей представлений о существующем миропорядке. Представлений, обусловленных научными познаниями, и знаний, основанных на «народоверии», распространенных среди малограмотного населения: «Человек, знающий, что солнце стоит, а земля вертится, и человек, полагающий, что кто-то рукой выводит на небо солнце, – человек, давно понявший, что эти «зори» (звезды по-народному) – целые миры, вращающиеся в стройном порядке, и человек, который полагает, что гром раздается из-под колесницы пророка Ильи, – это два глубоко различные человеческие ума» [3, с. 371].

Демонстрируя свою точку зрения, автор прибегает к приему моделирования возможной ситуации: «Но соберите две толпы, одну сплошь состоящую из первых, другую – из вторых, поставьте их в условия, которые способны привести толпу в движение, и вы увидите, что они отзовутся совершенно различно» [3, с. 370]. Заметим, что авторское сознание Короленко проявляется в способности эмоционально описывать увиденное, обобщать настоящее и прогнозировать будущее: «как ни ничтожно изменение в каждом отдельном уме, но все эти молекулярные перемены, сложившись вместе, дадут огромную коллективную силу» [3, с. 371]. Фрагмент бытового очерка о пережитом во время солнечного затмения завершается предостережением автора о том, что «молекулярные движения в микроскопических частицах воды разрывают чугунные бомбы, разламывают гранитные скалы» [3, с. 371].

Итак, как показал сопоставительный анализ двух текстов, созданных Короленко на одном материале в жанре репортажа и в жанре проблемного очерка, формы выражения авторского сознания обусловлены жанровыми особенностями материала, коммуникативными установками автора. В репортаже В.Г. Короленко реалистическая символика пронизывает все уровни авторского сознания. Авторская субъективность, выраженная через прямую речь, наделяет реальные объекты и события символическим значением, отражающим его мироощущение. Психологический параллелизм, проявляющийся в созвучии настроений персонажей и природных явлений, выступает как символический прием, где состояние человека становится отражением и предвестием событий. Основанное на реалистических наблюдениях описание внешности и действий типичных представителей народа приобретает символическое обобщение, основанное на ассоциациях автора. Так, художественные метафоры, выросшие из непосредственного опыта, обретают статус символов, благодаря своей достоверности и способности передавать переносный смысл. Важно отметить, что автор избегает прямых дидактических рассуждений в репортаже, а главная идея – необходимость знания для преодоления страха и невежества – имплицитно раскрывается через символическую кольцевую композицию, где образ людей, читающих научную брошюру о затмении, выступает символом просвещения и борьбы с суевериями. Реалистически обоснованные образы способны нести глубокое символическое содержание, они направляют внимание читателя на ключевую мысль репортажа.

Целью проблемного очерка является также раскрытие главной мысли автора. Но в этом тексте автор пользуется другими средствами, выстраивая текст от лица «я-размышляющего», по законам проблемного очерка, он прямо говорит о своей цели, выстраивая логическую систему аргументов и делая обобщение. Движение публицистической мысли отражает авторское сознание. Раскрывая психологию народа, передавая слова, мысли, чувства, восприятие персонажей, автор использует несобственно-прямую речь. Предлагая читателям встать на место неграмотных людей, анализируя их смысловую позицию, проводя анализ собственного осознания ситуации, прогнозируя возможную будущую ситуацию, автор приводит читателя к пониманию своей главной мысли – опасности пропасти между интеллигенцией и народом и необходимости ее преодоления путем просвещения.

Литературоведческий анализ реалистических символов в художественно-публицистических очерках В.Г. Короленко определяет главные проблемно-тематические аспекты его авторского сознания. В очерках «На затмении», во вступлении к очерку «Холерные порядки и

беспорядки» образ утреннего и затмевающегося солнца символизирует борьбу тени и света и трактуется не только как борьба зла и добра, но и как борьба знания с невежеством. Для автора идея о важности познания в человеческой жизни является одной из самых актуальных.

В использовании реалистических символов в творчестве писателя проявляется особая стилевая тенденция, сыгравшая значительную роль в стилевом становлении русской прозы XIX века. В. Короленко трансформировал реалистическую символику Ф. Достоевского под свое собственное авторское сознание, свой художественный стиль и свои задачи. Образ затмевающегося солнца в творчестве Короленко, подобно солнечному закату у Достоевского, отражает реальные темные стороны действительности и предвещает ее кризис, выступает как символ надвигающихся социальных потрясений. Это свидетельствует о способности Короленко изображать и мрачные аспекты реальной жизни, тем самым демонстрируя глубинные созвучия его художественного метода с методом Ф.М. Достоевского.

Авторское сознание В. Короленко можно характеризовать как синкретическое, метафорическое, строящееся на символической образности, социально-ориентированное.

Список цитируемой литературы:

1. Горбунова, Г.З. Короленко и Достоевский (художественно-этические искания): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Г.З. Горбунова. – Томск, 1992. – 18 с.

2. Короленко, В.Г. Собрание сочинений: [в 10 томах] / В.Г. Короленко; [подготовка текста и примеч. С.В. Короленко и Н.В. Короленко-Ляхович]; [вступ. статья А. Котова, с.V–XLVIII]. – Москва: Гослитиздат, 1953-1956.

3. Короленко, В.Г. Полное собрание сочинений [в 9 томах] / В.Г. Короленко. – Санкт-Петербург: А.Ф. Маркс, 1914. – Т. 3. – 1914. – 423 с.

4. Морозова, Т.Г. Короленко о Достоевском / Т.Г. Морозова // Литературное наследство. – Москва: Наука. – 1973. – Т.: 86. – №:1. – С. 621–642.

Ковыршина О.А., канд. филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический
университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского»
г. Липецк, Россия

ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В ТВОРЧЕСТВЕ ФРАНСУА МОРИАКА

Аннотация

В статье исследуется восприятие Франсуа Мориаком гуманистического потенциала произведений Ф.М. Достоевского, устанавливаются аспекты преемственной связи между русским и французским писателями. Философские и художественные открытия русского классика обогатили творчество Мориака, хотя по силе дарования он уступает великому предшественнику. Вслед за Ф.М. Достоевским Франсуа Мориак сосредотачивается на раскрытии внутреннего мира человека, проявляет повышенный интерес к тайнам души, исследует проблему свободы воли и греха. Герои кризисного типа находятся в центре внимания писателей. С задачей показать диалектику движения чувств персонажей мастерски справляются оба прозаика. Эти наблюдения сделаны на основе анализа романа Ф. Мориака «Тереза Дескейру» с точки зрения его конгениальности Достоевскому по творческому методу и проблематике.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский; Ф. Мориак; гуманизм; роман; герой.

Франсуа Мориак, выдающийся представитель французской литературы XX века, вошел в историю как последовательный приверженец и продолжатель классических литературных традиций. Его творчество характеризуется напряженным диалогом с национальными «властителями дум», такими как О. де Бальзак, П. Расин и Г. Флобер, что находит отражение в записных книжках и литературно-критических статьях писателя. Параллельно происходило интенсивное освоение художественного опыта и психоаналитических открытий Ф.М. Достоевского, в котором Мориак видел «самого христианского» [2, с. 287] романиста. Автор великого пятикнижия относится к числу тех художников слова, которые оказали значительное влияние на формирование мировоззрения и художественного метода французского писателя. Аксиологическое содержание и философские идеи произведений Достоевского оказались созвучны индивидуально-творческим интенциям Франсуа Мориака.

Французский прозаик воспринимал творчество Достоевского как вневременное. В представлении Франсуа Мориака персонажи, создан-

ные воображением классика, – это типы, характерные не только для русской жизни второй половины XIX столетия, но и для французской действительности уже нового века. Писатель ставит в заслугу русскому гению умение показать сложность человеческой души: благодаря Достоевскому «мы прикоснулись к самым сокровенным глубинам человеческого сознания» [2, с. 366]. Мориаку импонирует тот факт, что русский романист проявляет повышенное внимание к сложной природе внутреннего мира человека, умеет запечатлеть противоречия его психологии. Французский писатель признается, что трудно, а подчас и просто невозможно вынести нравственный вердикт героям Достоевского, «настолько все в них запутано и перемешано – величественное и омерзительное, низменные побуждения и возвышенные порывы» [2, с. 321]. Сложные, противоречивые и неоднозначные, они, тем не менее, вызывают у Мориака пристальный интерес, потому что обогащают писателя знанием человеческой природы.

И Достоевского, и Мориака можно назвать писателями-моралистами: они переносят вопросы познания человека в нравственную плоскость и делают акцент на анализе внутреннего мира своих героев. Оба верят, что сущность личности раскрывается в ее отношении к нравственно-этическим проблемам. Ни один, ни другой не боятся изображать людей грешных и страдающих, исследовать крайности человеческой природы.

В 1927 году был опубликован роман Ф. Мориака «Тереза Дескейру», ставший началом нового этапа в творчестве писателя, который смело объединил в границах одного жанра метафизику и реальность. В качестве объекта изображения и анализа автор выбирает «темную и страстную душу». Литературовед Наркирьер справедливо замечает: «Мориак стремился следовать за Достоевским в создании персонажей, подобных Терезе Дескейру, сложных, необычайно противоречивых, не отдающих себе до конца отчета в причинах своих поступков, безграничных в своем страдании и в своем одиночестве» [4, с. 98].

Образ Терезы вызывает ассоциации с Родионом Раскольниковым. Сходство героев проявляется в их общем высоком интеллектуальном потенциале и незаурядности. Они обладают сильной волей и готовы идти против устоявшихся моральных и этических догм, чтобы отстоять право «стать самим собой» [3, с. 109]. В персонажах есть привлекательные черты: Родион «великодушен и добр» [1, с. 171], у Терезы «характер прямой, открытый, правдивый» [3, с. 79].

Тереза и Родион считают себя выше понятий о нравственности и готовы перешагнуть через жизни «вшей» – людей вредных или бесполезных. Герои умышленно совершают преступление: Раскольников

убивает старуху-процентщицу, чтобы доказать свою принадлежность к «право имеющим». Тереза в результате долгих размышлений приходит к идее деления людей на значительных и совершенно обыкновенных, заурядных, таких, как ее муж Бернар. Жизнь последних в масштабах большой истории и частного существования не представляет ценности: «Робеспьер был прав, и Наполеон был прав, и другие» [3, с. 89]. Так молодая женщина укрепляется в мысли о необходимости избавиться от нелюбимого мужа – пошлого обывателя, лишенного духовных и интеллектуальных запросов. Чрезмерная доза сердечных капель, ежедневно принимаемая Бернаром под контролем жены, рано или поздно должна сыграть свою роковую роль.

В «Терезе Дескейру» и в «Преступлении и наказании» детективный элемент сюжета призван раскрыть важные социально-психологические закономерности, определяющие характер и поведение героев. Преступление Раскольникова можно рассматривать и как индивидуалистический бунт, и как протест против бесчеловечности жизни, против буржуазного мира с его антигуманным делением на бедных и богатых. Зрелище людских страданий заставляет Родиона активно действовать. Молодой человек берет на себя роль нового Мессии, стремясь злом искоренить зло социальное.

Тереза по воле родителей выходит замуж за Бернара Дескейру, соседа, брак с которым выгоден и удобен, потому что позволяет объединить хозяйственные угодья двух семей. Героиня равнодушна к мужу, в котором быстро разглядела черствого, примитивно мыслящего человека, «принадлежащего к породе слепцов, к безжалостной породе все упрощающих людей» [3, с. 79], а семья стала для нее обузой. Лицемерие, жестокость, алчность и эгоистическое бездушие окружающих Терезу провинциальных буржуа, дальних и близких родственников, становится источником индивидуалистического своеволия и этического зла главной героини.

У Франсуа Мориака героиня не вызывает отторжения. Писатель хочет объяснить себе и читателю, почему умная, привлекательная, нормальная женщина выбирает путь преступления. Терезу он видит не только в образе палача, но и в образе жертвы.

Катализатором процессов, происходящих в душе молодой женщины, становится встреча с парижским студентом Жаном Азеведо, который ненадолго приехал в родную провинцию. Внешне привлекательный и безусловно умный, он буквально завораживает Терезу рассуждениями о том, как важно самореализоваться, познать собственное «я», даже если весь мир настроен против этого. Молодой человек презирает строго регламентированную, устоявшуюся провинциальную

жизнь, которая подавляет свободную волю человека и заставляет подчиниться уготованной судьбе. Печальному проекту недолжного существования Жан Азеведо противопоставляет Париж, где «царит единственный закон: стать самим собой» [3, с. 114]. Жан идет еще дальше, заявляя, что человек, стремящийся к самоутверждению, вправе не останавливаться ни перед чем. В этой связи литературным прототипом Жана Азеведо можно назвать героя Достоевского. Речи парижского студента коррелируют с монологами Родиона Раскольникова, также отстаивающего ценности индивидуализма.

Категорические постулаты Жана вначале настораживают Терезу, которая повторяет заученные с детства фразы о неизбежном нравственном падении личности, презревшей чувства и желания других людей. Однако спустя время героиня реализует на практике теорию Жана Азеведо, покушаясь на жизнь человека – своего мужа.

Авторы сосредоточивают внимание на поведении героев перед преступлением и после него. Раскольникова не покидает ощущение «загнанной лошади» [1, с. 50], Тереза сравнивает себя с «затравленным зверем» [3, с. 68] – угрызения больной совести загнали героев в угол. Тереза Дескейру испытывает беспредельное одиночество – состояние, хорошо знакомое Родиону Раскольникову. Преступление словно отрезает героиню от мира. От прежней яркой цветущей женщины, которую окружающие находили неизъяснимо привлекательной, не осталось и следа: бледная кожа, потухший взгляд, высохшие губы. Лицо Терезы выдает ее «тайные терзания, жгучую душевную рану» [3, с. 68], которую героиня не в силах скрыть. Теперь ее удел – одиночество и страдание. Если Родион Раскольников решает покаяться в совершенном злодеянии прилюдно, стоя на коленях перед толпой, то Тереза Дескейру, напротив, боится огласки своего преступления. Оба писателя видят в страданиях своих героев очистительную силу.

Мориак учится мастерству психологического анализа у своего предшественника, выбирая, как и Достоевский, внутренний монолог в качестве основного средства раскрытия образа персонажа. Его героиня «задумывается над загадкой собственной своей души» [3, с. 92], готовясь к объяснению с мужем и пытаясь разобраться в мотивах своего чудовищного поступка. Несмотря на желание ясно видеть вещи и быть честной перед собой и Бернаром, на вопрос: «Почему она это сделала?» – Тереза не может дать прямого ответа. Живая душа страдающей героини не приходит к покаянию, а, следовательно, не обретает Бога.

Несостоявшаяся исповедь перед мужем углубляет пропасть между супругами, и они принимают решение расстаться. Тереза переезжает в город – место, где, по мысли Ф. Мориака, не осталось места рели-

гиозной нравственности. В финале романа героиня, сидя в кафе, «посмеивалась про себя довольным смехом» [3, с. 158]. Теперь молодую женщину ничто не интересует, «кроме людей, существ из плоти и крови» [3, с. 158], обуреваемых страстями, как и она сама. О спасении души речь пока не идет.

Путь Раскольникова к Богу пролегает через встречу с Соней Мармеладовой. Девушка смиренно ведет его к исповеди и к принятию наказания как спасения. Духовное воскресение падшей личности возможно, по Достоевскому, только с помощью другого человека. Тереза Дескейру из романа Мориака, напротив, обречена существовать в пустыне одиночества. На протяжении романа героине хочется объясниться с Бернаром, попытаться найти с ним общий язык и понять друг друга. В глубине души она мечтает о покаянии и прощении, надеясь на милосердие супруга: «Ах, если бы он мог открыть ей объятия, ни о чем не спрашивая! Если бы она могла припасть головой к человеческой груди и заплакать, ощущая ее живое тепло» [3, с. 124]. Но муж Терезы принадлежит к числу людей, не умеющих любить, поэтому в сцене последней встречи-объяснения героев он не произносит слов, которые так жаждет услышать измученная героиня: «Я прощаю тебя. Едем со мной» [3, с. 156].

Примечательно, что, рисуя портрет Бернара, автор отмечает его пустой взгляд. Эта художественная деталь характеризует героя как бесчувственного человека. Так отсутствие внутренней духовной жизни подчеркивается на внешнем уровне. Бернар и Тереза Дескейру, неспособны к любви и состраданию и, в отличие от Родиона Раскольникова и Сони Мармеладовой, лишены возможности жить «живой жизнью», по определению Ф.М. Достоевского.

В романе «Преступление и наказание» писатель показал долгий, мучительный путь выхода главного героя из состояния душевной смуты и отчаяния. Любовь и вера становятся залогом спасения Родиона Раскольникова. По замыслу Мориака, его героиня Тереза Дескейру ступит на путь очищения через страдание в продолжении романа «Конец ночи».

Таким образом, диалог французского писателя с русским классиком включает в себя прежде всего следование его традиции: образы, идеи, приемы великого романиста влияют на становление художника XX века. Нравственно-религиозная концепция русского писателя оказывается близка католику Мориаку. Французский прозаик наполняет христианскую веру гуманистическим содержанием. Конечно, взглядам Достоевского присуща бóльшая метафизическая глубина, но это не умаляет заслуг французского писателя в исследовании тайн человеческого духа и плоти. Несомненно перспективным в научном отношении является анализ рецепции Ф.М. Достоевского у Франсуа Мориака.

Список цитируемой литературы:

1. Достоевский, Ф.М. Преступление и наказание: Роман. В 6 ч. с эпилогом / Ф.М. Достоевский; послесл. и коммент. А.Н. Муравьева. – М.: Просвещение, 1982. – 432 с.

2. Мориак, Ф. Не покоряться ночи: Худож. публицистика / Ф. Мориак; предисл. В.Е. Балахонова. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.

3. Мориак, Ф. Тереза Дескейру. Мартышка / Ф. Мориак. – М.: МП «Геликон», 1992. – 158 с.

4. Наркирьер, Ф. Франсуа Мориак / Ф. Наркирьер. – М.: Худож. литература, 1983. – 230 с.

Кондратьев А.С., канд. филол. наук, доцент
Карягина С.С., студент
Липецкий институт кооперации (филиал) БУКЭП
г. Липецк, Россия

ПУШКИН КАК «НАШЕ ВСЁ»: ДУХОВНЫЙ СМЫСЛ И НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ

Аннотация

Творческие искания Пушкина, вступившего в литературу воспеванием радикальной аксиологии, преломленным в оде «Вольность», герой которой преисполнен уверенности, что человеку дана власть над судьбами людскими и миром, завершаются освещением духовного становления человека по ценностным ориентирам христианской традиции отечественной культуры, что и воплощено в Каменноостровском цикле. И поэтому Пушкин как «наше все», в контексте культурного бессознательного православного народа воспринимается художественным наставлением на освоение духовной состоятельности человека на путях его личностного самоопределения.

Ключевые слова: Пушкин; «наше все»; ода «Вольность»; духовное самоопределение; христианская традиция; «Отцы пустынники и жены непорочны».

Ономастическая метафора «Пушкин – наше все», восходит к выдвинутому в статье «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина» положению А.А. Григорьева, концептуально определившего вектор освоения творческого наследия русского классика: «<…> представитель всего нашего *душевного,* особенного такого, что остается

нашим душевным, *особенным* после всех столкновений с чужим, другими мирами <…> как единственный полный очерк нашей народной личности» [1, с 166]. Преломление в творческом единении Пушкина христианской традиции отечественной культуры особо выделил, вслед за критиком, в Пушкинской речи Ф.М. Достоевский: «<…> приходит в самом начале правильного самосознания нашего <…> способствует освещению темной дороги нашей новым направляющим светом <…> есть пророчество и указание» [3, т. 14, с. 425].

Ф.М. Достоевский, вступивший в русскую литературу юношеской версией «Бориса Годунова», посвящённой становлению человека в Смутную пору XVII века, обращается к своим современникам *пророческим* предостережением и *духовным* наставлением: «“Бесовское мечтанье”, возобладавшее в помраченном сознании Гришки Отрепьева, станет *проблемой и темой* романа Достоевского “Бесы” <…> ведь они оба прошли через горнило испытаний безверием и духовным опустошением, <…> именно в них и сокрыты истоки пристального внимания к судьбам грешников» [9, с. 74], да и совращенных с пути праведного доверившихся им.

В оде «Вольность», написанной через несколько месяцев после Лицея, и прочитанного на выпускном экзамене «Безверия», герой которого воспринимает веру как «первое утешенье», Пушкин воплощает психологию переживаний радикальных помышлений *об освобождении* от бесчинствующего тирана:

Самовластительный Злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей,
С жестокой радостию вижу [7, т. 1. с. 46].

Охватившее пушкинского героя чувство *ненависти*, порождающее *радость* от смерти детей, свидетельствует о нарушении заповеди: «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю» (Мф 5:5), однако герой поэта, самонадеянно уверовавший, что все в руках человека, якобы прозревает преображение мира и спасение человека на *законнической* горизонтали:

Склонитесь первые главой
Под сень надежную Закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой. [7 т.1, с. 48].

Если В.В. Маяковский, презревший исконные ориентиры духовного опыта человека, с нескрываемым цинизмом самодовольно заявлял: «Я люблю смотреть, как умирают дети» [6, с. 48], то Иван Карамазов, удручённый несовершенством мира, доверительно брату Алеше поведал: «<…> от высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не стоит она смерти хотя бы одного только что замученного ребенка, ко-

торый бил себя колочёнком в грудь и молился в зловонной конуре своей неискупленными слезками своими к “боженьке”!» [3, т. 9, с. 275]. Притязания вершить высший суд истории подведут самоуверенного юриста Ивана Карамазова, получившего право на всероссийскую аудиторию, – к помешательству и встрече с наведывавшимся к нему чертом.16-летний студент Московского университета Ф.И. Тютчев, из любомудров, ответил на широко распространившееся пушкинское стихотворение, преисполненное дерзновенных устремлений героя к преображению *мира дольнего*:

Певец! Под царскою парчою
Своей волшебною струною
Смягчай, а не тревожь сердца! [8, с. 27]

Пушкин, грезивший о следе мятежников в истории – «обломках самовластия», в конце 1824 г. пишет «Воображаемый разговор с Александром I», в котором он, уже автор первой главы «Евгения Онегина», напрямую говорит о духовном преодолении радикальных соблазнов и бунтарских искушений, воспетых в «Вольности»: «Ах, ваше величество, зачем упоминать об этой детской оде <…> “ Онегин “ печатается: буду иметь честь отправить 2 экз. в библиотеку вашего величества и к Ив. Андр. Крылову» [7, т. 7, с. 297–298]. Прощание Пушкина с юношескими заблуждениями, сводящимися к *законническому* преображению мира, со всей полнотой нашло свое отражение также в поэтической исповеди лирического героя, предпринявшего попытку понять смысл последствий *бесовского* наваждения, как-то: «буря свободы», опустевшие алтари и «разбившиеся ветхие скрижали»:

Рекли безумцы: нет Свободы,
И им поверили народы.
И безразлично, в их речах,
Добро и зло, все стало тенью –
Все было предано презренью,
Как ветру предан дольних прах [7, т. 1, с. 592].

Налицо переоценка аксиологических доминант в сознании героя: «мечтанья» о «вольности и покое народов» воплотились «мечами и цепями». Обращаясь в 1824 г. к П.Я. Чаадаеву, Пушкин напоминает своему адресату о безблагодатных умонастроениях мятежной юности и представляет ему *психологическую* проекцию своих христианских ориентиров:

Но в сердце, бурями смиренно,
Теперь и лень, и тишина,
И, в умиленье вдохновленном,
На камне, дружбой освященном,
Пишу я наши имена [7, т.1, с. 255].

Так что «обломки» остались в прошлом, а возобладали вдохновляющие дружеские связи – на душевных глубинах.

После блистательного успеха в феврале в 1825 г. первой главы «Евгения Онегина» Пушкин творчески сосредоточился на замысле «Бориса Годунова», опыте духовного наставления своего *приятеля* Онегина на путь праведный, освещая трагические итоги прельстившего грешников, как черноризца, так и царя, «бесовского мечтанья» властвовать над историей и людскими судьбами:

Борис, Борис! все перед тобой трепещет
<…>
А между тем отшельник в темной келье
Здесь на тебя донос ужасный пишет:
И не уйдешь ты от суда мирского,
Как не уйдешь от божьего суда [7, т.4, с. 197].

Самонадеянные притязания человека, сфокусированные на *законническом* поле нравственного самоопределения, утверждать *благодатную* вертикаль личностного становления человека, что и стало темой и проблемой трагедии о Смутной паре начала XVII в., коль послушник, презревший наставления благочестивого старца Пимена «не мудрствовать лукаво, покоряется бесовскому мечтанью». Проникновение Пушкина в духовные сферы грешников в «Борисе Годунове» освещает их ответы на вызовы истории, однако окружение русского классика подвергалось массированному воздействию на культурное бессознательное без благодатных тенденций. С.И. Муравьев-Апостол в кощунственном «Православном катехизисе» склонен был актуализировать бесовское наваждение: «Взять оружие и следовать смело за глаголющим во имя Господня <…> и низложив неправду и нечестие тиранства, восстановить правление сходное с Законом божиим» [2, с. 210].

Самозванец Григорий Отрепьев, вознамерившийся вершить Суд Божий, оказывается современником Пушкина, и поэтому его путь духовных и творческих исканий, определяющийся движением от *законнической* горизонтали к *благодатной* вертикали, выходит на уровень категории национального самосознания, укоренённого в христианской традиции отечественной культуры.

Духовным завещанием Пушкина является созданный летом 1836 г. Каменноостровский цикл, в состав которого входит стихотворение «Отцы пустынники и жены непорочны», апеллирующее в великопостной молитве Ефрема Сирина: « <…> необходима особая духовная сосредоточенность. Ведь здесь речь идет не о переходе от множества мирских соблазнов к ряду божественных и человеческих “созда-

ний “, но от” множества молитв “ к одной единственной покаянной» [4, с. 338-339]. Пушкинский герой молит о спасении Святым Духом:

Владыка дней моих! дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей,
Но дай мне зреть мои, о боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи. [7, т. 2, с. 383]

Если молитва Ефрема Сирина ознаменована смиренным помышлением «не осуждати брата» своего, то Пушкин уже преисполнен несомненной уверенности в благодатном становлении, когда отмечает в своем духовном опыте, что «брат не примет осуждения» и поэтому еще в набросках к незавершенной статье о втором томе «Истории русского народа Н.А. Полевого» в 1830 г. Пушкина утверждал: «Величайший духовный и политический переворот нашей планеты есть христианство» [7, т. 6, с. 283].

Таким образом, определяя духовное становление Пушкина и его лирического героя, со всей очевидностью выявляем его движение от чужеродных культурному бессознательному православного народа – к христианской аксиологии мировосприятия в аспекте личностного самоопределения. Для Ю.П. Кузнецова, укоренённого в христианской традиции отечественной словесности, Пушкин – ангел России, воссиявший лучезарным светом на рубеже тысячелетий христианства:

Хоть нет правды на земле и в небесах,
Кипят разнузданные темные стихии,
Москва слезам не верит, а сама в слезах, –
Мы верим в Пушкина, как в ангела России.
<…>
Но верим мы, что в глубине иных времен
На слово Пушкина потомок отзовется,
И улыбнется. И в толпе иных времен
Его душа блеснёт, как зеркало, на солнце.
Всё отразит она: и небеса святые
И солнце истины, и ангела России [5, с. 403].

И поэтому Пушкин – «наше всё», в контексте «большого времени» отечественной культуры, восходящей к христианской традиции.

Список цитируемой литературы:

1. Григорьев, А.А. Литературная критика / А.А. Григорьев. – М.: Художественная литература, 1967. – 630 с.

2. Декабристы. Избранные труды. – М.: РОССПЭП, 2010. – 712 с.
3. Достоевский, Ф.М. Собрание сочинений: в 15 т. / Ф.М. Достоевский – Л. – СПб: Наука, 1988–1996.
4. Есаулов, И.А. Каменноостровский цикл А.С. Пушкина как пасхальный текст: мимесис, парафрасис, катарсис. Статья первая: мимесис страстной седмицы в парафрасисе Пушкина / И.А. Есаулов // Поэтика русской словесности: Избранные труды. – СПб.: Изд-во РХГА, 2025. – С. 324–351.
5. Кузнецов, Ю.П. Крестный ход: Стихотворения и поэмы / Ю.П. Кузнецов. – М.: СовА, 2006. – 640 с.
6. Маяковский, В.В. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т.1 / В.В. Маяковский. – М.: ГИХЛ, 1955. – 464 с.
7. Пушкин, А.С. Собрание сочинений: в 10 т. / А.С. Пушкин. – Л.: Художественная литература, 1974–1978.
8. Тютчев, Ф.И Стихотворения / Ф.И. Тютчев. – М.: Советская Россия, 1986. – 288 с.
9. Хотакко, В.А. «Борис Годунов» А.С. Пушкина в творческом сознании Ф.М. Достоевского / В.А. Хотакко // «Борис Годунов» А.С. Пушкина в контексте духовной традиции: проблемы восприятия и понимания: материалы Всероссийской научной конференции «XIX Барышниковские чтения». – Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян - Шанского, 2025. – С.70-75.

Сатарова Л.Г., д-р филол. наук, профессор
Котяева А.В., студент
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»
г. Липецк, Россия

ПОВЕСТЬ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «КРОТКАЯ»: СОВРЕМЕННОЕ ПРОЧТЕНИЕ

Аннотация

В статье повесть «Кроткая» Достоевского осмысляется через наследие святителя Тихона Задонского. Анализируется духовная природа семейной трагедии: гордыня и подмена христианской кротости ложными ценностями разрушают брак как «малую Церковь». Актуальность повести подтверждается современными театральными постановками. Обращение к классике и религии – не архаизация, а основа

для будущего, где крепкая семья – главная ценность. Произведение выступает духовной инструкцией к браку, предостерегающей от подмены любви соперничеством, кротости – молчанием, а союза – битвой самолюбий без Христа.

Ключевые слова: традиционные ценности; духовно-нравственные ориентиры; семья; кротость; гордыня; подмена ценностей.

Согласно Указу Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 традиционные ценности определяются как нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан, передаваемые от поколения к поколению и лежащие в основе единого культурного пространства страны. Одной из ключевых ценностей в этом перечне названа «Крепкая семья» [4]. К сожалению, современной молодежи часто недостает понимания того, какой духовный фундамент и какое внутреннее усилие скрываются за этими словами. Чтобы постичь глубинный смысл семейного союза, необходимо обратиться к неиссякаемым источникам – классической русской литературе и святоотеческой мудрости. Повесть Ф.М. Достоевского «Кроткая» в сопоставлении с трудами святителя Тихона Задонского дает нам уникальную возможность увидеть, как рушится брак, лишенный Христа, и какую опасность таит в себе гордое человеческое «я».

Повесть «Кроткая» представляет собой исповедь бывшего офицера, ставшего ростовщиком, чья жена покончила с собой. Исследователи творчества Достоевского отмечают, что в монологе героя, Закладчика, противоборствуют хаос и «система». Его сознание смятенно, он противоречит себе в логике и чувствах, а его «системность» была направлена на то, чтобы одержать верх в поединке с женой и, шире, – со всем миром [1, с. 195–196]. Герой видит в браке не союз любви, а поле битвы. Это противоречит традиционному укладу русской семьи. Обратимся к словам святителя Тихона Задонского, чье святоотеческое наследие является ключом к пониманию нравственных ориентиров русских писателей-классиков. В его трудах сконцентрированы те духовные истины, на которых веками созидалась отечественная словесность и которые составляют фундамент национального культурного кода. Именно у святителя мы находим точное определение дьявольской природы той вражды, что поразила дом Закладчика: *«Сатана, всегдашний враг христиан... между женами и мужьями тщится любовь и мир отъять и посеять вражду... Во едину убо плоть бывают муж и жена, по Писанию. Крепкий союз во единой плоти есть! И кто на свою плоть враждует?» [*3, с. 94]. Вместо того чтобы стать «малой Церковью», дом Закладчика становится полем, где дьявол сеет «плевелы» гордости и отчуждения. Почему так произошло?

Известно, что Закладчик вступил в брак не ради любви, а ради мести миру за прошлые унижения. Ему нужна была жена, не равная ему, а жертва, которая признала бы его превосходство и «великодушие» [3, с. 102]. Он жаждал, чтобы Кроткая «сама догадалась о нем», стояла перед ним в мольбе за его страдания. *«О, я всегда был горд, я всегда хотел или все, или ничего!»* – исповедуется он [3, с. 115]. В этом признании – чудовищная подмена понятий. В христианской традиции гордость есть корень всех зол, уподобляющий человека падшему ангелу, но герой возводит ее в ранг достоинства, требуя поклонения за свою исключительность.

В финале трагедии Закладчик, опоздавший всего на пять минут, стоит перед телом жены, выбросившейся из окна с иконой в руках. Достоевский придал этому частному случаю глобальное обобщение: рушится не просто семья, но и вера в социальный уклад. Герой вопрошает с отчаянием: *«Что мне теперь ваши законы? К чему мне ваши обычаи, ваши нравы, ваша жизнь, ваше государство, ваша вера?»* [2, с. 212]. Однако это бунт ослепленного гордеца. Ответ на вопрос, почему семья рухнула, следует искать в духовной сфере. Как указывают современные исследователи наследия святителя Тихона, трагедия стала возможной потому, что оба супруга жили в браке без Христа, пытаясь справиться со страстями лишь своей волей [3, с. 145].

Ключ к пониманию катастрофы лежит в различении подлинной христианской кротости и кротости природной. Святитель Тихон Задонский учил, что истинная кротость есть плод духовной мудрости и веры, она подобна скале, о которую разбиваются волны раздражительности: *«Кротость есть неизменное устроение ума, которое и в чести, и в бесчестии пребывает одинаковым»* [3, с. 130]. Но, как отмечает святитель, *«иные кроткие, но ради мирного с человеком жития, а не от веры»* [3, с. 138]. Героиня повести Достоевского была кроткой по душевному складу, по природе, но ее кротость не имела своим источником Христа, а потому в момент предельного испытания она не выдержала, не устояла в Истине.

Итак, гибель героини становится тем потрясением, которое, по замыслу автора, способно воскресить душу героя. Закладчик осознает: *«измучил я ее – вот что!»* [1, с. 203]. Это осознание — первый шаг к покаянию, к пониманию того, что **построить крепкую семью невозможно на фундаменте гордыни**, самоутверждения и манипуляции. Единственной основой для созидания брака является любовь как высшее духовное состояние личности, любовь, которая *«долготерпит, милосердствует... не гордится, не бесчинствует, не ищет своего»* (1 Кор. 13:4–5). Достижение такого смирения невозможно без веры и

надежды на Бога, без тех даров, которые, по слову святых отцов, приобретаются «потом и кровью, постом и молитвой».

Стоит обратить внимание, что современные театральные интерпретации «Кроткой» помогают молодежи глубже прочувствовать эмоции героев, переводя сложный философский текст Достоевского на язык живого, непосредственного переживания. Критики высоко оценили постановку Малого театра, отмечая, что актеры не просто играют, а буквально проживают трагедию на сцене – в зале стоит такая тишина, «что было бы слышно, как муха пролетит». Предельная психологическая достоверность позволяет молодому человеку увидеть в герое не абстрактного тирана из школьного учебника, а живого, душевно искалеченного человека, чей внутренний ад раскрывается в исповедальном монологе. Камерный формат, избираемый для многих постановок «Кроткой», усиливает эффект присутствия: зритель оказывается почти соучастником трагедии, что особенно важно для молодежи, привыкшей к визуальному контенту, но редко сталкивающейся с такой глубиной проживания чувств на сцене.

Однако сценические версии неизбежно содержат и отличия от оригинального текста. В спектакле «Кроткая. Монтаж» режиссера Артёма Злобина, премьера которого состоялась в марте 2024 года в Санкт-Петербурге, постановщик намеренно ищет в трагическом сюжете «и юмор, и иронию, и фарсовое существование персонажей», определяя главный мотив как «мотив одиночества и гипертрофированной совести». В ряде постановок Кроткая предстает внутренне сильной натурой, оказывающей молчаливое сопротивление, а Закладчик – жертвой психологической травмы, почти оправданным в своих заблуждениях человеком. Подобные интерпретации обостряют восприятие и делают классический сюжет близким сегодняшней молодежи, мыслящей категориями психологической травмы и абьюзивных отношений, но при этом уводят зрителя от духовного стержня повести. На сцене психологическая драма заслоняет собой драму религиозную: зритель видит столкновение характеров и взаимную неспособность любить, тогда как Достоевский писал о столкновении души с бездной богооставленности. Именно поэтому театр способен пробудить интерес к тексту, но не заменить его – только вдумчивое чтение открывает тот слой смыслов, где брак предстает не просто «отношениями», а полем, на котором человеку предстоит победить собственный эгоизм.

Обращаясь к художественному миру Достоевского и духовному опыту Тихона Задонского, молодежь может извлечь важнейший урок: счастливая семья – это не просто социальный контракт или удовлетворение эмоциональных потребностей, это подвиг веры и поле духовной

борьбы, на котором человеку предстоит победить собственный эгоизм. В современном мире, к сожалению, приходится наблюдать сильный разрыв связи между поколениями, что приводит к утрате национального самосознания. Поэтому сейчас так важно обратить внимание на падение нравственности. К сожалению, люди перестали понимать, ради чего необходимо создавать семьи, считают брак помехой личностного роста, карьеры. Общество столкнулось с опасным общественным явлением – подменой ценностей. Теперь вместо жертвенной любви, заставляющей заботиться о супруге и детях, возник культ личного комфорта и самореализации. Вместо продолжения рода и ответственного родительства человек выбирает эгоистический путь, решая жить «для себя». Духовное единство супругов сменило сожительство, не обремененное ответственностью. Таким образом, можно сделать вывод, что дьявол, о котором предупреждает святитель Тихон, действует сегодня именно через такую тихую и незаметную подмену понятий, когда эгоизм проповедуется как свобода, а бездетность считается осознанным выбором.

Итак, можно сделать вывод, что истинное современное прочтение «Кроткой» заключается вовсе не в поиске новой сценической формы или актуальной режиссерской интерпретации. Оно состоит во вдумчивом изучении самого текста молодежью. Повесть Достоевского сегодня не должна восприниматься как текст из прошлого, который утратил актуальность. Мы должны обратиться к тексту, как к духовному призыву к супружеству, в котором сохраняются нравственные ориентиры, способные помочь спасти душу человека. На примере трагедии Закладчика и Кроткой мы видим, как дьявол играет с человеческой душой: он не является в устрашающем обличье, но тихо сеет плевелы гордости, отчуждения и себялюбия, подменяя любовь – соперничеством, кротость – безвольным молчанием, а брак – полем битвы двух самолюбий. Этот художественный и духовный опыт дает молодежи возможность увидеть, что семья без Христа, без общего стремления к святости и без победы над собственным «я» обречена на разрушение. Возвращение к истокам, к сокровищнице классической литературы и религиозной традиции – это не архаизация сознания, а обретение твердой почвы для строительства будущего, основанного на подлинных духовно-нравственных ценностях, среди которых целомудрие, верность, жертвенность и готовность полагать душу свою за ближнего.

Список цитируемой литературы:

1. Есаулов, И.А. Анализ, интерпретации и понимание в изучении наследия Достоевского: коллективная монография / И.А. Есаулов, Б.Н. Тарасов, Ю.Н. Сытина. – М.: Индрик, 2021. – 336 с.

2. Захаров, В.Н. Имя автора – Достоевский. Очерк творчества / В.Н. Захаров. – М.: Издательство «Индрик», 2013. – 456 с.

3. Сатарова, Л.Г. Наследие святителя Тихона Задонского и русская литература: учебное пособие / Л.Г. Сатарова, Н.В. Стюфляева. – М.: ИНФРА-М, 2025. – 175 с.

4. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (дата обращения: 02.05.2026).

Чудинова Е.В., канд. пед. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
г. Липецк, Россия

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

Аннотация

В статье проанализированы переводы отрывков из романа «Преступление и наказание» на немецкий язык, рассмотрено влияние особенностей перевода на воссоздание образов главных героев.

Ключевые слова: проблемы перевода; стиль; образ.

Цель данной статьи – проследить, как особенности перевода романа влияют на воссоздание образов главных героев.

«Первый перевод романа был опубликован в 1882 г. на личные средства переводчика Вильгельма Генкеля» [1, с. 122]. Роман был принят в Германии с большим интересом, его появление стало важной вехой в культурной жизни страны. Критиков и читателей волновали философские, религиозные, психологические, социальные аспекты произведения. Через несколько лет роман был переведен «на норвежский, чешский, датский, голландский, французский, английский, польский, венгерский, сербский, итальянский, финский, греческий, хорватский языка» [1, с. 125]. На рубеже XIX–XX веков были изданы еще пять переводных изданий романа, наиболее известным из которых стал перевод Ганса Мозера „Schuld und Sühne“. Позже при переводе романа

использовались такие варианты названия, как «Rodion Raskolnikoff», (1908 г., переводчик Михаил Феофанов), „Verbrechen und Strafe“ (1921 г., переводчик Александр Элиасберг). Критики подчеркивают значимость перевода А. Элиасберга, отмечают «точное следование оригиналу и безупречность стиля» [3, с. 156–157], а также «влияние этого перевода на творчество немецкого писателя Томаса Манна» [3, с. 142-154]. Позднее был выполнен еще ряд переводов на немецкий язык – среди них, например, вариант Бениты Гиргензон в 1963 г. и Бригитты Клаус в 1993 г., также под названием „Schuld und Sühne“.

Наиболее близким по духу к прозе Достоевского считается последний перевод романа – это перевод Светланы Гайер, которая была одним из самых из известных переводчиков-славистов современности. Как указывают Е.А. Головачева и О.В. Седельникова, «впервые взыскательные читатели получили такой вариант этого знакового текста на немецком языке, который …соответствует самым высоким требованиям» [2, с. 165].

В данной статье мы рассмотрим особенности перевода отрывков романа Ф.М. Достоевского на немецкий язык переводчиками Бенитой Гиргензон и Светланой Гайер.

Отметим, что обе переводчицы часто прибегают к переводческим трансформациям, чтобы передать смысл текста. Например, при описании внешности Раскольникова фразу «он был замечательно хорош собою» [4] Б. Гиргензон переводит как „er war auffallend hübsch» (он был поразительно красив) и далее – «hatte schöne dunkle Augen, braunes Haar, war von ziemlich hohem Wuchs, schlank und Wohlgestalt“ [5, с. 6] («у него были красивые темные глаза, каштановые волосы, он был довольно высок ростом, строен и гармонично сложен» – обратный перевод автора). При этом словосочетание «хорош собой» можно перевести на немецкий язык только одним словом – как „hübsch, schön, wunderschön, attraktiv“ (милый, красивый, прекрасный, привлекательный). Отметим, что при описании внешности Бенита Гиргензон использует устаревшее слово „Wohlgestalt“, активно использовавшееся в поэзии XIX века, которое придает описанию внешности некоторую высокопарность, тогда как у Достоевского используются стилистически нейтральные прилагательные «тонок и строен». Так, Гиргензон вслед за Достоевским создает образ очень привлекательного молодого человека, но этот образ кажется более идеализированным и романтичным.

В современном переводе Светлана Гайер дает более точное описание главного героя без оттенка романтичности («необычно красивый, выше среднего роста, тонкий и гибкий, с красивыми темными глазами и темно-русыми волосами» – обратный перевод автора).

Рассмотрим, как обе переводчицы воссоздают образ старухи-процентщицы на немецком яыке. Бенита Гиргензон описывает Алену Ивановну следующим образом: «Sie war eine kleine, verhutzelte Frau von etwa sechzig Jahren, mit stechenden, bösen Augen, einer kleinen, spitzen Nase und ohne Kopfbedeckung» [5, с. 9] («она была маленькой, высохшей женщиной примерно лет шестидесяти, с колючими, злыми глазами, маленьким, острым носом и без головного убора» – обратный перевод автора). Здесь можно отметить следующее. Переводчик не смог подобрать эквивалент слову «старушонка» и использовал нейтральное «женщина», при описании глаз утерян уменьшительный суффикс в слове «глазки», поэтому исчез компонент значения «маленькие глаза». Прилагательное «вострый», которое использовал Достоевский, передано двумя разными словами – «колючие глаза» и «острый нос». Наконец, слово «простоволосая», имеющее негативный компонент в значении, переведено нейтральным словосочетанием «без головного убора».

В переводе Светланы Гайер читаем: «Это была очень маленькая, изможденная старая женщина примерно лет шестидесяти, с колючими, злыми глазами, маленьким острым носом и непокрытой головой» (обратный перевод автора статьи). Наш взгляд, это более удачное описание, потому что переводчик подчеркивает в нем и рост, и возраст старухи, а словосочетание «непокрытая», как бы «голая» голова лучше передает ощущение неопрятности. Однако определение «высохшая», которое использует Б. Гиргензон, в отличие от прилагательного «изможденная», рисует образ точнее. Ведь Достоевский обращает внимание читателя не на то, что старая женщина измучена тяжелой жизнью и работой. Он намекает на то, что старуха уже стоит на пороге смерти.

В дальнейшем обе переводчицы очень близко к тексту передают описание неопрятной старухи в заношенной одежде с шеей, напоминающей куриную ногу.

Отметим, что порядок слов в предложении иногда приближен к оригиналу, иногда отличается. Например, при переводе последнего предложения в описании Алены Ивановны и ее реакции на взгляд Раскольникова Б. Гиргензон, вслед за Достоевским, начинает предложение со слова „wahrscheinlich“ (вероятно, должно быть), тогда как С. Гайер начинает предложение с подлежащего – „der junge Mann“ (молодой человек). Тем не менее, несмотря на нюансы, при переводе романа Ф.М. Достоевского сохраняется противопоставление главных героев – Родиона Раскольникова, который описан как внешне очень привлекательный, умный, харизматичный молодой человек, и Алены Ивановны – отталкивающей физически, неопрятной, полумертвой ста-

рухи, которая живет за счет других людей. Это противопоставление необходимо, чтобы высветить главную идею Достоевского – каждый человек имеет право на жизнь и представляет ценность для Создателя.

Продолжим статью сравнительным анализом переводов отрывка из письма Пульхерии Раскольниковой.

Б. Гиргензон передает его таким образом: «Betest Du noch zu Gott wie früher, und glaubst Du an die Güte des Schöpfers und Heilandes? Wie sehr fürchte ich, daß die neumodische Gottlosigkeit auch Dich ergriffen hat… Erinnere Dich, Liebster, wie Du in Deiner Kindheit, als Dein Vater noch lebte, auf meinen Knien Deine Gebete sprachst, und wie glücklich wir alle damals waren!» [5, с. 44] («Молишься ли ты еще Богу, как прежде, и веришь ли ты в милосердие нашего Творца и Спасителя? Как я боюсь, что новомодное безбожие охватило и тебя… Вспомни, милый, как ты в детстве, когда еще жив был твой отец, на моих коленях произносил свои молитвы, и как счастливы мы все тогда были!» – обратный перевод автора статьи). Сравним с переводом С. Гайер: «Betest Du noch zu Gott, Rodja, wie früher und glaubst Du an die Güte unseres Schöpfers und Erlösers? Ich fürchte in meinem Herzen, ob Dich nicht schon der neueste moderne Unglaube angesteckt hat… Denke doch, Liebster, daran, wie Du in Deiner Kindheit, als Dein Vater noch lebte, auf meinen Knien Deine Gebete stammeltest und wie glücklich wir damals waren!» [6, с. 40]. («Молишься ли ты еще Богу, Родя, как прежде, и веришь ли ты в милосердие нашего Творца и Спасителя? Я боюсь в своем сердце, что тебя заразило уже новейшее современное безверие… Подумай же, милый, о том, как ты в детстве, когда еще жив был твой отец, на моих коленях лепетал свои молитвы, и как счастливы мы все тогда были!» – обратный перевод автора). Как мы видим при сравнении переводов, в первом варианте переводчик опустил обращение матери к сыну по имени, а также словосочетание «в своем сердце», которое усиливает эмоциональное воздействие письма. Кроме того, слово «Спаситель» („Heiland“) несколько выбивается из стилистики письма, так как оно имеет в немецком языке несколько высокопарное, религиозное и поэтическое значение по сравнению с синонимом „Erlöser“ с более широким, религиозным и философскоим оттенком значения. Во втором варианте переводчик использовал глагол „stammeln“, который переводится как «лепетать», «неуверенно говорить что-то». Использование этого слова дополняет образ наивного, невинного ребенка, который запечатлелся в памяти матери Родиона.

Закончим статью анализом перевода цитаты из эпилога романа, в которой Достоевский описывает отношение каторжников к Соне Мармеладовой. Здесь мы читаем в переводе Б. Гиргензон: „Wenn sie

Raskolnikow bei der Arbeit aufsuchte oder einem Trupp Sträflinge begegnete, die zur Arbeit gingen, nahmen alle die Mützen ab und grüßten sie. „Mütterchen Sofia Semjonowna, du unsere Mutter, du sanfte, barmherzige!“ [5, c. 268]. («Когда она навещала Раскольникова на работе или встречала группу арестантов, которые шли на работу, они все снимали шапки и приветствовали ее: «Матушка, София Семеновна, ты наша мать, ты кроткая, милосердная!» Сравним этот перевод с переводом, предложенным С. Гайер. Мы видим в нем обращение к Соне: «Матушка, Софья Семеновна, наша мать, ты Нежная и Милосердная!» (обратный перевод автора статьи). Мы видим, что переводе использованы трансформации конструкций: вместо причастного и деепричастного оборотов, подчеркивающих второстепенность действия или его продолжительность, использованы придаточные предложения. Глагол «кланяться» переведен нейтральным и обобщенным словом „begrüßen“ (приветствовать), устаревшее прилагательное «болезная» переводчик заменил на слово «милосердная» (barmherzig). При этом С. Гайер, выделяя прилагательные написанием с большой буквы, передает мысль Достоевского о том, что каторжники видели в Соне черты любящей, милосердной Божьей матери, готовой на самоотречение, и относились к ней особенно трепетно.

Таким образом, хотя каждый из переводов имеет свои особенности, на наш взгляд, перевод С. Гайер точнее передает идею и стилистические особенности романа.

Список цитируемой литературы:

1. Головачева, Е.А. История переводов романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» на немецкий язык: роль издательств и первых собраний сочинений. Статья 1 / Е.А. Головачева, О.В. Седельникова // Новый филологический вестник. – 2022. – №2 (61). – С. 120–146.

2. Головачева, Е.А. История переводов романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» на немецкий язык: роль издательств и первых собраний сочинений. Статья 2 / Е.А. Головачева, О.В. Седельникова // Новый филологический вестник. – 2022. – №3 (62). – С. 154–179.

3. Терехина, В.Н. Письма З.Н. Гиппиус А.С. Элисбергу / В.Н. Терехина // Новые материалы. Исследования. – Москва: ИМЛИ РАН, 2002. – С. 142–154.

4. Достоевский, Ф.М. Преступление и наказание / Ф.М. Достоевский. – Москва: Литрес, 2008. – 680 с.

5. Deutsche Digitale Bibliothek. – URL: https://www.deutsche-digitale-bibliothek.de/item/24HGRRXAK6VJMC3G2QSUXW3AQDCLSOLU (дата обращения: 14.05.2026).

6. Dostojewskij F. Verbrechen und Strafe / Deutsch von S. Geier. – Zürich: Amman Verlag, 1994. – 766 s.

Шматова Г.А., канд. культурологии, доцент
Гроздова О.Ю., магистрант
Российский государственный гуманитарный университет
г. Москва, Россия

АКТУАЛИЗАЦИЯ ТРАДИЦИЙ ПРАВОСЛАВНОЙ КНИЖНОСТИ В РОМАНЕ Е.Г. ВОДОЛАЗКИНА «ЛАВР»

Аннотация

Представленная статья посвящена анализу романа Е. Водолазкина «Лавр» в контексте традиций православной книжности и древнерусской культуры XV века. Автор связывает непреходящий интерес к роману не сколько с его художественными и поэтическими особенностями, сколько с тем, как писатель переосмысляет ключевые культурные категории – время, жизнь, смерть и любовь – и возвращает в современность их древнерусское понимание, которое сегодня оказывается весьма востребованным. В работе демонстрируется, как в романе отражены линейная и круговая модели времени, его эсхатологическое понимание, целеполагание человеческой жизни и история в контексте стремления к вечности, как любовь представляется жертвенным и милосердным служением. Авторы приходят к выводу, что Водолазкину удалось пересобрать основы православной культуры и донести духовно-нравственные истины до современного читателя с помощью понятных ему релевантных современной культуре средств выразительности. Этот культурный вклад метафорически соотносится в статье с просветительским подвигом святых Кирилла и Мефодия.

Ключевые слова: православная книжность; древнерусская культура; Е.Г. Водолазкин; роман «Лавр»; культурные категории «время», «вечность», «любовь»; современные средства выразительности.

Роману Е. Водолазкина «Лавр», с которым он «ворвался» в современную русскую литературу, без малого 15 лет. Его совокупный тираж в начале 2026 года составил более 300 тыс. экземпляров, что в

100 раз превышает средний тираж современной художественной книги (по данным РКП из открытых источников). За прошедшее после публикации время интерес к роману и его востребованность остаются высокими: он сохраняет статус бестселлера в книжных сетях, на цифровых платформах, в аудиоформате, лидирует в библиотечных запросах. Роман продемонстрировал высокий потенциал переноса на принципиально иные медиа – театр и кино. Существует уже четыре театральных прочтения романа российскими режиссерами, и в данный момент ведется его экранизация. Таким образом, можно утверждать, что «Лавр» Е. Водолазкина стал знаковым явлением не только современной русской литературы, но и современной культуры.

Неиссякающий интерес к флагманскому роману Водолазкина о средневековом травнике Арсении-Лавре, жившем на севере Руси в XV в., как правило, объясняется его богатыми поэтическими особенностями: экзотикой средневекового сюжета, глубоким психологизмом, игровыми языковыми смешениями, интертекстуальностью, многослойным пространством для интерпретаций. Однако есть основания полагать, что причина столь глубокого интереса к роману «Лавр» как со стороны читателей, так и среди профессионального сообщества (журналистов, театральных режиссеров, филологов, культурологов) обуславливается в большей степени актуализацией в романе нравственных основ русской культуры и восстановления приоритетности духовного измерения для современного человека. При этом использующиеся для современного разговора о Боге средства выразительности романа оказываются весьма убедительны, поскольку работают с режимами восприятия, характерными для современной культуры, попрежнему говорящей на языке постмодернизма, поэтику которого использует Водолазкин.

А.Н. Ужанков в своей книге «Картина мира древнерусского книжника» пишет о неразрывном понимании русского и православного в эпоху, выбранную Водолазкиным для своего романа: «В художественном сознании XI-XV столетий <…> «русский» осмысляется как православный, а Русская земля – как оплот Православия» [6, с. 15]. Перенеся действие своего неисторического романа в XV в., Водолазкин получил возможность раскрыть современному читателю в художественной форме основные экзистенциальные культурные категории, такие как ***время, жизнь, смерть, любовь*** в соответствии с их пониманием в древнерусской культуре. «Есть то, о чем легче говорить в древнерусском контексте. Например, о Боге. Мне кажется, связи с ним раньше были прямее. Важно, уже то, что они были. Сейчас вопрос этих связей занимает немногих, и это озадачивает.» [3], – написал Водолаз-

кин в аннотации-манифесте и авторском предисловии к первому изданию романа «Лавр» в 2012 году. Именно поэтому в романе приводятся христианские догматы, христианская антропология: об иноприродности души телу, о смерти и бессмертии, о смысле жизни в освобождения от греха и приготовлении к жизни вечной, о молитве как связи с Богом, о любви как служении. Именно к этим христианским константам обращается Водолазкин в своем неисторическом романе. Он намеренно размывает временные границы произведения: архаизмы соседствуют с современностью, сюжетное время флуктуирует и перемешивается, превращая исторический контекст XV века, в котором происходят события романа, во вневременное художественное пространство, обращенное к современности.

Связь романа «Лавр» с православной книжностью и древнерусской уже довольно хорошо исследована. Стоит отметить статью Н.В. Калининой [5], посвященную интертекстуальному пространству романа и демонстрирующую его включенность в систему древнерусской книжности на уровне прямых цитат и отсылок к библейским текстам, молитвам, агиографиям и другим жанрам словесности древнерусского Средневековья. Однако хотелось бы обратить внимание на то, как в романе происходит переопределение указанных основных культурных категорий в соответствии с картиной мира человека XV века, что кажется более фундаментальным с точки зрения стратегии коммуникации с читателем. Анализ указанных культурных категорий в романе «Лавр» проводился согласно категориями древнерусской культуры в упомянутой выше книге А.Н. Ужанкова. Приведем результаты этого анализа.

Одной из важнейших переопределяемых культурных категорий в романе является ***время*** и связанные с ней понятия вечности и вневременности. Как пишет Ужанков, «Уже в XI–XII вв. в сознании древнерусских летописцев прочно закрепилось христианское представление о времени и его связи с историей. У них была точка отсчета – сотворение мира и линейная протяженность, выражающаяся чередой лет хронологией» [6, с. 19]. При этом, как ранее писал историк-медиевист А. Гуревич [4], христианское время полностью не избавилось от цикличности, и в христианском переживании хода времени движение по линии и вращение в круге объединяются. Как отмечает М.В. Бочкина, исследующая отражение средневековой концепции времени в творчестве Володазкина, еще в своей диссертации Водолазкин-ученый [2] приходит к выводу, что объединение круга и линии дает фигуру спирали в понимании времени, характеризующую поэтику древнерусских текстов. Позднéе понимание времени как спиралевидной структуры нашло отражение в художественном воплощении его мысли, в романе «Лавр».

Действительно, в тексте романа проявлена круговая модель времени. Круговая модель явлена цикличностью в повторяемости событий (старец в огне, которого видит мальчик, и наоборот, эпидемия чумы в начале и в конце пути Арсения, девушки Устина в начале и Анастасия в конце), цикличности пути Арсения и пространства романа, в его круговой композиции. Модель линейности передана хронологией житийного изложения, опорой на даты, апелляцией к календарному времени, к относительным временным промежуткам. Соединяясь в тексте, эти две модели убедительно формируют спиралевидное представление о времени, что закрепляется откровением старца Иннокентия в тексте романа: «Возлюбив геометрию, движение времени уподоблю спирали. Это повторение, но на каком-то новом более высоком уровне. <…> повторения даны нам для <…> нашего спасения» [3, с. 376–367]. Такое понимание времени является новым для современных читателей и осуществляет определенную *переплавку границ опыта* (термин констанцской феноменологической школы), некое переживание, формирующее другой опыт переживания времени.

Кроме иного понимания структуры времени в древнерусском мировоззрении было иное его осмысление, эсхатологическое. Как пишет А. Ужанков: «Время – выпадение из вечности. До его начала была вечность, и после его прекращения снова наступит вечность. Вечность – прерогатива святости, небесного бытия» [6, с. 19–20]. Таким образом, для средневекового мировоззрения земное время ограничено, конечно, преодолимо, и его цель – достичь жизни «будущего века», сопряжения с сакральным, небесным, горнем. Именно такое понимание времени в контексте вечности мы находим в тексте романа Водолазкина. Герои Арсений и Амброджо рассуждают о времени, с одной стороны, как о проклятии («Время скорее проклятие, ибо в Раю, Арсение, его не было» [3, с. 280] и «мы заперты во времени из-за слабости нашей» [3, с. 279]), а с другой стороны, «время дано нам по милосердию Божию» [3, с. 279] и «Человек не рождается готовым, он рождается, учится, осмысливает опыт и строит свою личную историю. Для этого ему и нужно время» [3, с. 281]. Время земное как выпадение из вечности ярко иллюстрирует старец Никандр в беседе с Арсением после смерти его невенчанной жены Устины: «<…> там, где она сейчас, нет уже. И еще нет. И нет времени, а есть бесконечная милость Божия, на ню же уповаем» [3, с. 112]. Так спасение Устины для вечности становится целью земной жизни Арсения – главного героя романа «Лавр».

Переосмысление земной истории и целеполагания жизни человека в контексте времени и вечности в тексте романа присутствует в диалоге Арсения и Амброджо: «Люди свободны, но история не сво-

бодна, <…> она объемлется Богом. Потому у истории нет цели, как нет ее у человечества. Цель есть только у человека» [3, с. 259]. А явное указание на целеполагание человеческой жизни как на стремление к вечности и святости мы находим в романе во фразе монаха Киево-Печерской Лавры «Нужно, знаете ли не рассуждать, а обожествляться» [3, с. 273] и конечно в кульминационном откровении Арсению у Гроба Господня: «А разве Христос не общее направление, спросил старец. Какого же направления ты еще ищешь?» [3, с. 364–365]. М. Бочкина точно отмечает, что «исторический процесс, как понимал его древнерусский человек, един, целостен, творим свободной волей людей, но объемлем Богом» [1, с. 479]; при этом главной целью человека в истории, в его земной жизни является спасение его души, стяженное в процессе его исторического земного времени через взаимодействие между людьми и миром. Водолазкин в своем романе возвращает это целеполагание в современную жизнь.

Важнейшей культурной категорией древнерусского средневековья является любовь. А.Н. Ужанков выделяет разные виды любви, существующей для человека XV века. Бог есть любовь: «Творец – не строгий судия, а человеколюбец, добрый покровитель и милостник. У него можно выпросить прощение и терпение к нашей нерадивости» [6, с. 123]; любовь к Богу: «если человек избирает добродетельный путь и праведно заканчивает его, то может искупить все грехи и получить прощение» [6, с. 124]; любовь к родителям, которая зиждется на пятой заповеди «почитай родителей своих, и приумножатся дни твои» [6, с. 126]; любовь к ближнему и к врагам: «если кто молвит: Бога люблю, а брата не люблю, – тот ложь произносит» [6, с. 129]; любовь супругов: «венчаные муж и жена являют одно целое перед Богом» [6, с. 131]; любовь жертвенная, которая, по словам апостола Павла, «долготерпит, милосердствует, не завидует, не превозносится, не гордится, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, но сорадуется истине, всего надеется и все переносит» (Коринф. 13:13) [6, с. 134]; любовь целомудренная, когда расставания и злоключения происходят только лишь в результате греховного помысла героев. Именно о такой любви Водолазкин говорит в романе, любви христианской, милосердной, жертвенной и вечной – «неложной, не стирающейся с течением времени» [2, с. 99]. «Любовь сделала вас с Устиной единым целым, а значит, часть Устины еще здесь. Это – ты» [2, с. 133], – говорит Арсению старец Никандр, убеждая его продолжать жить после смерти Устины. Арсений принимает на себя обет посвятить свою жизнь Устине и пройти земной путь ее души за себя и за нее, чтобы, несмотря на смерть земную, привести ее к жизни вечной. Его добродетельная жизнь, полная

любви к ближнему, в том числе и к врагам (разбойник Жила, калачник Прохор), стала залогом прощения смертного греха и явлением милости Божией и пасхального торжества жизни вечной в финале романа.

Таким образом, в романе «Лавр» на различных уровнях языка, структуры текста, событийного ряда пересматривается и меняется современное понимание таких экзистенциальных категорий культуры, как время, жизнь, смерть, любовь и актуализируется их древнерусское средневековое понимание, полностью исчезнувшее из массовой культуры и сохранившееся лишь в культуре православной. Водолазкину-художнику в своем неисторическом постмодернистском по поэтическим структурам романе парадоксальным образом удалось осовременить те духовно-нравственные истины, о которых сегодня стало сложно говорить без ложного пафоса, ханжества, или морализаторства. Очень важно, что эта актуализация подтверждается непрофессиональной читательской рецепцией в виде интернет-отзывов о романе, в частности такой: «Это закрученное время будто поднимает с души нашей давно забытое чувство правды, правильности, смысла. Вот этот вот православный код милосердия, взаимопомощи, принятия себя во грехе» [7].

В передаче современным читателям русской традиции и духовного измерения за счет современных средств выразительности и режимов чувственности состоит основное достоинство романа «Лавр» и своеобразный подвиг Е. Водолазкина как современного писателя, в некотором роде сопоставимый с подвигом святителей Кирилла и Мефодия, в свое время осуществивших перевод Писания с греческого на язык, доступный для восприятия славянскими народами.

Список цитируемой литературы:

1. Бочкина, М.В. Отражение средневековой концепции времени в романах Е. Водолазкина «Лавр» и «Авиатор» / М.В. Бочкина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2017. – Т. 22, № 3. – С. 475–483.

2. Водолазкин, Е.Г. Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и палейного повествования XI–XV веков) / Е.Г. Водолазкин; Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. – Санкт-Петербург: Пушкинский Дом, 2008. – 488 с.

3. Водолазкин, Е.Г. Лавр: роман / Евгений Водолазкин. – Москва: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2012. – 386 с.

4. Гуревич, А.Я. Категории средневековой культуры / А.Я. Гуревич. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Искусство, 1984. – 350 с.

5. Калинина, Н.В. Интертекстуальное пространство романа Е.Г. Водолазкина «Лавр» / Н.В. Калинина // Язык как материал словесности: XXIII Международные научные чтения. – Казань: Бук, 2020. – С. 126–135.

6. Ужанков, А.Н. Мировоззрение древнерусского книжника. Категории русской средневековой культуры / А.Н. Ужанков. – Москва: Институт Наследия, 2002. – 212 с.

7. Nastasya Ch. Отзыв о романе Е. Водолазкина «Лавр» [Электронный ресурс] / Nastasya Ch. // Тинькофф Журнал: [официальный сайт]. – 2024. – 4 июля. – URL: tinkoff.ru (дата обращения: 05.06.2026).

Шуклова Л.Г., канд. филол. наук, доцент
Беликов И.В., студент
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»
г. Липецк, Россия

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»: ОТ СОБЫТИЙ ПРОШЛОГО К ВЫЗОВАМ НАСТОЯЩЕГО

Аннотация

В статье анализируется взгляд ректора МГУ имени М.В. Ломоносова В.А. Садовничего на исторические события далекого прошлого, отраженные в известном историко-литературном памятнике «Слово о полку Игореве».

Ключевые слова: патриотизм; культурная память; героизм; драматические события; судьба Русской земли.

Поэтика «Слова о полку Игореве» привлекла внимание В.А. Садовничего неслучайно, так как события, отраженные в памятнике, касаются непосредственно его Родины – Харьковской области. Кроме того, изменения, происходящие на Украине начиная с 2014 года, взволновали его патриотические чувства.

«Слово о полку Игореве» относится к числу произведений, смысловая глубина которых не исчерпывается в рамках современной научной парадигмы [4]. Несмотря на обширную исследовательскую традицию (более десяти тысяч исследований), текст продолжает вызывать дискуссии, касающиеся особенностей авторского замысла, поэтики и историко-культурного контекста. В этом отношении показательно об-

ращение к «Слову» представителей различных областей знания, поскольку такой подход позволяет выявлять новые грани понимания произведения, точнее определять способы художественного осмысления исторической реальности в древнерусской словесности.

Особое место в современном прочтении «Слова» занимает работа Виктора Антоновича Садовничего – ректора Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, заведующего кафедрой математического анализа механико-математического факультета МГУ, академика Российской академии наук, профессора, президента Российского союза ректоров. Обращение учёного-математика к древнерусскому памятнику демонстрирует выход содержания текста за пределы исключительно филологического анализа, показывает необходимость его рассмотрения в более широком культурном и интеллектуальном контексте. Характер подобного опыта Садовничий формулирует так: «<…> ученые в момент постижения этого текста становятся поэтами, а поэты превращаются в ученых» [3, с. 14]. Эта мысль отражает изменение характера работы с текстом: научный анализ дополняется художественным восприятием, а граница между ними становится условной.

История открытия «Слова о полку Игореве» окружена драматическими событиями, которые на долгие годы породили сомнения в подлинности памятника. Текст был обнаружен в конце XVIII века известным собирателем древностей графом Алексеем Ивановичем Мусиным-Пушкиным. По словам самого Мусина-Пушкина, он приобрёл рукопись у бывшего настоятеля упразднённого Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле архимандрита Иоиля (Быковского). Уже в 1800 году текст был опубликован и сразу вызвал огромный интерес среди ученых и писателей, среди которых были Николай Михайлович Карамзин и Михаил Матвеевич Херасков. С этого момента начинается длительная и до сих пор не завершенная история изучения произведения.

В знаменитом московском пожаре 1812 года дом графа, где хранился единственный подлинный экземпляр поэмы, был уничтожен огнём, и рукопись бесследно исчезла. Утрата первоисточника породила дискуссию, которая не утихала на протяжении двух столетий: является ли «Слово» подлинным наследием Древней Руси или гениальной, но искусной подделкой, созданной в XVIII веке. Споры завершил фундаментальный труд академика Андрея Анатольевича Зализняка «“Слово о полку Игореве”: взгляд лингвиста». Исследователь наглядно продемонстрировал, что язык памятника невозможно искусственно воспроизвести, поскольку он содержит такие сложные языковые законо-

мерности, которые были открыты только в XX веке. Зализняк доказал, что фальсификатор, якобы работавший в XVIII веке, должен был бы на полтора-два века опередить развитие лингвистической науки, что представляется абсолютно невозможным: «Если работал имитатор, то он мог быть только абсолютным гением имитации. И этим, естественно, определяется и степень вероятности всей версии» [1, с. 445].

Центральной темой произведения является судьба Русской земли, оказавшейся в опасности из-за междоусобиц князей. Как мы отмечали ранее, патриотический пафос памятника неразрывно связан с чувством тревоги: «“Слово” пронизано тревогой за судьбу Отчизны в период феодальной раздробленности и готовности к жертвам во имя Родины и своего народа» [5, с. 210]. Именно поэтому главный мотив произведения можно определить как *патриотический*: это призыв к единству, к осознанию общей ответственности за судьбу Отечества. Эта идея проявляется в образах разоренной земли, «плачущей» природы, в картинах запустения и страдания народа.

Такое понимание произведения близко и выдающемуся российскому филологу, культурологу, искусствоведу, академику Академии наук СССР (с 1970 года) и Российской академии наук (с 1991 года) Дмитрию Сергеевичу Лихачеву, который подчеркивал, что «Слово» – это символ единения восточных славян и одновременно предостережение против разрушительных внутренних конфликтов: «оно живо и действенно, заражает своей поэтической энергией и воспитывает идейно, учит литературному мастерству и любви к Родине» [2, с. 286].

Развивая тезис о неисчерпаемости смыслового пространства «Слова», Садовничий делает акцент на удивительной способности этого памятника объединять людей разных профессий, эпох и убеждений. Исследователь приходит к выводу, что секрет жизненности «Слова» кроется в искренности, с которой автор подошел к созданию произведения: «“Слово о полку Игореве” покоряет именно силой любви к Родине, к Русской земле. Чувство это пронизывает всё произведение. Об этом говорил каждый из исследователей знаменитого древнерусского текста, это невозможно не почувствовать, обойти, ради этого написано это великое произведение» [3, с. 3].

Садовничий предлагает рассматривать «Слово» как диалог, в который автор вступает и со своими современниками, русскими князьями, и с последующими поколениями. Садовничий характеризует автора (кем бы он ни был) как пророка и учителя, задача которого состоит в создании универсального нравственного урока, извлеченного из конкретного исторического события.

Особенность подхода математика проявляется в его внимании к композиционной и числовой гармонии текста, которую он ощущает как проявление высшего порядка, противостоящего хаосу междоусобиц. Образы природы в «Слове», как подчеркивает Садовничий, подчиняются некоему внутреннему закону. Солнце, тьмой заступающее путь войску Игоря, стонущая земля, погасшие звезды – все это Садовничий интерпретирует как нарушение космической гармонии, вызванное человеческим своеволием. И наоборот, молитвенный плач Ярославны, обращенный к ветру, Днепру и солнцу, для него – попытка восстановить эту нарушенную связь человека и мира. И в этом проявляется глубинное, почти физическое ощущение сопричастности всего сущего, которое автор «Слова» сумел выразить с необычайной силой.

В своей брошюре Садовничий затрагивает и проблему авторства, уделяя особое внимание «крамольной мысли», что создателем текста могла быть женщина. Он связывает эту гипотезу с необычайной психологической достоверностью образа Ярославны, а также с той лирической интонацией, которая пронизывает многие фрагменты повествования: «Кто, как не женщина, мог так точно описать подлинные переживания, метания и страдания женской души и сердца? Если еще и обратить внимание на то, что военные действия описаны как-то больше схематично, без детализации, это тоже укрепляет меня в моем мнении» [3, с. 6]. Даже если автор и был мужчиной, заключает Садовничий, ему удалось достичь в изображении женского переживания той высоты, которая подвластна только подлинному художнику, способному к полному перевоплощению. Эту проблему исследователь связывает с вопросом о подлинности памятника: личностно окрашенное высказывание, «Слово», невозможно представить как позднейшую стилизацию (XVIII в.), поскольку фальсификатор не смог бы воспроизвести подобную меру эмоциональной и духовной вовлеченности.

Садовничий не ограничивается историко-литературным анализом, он проводит параллель между XII в. и современностью. Древнерусский текст в наши дни звучит как предостережение, адресованное последующим поколениям. Междоусобицы, показанные на примере похода Игоря, ведут к поражению и разорению земли – этот вывод актуален для любой эпохи, когда государство ослаблено внутренними конфликтами – и в этом, по мысли исследователя, заключается непреходящее значение древнерусского текста: он говорит не о прошлом, а о том, что повторяется в настоящем: «Мысль о единении русских против общих врагов – является главной мыслью произведения <…> Это не описание ура-патриотизма, это не лозунг о любви к Родине, здесь всё

как бы скрыто за широкими реальными внешними событиями истории, как бы потаённо, как это было принято в русской литературе, но при этом не отпускает с первой строки до последней» [3, с. 4]. Патриотизм, осознанная ответственность и деятельная любовь к Отечеству составляют, по мнению ученого, содержательный стержень «Слова», благодаря чему текст остаётся востребованным при обсуждении современных политических проблем.

Ценность работы Садовничего заключается в сознательном выборе позиции заинтересованного читателя, для которого «Слово о полку Игореве» связано с малой родиной и с современной политической ситуацией. Не претендуя на исчерпывающий анализ, ученый подытоживает: актуальность и значимость для современного читателя «Слова» объясняются способностью находить в тексте параллели между описанной ситуацией и вызовами нашего времени: «Только гениальные тексты порождают многомерность восприятия. Русская литература именно такова. Русская земля родила “Слово”. А слово, как известно, было в начале» [3, с. 18].

Список цитируемой литературы:

1. Зализняк, А.А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста / А.А. Зализняк. – 3-е изд., доп. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. – 480 с.

2. Лихачев, Д.С. Избранное: Великое наследие. Заметки о русском / Д.С. Лихачев. – СПб: Издательство «Logos», 1998. – 560 с.

3. Садовничий, В.А. Размышления математика о памятнике древнерусской литературы / В.А. Садовничий. – М.: Изд-во МГУ. – 2019. – 19 с.

4. Слово о полку Игореве / [вступит. ст., ред. текста, дословный и объяснит. перевод с древнерус., прим. Д.С. Лихачева]. – М.: Детская литература – 1972. – 219 с.

5. Шуклова, Л.Г. «Слово о полку Игореве»: взгляд из настоящего / Л.Г. Шуклова // Третьи Щеулинские чтения. – Липецк: ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского. – 2023. – С.209–212.

Юхименко Н.В., канд. пед. наук
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
г. Москва, Россия

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА АРХЕТИПОВ ТВОРЧЕСТВА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И МИФОЛОГЕМ ДРЕВНЕКИТАЙСКОЙ ТРАДИЦИИ

Аннотация

В статье проводится исследование мифопоэтических мотивов сыновнего долга в творчестве Ф.М. Достоевского. Осуществляется сопоставительный анализ данных мотивов с конфуцианской категорией сыновней почтительности *сяо*. В ходе анализа выявлены архетипические параллели, обоснован лингводидактический потенциал использования общих культурных концептов как средства повышения мотивации китайских студентов и реализации принципа диалога культур в практике преподавания русского языка как иностранного.

Ключевые слова: архетип; мифологема; межкультурный диалог; сопоставительный анализ; методика преподавания русского языка как иностранного.

В основе изображения семейных отношений в произведениях Ф.М. Достоевского можно наблюдать мифопоэтические мотивы. Как отмечает О.С. Кулибанова, творчество писателя в целом характеризуется наличием универсальной мифологической составляющей, уподоблением художественной структуры организационной модели мифа [4, с. 109]. Необходимость выявления культурно-мотивационной опоры при изучении русского языка как иностранного является причиной исследовательского интереса к сопоставлению мифологем классической русской литературы и древнекитайской традиции. Поиск архетипических параллелей между ними может способствовать развитию межкультурного диалога на занятиях по русскому языку как иностранному, укреплению интереса к русской литературе в среде изучающих русский язык.

Преемственность поколений в творчестве Ф.М. Достоевского является фундаментальной ценностью, воплощаемой в мифологеме «отчего дома», а также в архетипах идеального дома, семьи, родителей, являющихся компонентами мифа детства [1, с. 41]. Родители обладают авторитетом, выступают в роли нравственного ориентира, таковым, например, является образ матери для главного героя романа «Преступление и наказание». В древнекитайской мифологии аналогичной ми-

фологемой выступает культ предков, который, будучи краеугольным камнем системы космической гармонии, определяет общественный порядок. Так, в «Лунь юе» категория сыновней почтительности *сяо ти* имеет толкование «корни гуманности (*жэнь*) и гарант соблюдения общественных установлений, основа управления» [6]. В произведениях Ф.М. Достоевского разрушение родовой преемственности рассматривается как признак вторжения хаоса в человеческий мир, что коррелирует с конфуцианскими представлениями о гармонии.

Ономастический анализ имен литературных героев Ф.М. Достоевского также демонстрирует символическую интерпретацию семейных отношений, в которых сын выступает в роли хранителя родовых традиций. Так, в звучании имени «Родион» «с точки зрения носителя русского языка можно выделить квазикорень *род*» [7, с. 188], что ведёт читателя к идее наследственной ответственности, перекликаясь с древнекитайскими представлениями о нерасторжимости сыновнего долга. Вероятно, с точки зрения конфуцианской этики Родион Раскольников является не просто непочтительным сыном, но и разрушителем миропорядка, подрывающим основу взаимоотношений между сыном и матерью, старшими в роду. Стоит обратиться к сборнику рассказов «Эр-ши-сы-сяо» («Двадцать четыре образца сыновьей почтительности»), являющемуся основой традиционного воспитания. В рассказе о Цзэн Шэне повествуется о сыне, который ощутил боль в сердце, когда во время своего отсутствия почувствовал, что с матерью, оставшейся дома, что-то не так, хотя она всего лишь повредила палец. Подобные нерушимые узы можно наблюдать и в романе «Преступление и наказание», но, в отличие от китайского рассказа, бóльшая чувствительность присуща архетипу матери, которая погибает в финале романа, не выдержав испытаний, выпавших на долю её сына.

Нарушение или невыполнение сыновнего долга в произведениях русского писателя не только демонстрирует хаотизацию окружающего героев мира, но и показывает психологическую трансформацию, душевный надлом самих героев. Анализируя родительские архетипы в романе «Подросток», Е.А. Иванова отмечает, что «раздвоение образа отца, вызванное наличием двух отцов у главного героя, усиливает лейтмотив нестабильности, которой страдают герои произведения» [3, с. 404]. Подобные внутренние противоречия противопоставлены конфуцианскому императиву всестороннего и непрерывного служения родителям, где малейшее отступление от *ли* (ритуала) воспринимается как угроза миропорядку.

Выявленные типологические параллели представляют собой лишь небольшую часть всех возможных сопоставлений культурных

концептов произведений Ф.М. Достоевского и китайской мифопоэтики. Подобный материал обладает большим лингводидактическим потенциалом, так как, согласно исследованиям, «ключевым фактором результативности восприятия русского языка студентами-китайцами является мотивация изучения культуры страны» [2, с. 139]. Опора на общие культурные концепты способна повысить мотивацию к изучению иностранного языка, так как студент, обнаруживая культурное сходство, видит в языке не чужеродную стихию, а знакомую с детства архетипическую структурную систему, находящую языковое выражение в иных грамматических средствах.

Творчество Ф.М. Достоевского предоставляет уникальный с точки зрения межкультурного диалога учебный материал. С одной стороны, знаменитые романы репрезентируют русскую национальную картину мира во всей её философской глубине. С другой стороны, произведения русского писателя содержат мотивы, типологически сближающиеся с традиционной китайской этико-философской системой конфуцианства. Поскольку «обучение культуре страны изучаемого языка целесообразно базировать на сравнительно-сопоставительном анализе с родной культурой обучаемых» [5, 125], целесообразно использовать этот материал в обучении русскому языку как иностранному.

Конкретные методические приёмы могут быть реализованы посредством сопоставительного анализа образа «блудного сына» в романах Ф.М. Достоевского и аналогичных сюжетов китайской литературы, а также в ходе обсуждения категории сыновней почтительности в конфуцианстве и её трансформации в художественном мире писателя. В педагогический инструментарий может быть включена работа с безэквивалентной лексикой, отражающей реалии русской семейной культуры, через призму китайских соответствий, проектная деятельность, направленная на выявление универсальных и национально-специфических черт в осмыслении долга детей перед родителями.

Преодоление межкультурного барьера через обращение к глубинному архетипическому базису представляет собой медиативную работу преподавателя иностранного языка по устранению культурных лакун. Опора на типологические параллели между русской и китайской культурными традициями, выраженными в литературных произведениях и мифопоэтических представлениях, способна повысить мотивацию китайских студентов к изучению русского языка, облегчить преодоление культурных лакун и сформировать более глубокое понимание как русской литературы, так и собственной культурной идентичности. В условиях интенсификации российско-китайского образовательного сотрудничества подобные педагогические инструменты,

сочетающие сопоставительный культурный анализ с традиционными методическими приёмами, представляются частью перспективной, с точки зрения дальнейшего изучения, области методики преподавания русского языка как иностранного.

Список цитируемой литературы:

1. Бабук, А.В. Трансформация мифа детства в творчестве Ф.М. Достоевского: феноменологический аспект / А.В. Бабук // Уральский филологический вестник. Серия: Драфт: молодая наука. – 2014. – № 5. – С. 35–43.

2. Барашян, В.К. Культурно-просветительские мероприятия в рамках учебной программы РКИ для студентов неязыковых специальностей в Китае и в России / В.К. Барашян, А.П. Кононенко // Вестник Томского государственного педагогического университета (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). – 2026. – Вып. 1 (243). – С. 139–148.

3. Иванова, Е.А. Родительские архетипы в романе Ф.М. Достоевского «Подросток» / Е.А. Иванова // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 2 (75). – С. 403–406.

4. Кулибанова, О.С. Миф как способ художественной организации произведений Ф.М. Достоевского / О.С. Кулибанова // Вестник Вятского государственного университета. – 2009. – № 2 (4). – С. 108–111.

5. Ло, С. Использование родной культуры в обучении русскому языку китайских студентов / С. Ло // Научно-педагогическое обозрение (Pedagogical Review). – 2017. – Вып. 2 (16). – С. 125–130. – DOI: 10.23951/2307-6127-2017-2-125-130.

6. Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс] / Институт философии РАН. – URL: https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH754aa05845963363080a75?ysclid=mpejett7r6907438765 (дата обращения: 15.05.2026).

7. Титов, О.А. Родион Романович Раскольников: семантическая «многослойность» имени героя Ф.М. Достоевского и лингвистические средства её создания / О.А. Титов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 7–2 (61). – С. 187–190.

РАЗДЕЛ 3

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК НАСЛЕДИЕ СВЯТЫХ РАВНОАПОСТОЛЬНЫХ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ: К 225-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В.И. ДАЛЯ. ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Богословская Н.А., преподаватель, аспирант
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»
г. Липецк, Россия

ОБРАЗ АФРИКИ В «ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА» В.И. ДАЛЯ

Аннотация

В статье анализируются репрезентанты образа Африки в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля. Рассматриваются африканизмы, обозначающие растительный и животный мир Африки (*баобаб, гну, зебра*), аллоэтнонимы (*арап, негр, мурин*) и другие лексемы, репрезентирующие образ Африки в сознании носителей русского языка. На основе проанализированного материала делается вывод о степени осведомленности носителей русского языка XIX века с образом Африки.

Ключевые слова: Африка; африканизмы; аллоэтнонимы; топонимы; лингвокультура; словарь В.И. Даля.

В современной лингвистике значительное внимание уделяется исследованию того, как различные топонимы (в том числе и макротопонимы, гипертопонимы), обозначающие как российские, так и зарубежные географические объекты, отражаются в русском языковом сознании. Большое количество научных работ посвящено таким городам, как Москва, Петербург, а также провинциальным городам России, таким как Пермь, Липецк, Воронеж, Тула и др. Кроме того, в научной литературе часто рассматриваются крупнейшие культурные центры Европы, такие как Венеция, Лондон, Париж, Прага, Рим, Флоренция и др.

В данной работе мы сосредоточимся на образе Африки в русской лингвокультуре. Во многих научных исследованиях анализируются особенности восприятия этого континента в сознании носителей русского

языка. В качестве материала рассматриваются фразеологизмы и устойчивые выражения (например, «…и в Африке…», а также выражения, связанные с Египтом: «египетская тьма», «египетский плен», «египетский труд», «египетские казни», «египетский суд» и другие), произведения русской литературы, данные ассоциативных экспериментов [9]. Ученые исследуют образ Африки в творчестве А.С. Пушкина [10], в дневниковых записях И.А. Бунина и Н.С. Гумилева [2], в дискурсе К.Д. Ушинского [1], а также рассматривают репрезентанты концепта «Африка» по данным лингвистических словарей русского языка [3]. Также изучается отражение ономастического пространства Африки в русской лингвокультуре: прецедентный гидроним *Нил* [6], прецедентные имена *Клеопатра* и *Нефертити* [8] и др.

Образ Африки формируется в сознании русского народа во многом с помощью текстового материала, в котором отражена информация о быте и культуре народов Африки, природе Африканского континента, в частности, в различных лексикографических изданиях, фиксирующих африканизмы, аллоэтнонимы и другие единицы языка, семантически связанные с данным образом. Африканизмы – это заимствования из африканских языков, т.е. лексические средства языка, обладающие определенной спецификой. В число африканизмов входит безэквивалентная лексика, фразеологизмы, экзотизмы, имена собственные. Аллоэтнонимы – это специальный термин, использующийся для обозначения чужих этносов, взаимодействовавших в разные исторические периоды с русским народом. В своей работе мы более подробно рассмотрим репрезентанты образа Африки в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля.

Все африканизмы, встретившиеся в словаре В.И. Даля, можно разделить на две основные группы: названия растений и названия животных. В.И. Даль в своем словаре при толковании значений большинства африканизмов, так же, как и авторы современных словарей, использует семы “Африка” или “африканский”: «Баобаб м. африканское дерево Adansoniadigitata, из всех дерев самое огромное, по толщине пня и объему ветвей и листвы» [4, т. 1, с. 46]; «Гну нескл. Африканское животное, с конским станом, гривой и хвостом, с бычьей головою, буйволиными (развалистыми) рогами и оленьими ногами; из рода сайгак, Antilope Gnu» [4, т. 1, с. 361]; «Зебра ж. вид животного из рода лошадей, в южн. Африке; полосатая поперек, тигровая» [4, т. 1, с. 676].

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля встречаются и названия других африканских животных, также создающих образ Африки в сознании носителей русского языка. Например, лексема «гиппопотам» имеет следующую словарную статью: «Гипопо-

там м. неуклюжее африканское животное, из разряда толстокожих, схожее со слоном и носорогом, Hyppopotamus» [4, т. 1, с. 351]. Примечательно, что данная лексема толкуется через названия других животных – слона и носорога, что позволяет сделать вывод о том, что эти представители животного мира Африки были более известны носителям русского языка в тот период. Для сравнения приведем и толкование лексемы «бегемот»: «большое, неуклюжее животное, гипопотам <…> живущее в болотах жарких стран; болотная корова» [4, т. 1, с. 57]. Интересным является сравнение внешнего облика бегемота с коровой – животным, хорошо знакомым русским людям. Несмотря на то что слова *бегемот* и *гиппопотам* в русском языке являются абсолютными синонимами, В.И. Даль описывает их через сравнение с разными животными (слоном и носорогом – *гиппопотам* и коровой – *бегемот*), что свидетельствует, скорее всего, о том, что облик этого представителя африканской фауны воспринимался по-разному. В составе значения лексемы «лев» также находим сему “Африка”: «хищный зверь знойной Африки и Азии, рода кошек, именуемый царем зверей» [4, т. 2, с. 242]. Та же лексема присутствует и в словарной дефиниции слова «орангутанг»: «одна из самых больших человекообразных обезьян Африки и Индийских островов» [4, т. 2, с. 689].

Лексема «алоэ» в «Толковом словаре живого великорусского языка» представлена следующим образом: «Алое ср. *алой*. африк. раст. Aloe, сабур. *Алойный*, сабуровый и сабурный, из него добытый или к нему относящийся. *Алойное-дерево*, Agallocha из семьи молочаев; душистое, при сожжении пахнет росным ладаном» [4, т. 1, с. 12].

Присутствуют в толковом словаре В.И. Даля и лексемы, связанные с образом Африки, в составе дефиниций которых нет семы “Африка” или “африканский”. Однако, несмотря на это, данные слова также позволяют составить целостное представление об образе этого континента в «Толковом словаре живого великорусского языка»: «Банан м. дерево и плод адамова-смоква» [4, т. 1, с. 44]; «Жираф м. гираф, двукопытное животное Camelopardalis, с низким задом и несообразно долгою шеей» [4, т. 2, с. 549]; «Крокодил. м. зубастое, болотное животное <…> род огромной ящерицы» [4, т. 2, с. 197]; «Леопард. м. хищный зверь из кошачьего рода» [4, т. 2, с. 248].

В словаре находим и лексему «пирамида»: «остряк, островерхое тело на широкой подошве, с откосыми боками; как бы граненная сахарная голова» [4, т. 3, с. 111]. Семантика, связывающая это слово с образом Африки, прослеживается только в словосочетаниях, включенных в эту словарную статью в качестве иллюстративного материала: «*Египетские пирамиды четыреугольныя. Пирамидный вход, у египтян,*

вел к могиле или ко гробу» [4, т. 3, с. 111], что свидетельствует о том, что русский народ знал о существовании знаменитых египетских пирамид, находящихся в Африке. С помощью прилагательного «египетский» раскрывается и прямое значение лексемы «фараон»: «1) египетский царь; 2) простонар. прозв. полицейский, городовой» [5, т. 4, стб. 1132]. Слово «фараон» включил в третье издание словаря В. Даля его редактор И.А. Бодуэн де Куртенэ.

Для обозначения народов, проживающих на Африканском континенте, представители русской лингвокультуры использовали такие аллоэтнонимы, как: *мурин, арап, африканец, негр*. Следует отметить, что аллоэтнонимы *мурин* и *арап* теперь устарели, они не употребляются в речи современных носителей языка, в то время как *африканец* и *негр* относятся к активному запасу языка.

«Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля дает такую дефиницию для слова *арап*: «по природе, по племени чернокожий, чернотелый человек жарких стран, особ. Африки; мурин, негр» [4, т. 1, с. 21]. У этого слова отмечено и переносное значение: «При Дворе, это должность, занимаемая иногда и белым служителем: придверник, припорожник» [4, т. 1, с. 21]. В словарной статье есть примечание: «Арапа нельзя смешивать с арабом, аравитянином, как и производные: *арапский, арабский*» [4, т. 1, с. 21]. Исходя из этого, анализируемые лексемы совершенно не идентичны и поэтому используются для обозначения разных народов в русском языке XIX века. Так, в произведениях А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова слово *араб* использовано в значении «житель или уроженец Аравии, аравитянин» [11, с. 27]: *«И, стан худощавый к луке наклоня, / Араб горячил вороного коня»* (М.Ю. Лермонтов. «Три пальмы») [7, с. 455]. В толковом словаре В.И. Даля и в последующих лексикографических изданиях подобного типа слова *арап* и *араб* имеют разные дефиниции. С точки зрения этимологии эти слова родственные [13, с. 24].

В Словаре Даля присутствует и слово *негр*, посредством которого объясняется лексема *арап*: «Негр м. негритя́нка ж. чернотелый человек, арап, мурин, особ. уроженец знойной Африки. Негре́нок, ребенок этой породы, арапченок. Негритя́нские обычаи, нравы» [4, т. 2, с. 510]. По приведенной выше словарной статье видно, что слово *негр* не имеет такого количества значений и производных, как слово *арап*. Причиной является этимология: *арап* – собственно русское слово (переоформленный грецизм *араб*; «греч. araps, arabos восходит к арабск. arab, что буквально значит “ясно говорящий”» [13, с. 24]), которое было известно в русском языке с XVI в.; *негр* – заимствованное слово, которое появилось в русском языке позже слова *арап* в результате за-

имствования в XIX в. из французского языка, где «nègre восходит к лат. niger – “черный”» [13, с. 218].

В Словаре Даля присутствует и статья «мурин»: «Му́рин м. арап, негр, чернокожий» [4, т. 2, с. 367]. Это заимствование из древневерхненемецкого языка môr «мавр», которое восходит к лат. maurus [12, с. 13], имеет более древнее происхождение, чем слова *арап* и *негр*. Лексему *мурин* можно обнаружить и в древнерусских текстах, но употреблялось это слово не слишком часто, поскольку имело иноязычный облик.

Аллоэтнонимы *арап, негр, мурин* – это синонимы, значения каждого из которых Даль объясняет через другую систему ряда. При этом самой древней является лексема *мурин*, которая так же, как и *арап*, относится к пассивному запасу русского языка, в то время как слово *негр* используется в речи современных носителей русского языка.

Таким образом, в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля образ Африки представлен посредством толкования лексем, обозначающих объекты животного и растительного мира, а также лексемами, используемыми для обозначения народов, проживающих на данной территории (этнонимами). Специфика дефиниций словарных статей обусловлена тем, что в XIX веке об Африке имели представление лишь немногие носители русского языка. В целом образ Африки в русской лингвокультуре обращает на себя внимание многогранностью и малой изученностью, что оставляет широкое поле для дальнейших исследований в данной области на основе различного языкового материала.

Список цитируемой литературы:

1. Богословская, Н.А. Межкультурный диалог России и Африки в дискурсе К.Д. Ушинского / Н.А. Богословская, Е.А. Попова // Педагогические идеи К.Д. Ушинского в контексте современного образования: Сборник научных статей по материалам Всероссийской очной научно-практической конференции с международным участием, посвященной наследию великого русского ученого и педагога К.Д. Ушинского, 14 марта 2024 г. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2024. – С. 92–97.

2. Богословская, Н.А. Образ Африки в дневниковых записях И.А. Бунина и Н.С. Гумилева / Н.А. Богословская // INITIUM. Художественная литература: опыт современного прочтения: Сборник статей молодых ученых. – Екатеринбург: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2024. – С. 96–99.

3. Богословская, Н.А. Репрезентанты концепта «Африка» по данным лингвистических словарей русского языка / Н.А. Богословская // Школа молодых ученых по проблемам гуманитарных наук: Сборник

материалов областного профильного семинара, Елец, 14 июня 2024 года. – Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2024. – С. 3–8.

4. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4 / В. Даль. – Москва: Русский язык, 1989–1991.

5. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка / Соч. В. Даля. Третье, испр. и знач. доп. издание под ред. проф. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т. 1–4. – Санкт-Петербург; Москва: т-во М.О. Вольф, 1903–1909.

6. Лабан, М.Л.Ю. Прецедентный гидроним «Нил» в русской лингвокультуре / М.Л.Ю. Лабан, Е.А. Попова // Международный студенческий форум «Наука без границ», посвященный 80-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (Воронеж, 15–16 мая 2025 г.). Материалы и доклады. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2025. – С. 20–25.

7. Лермонтов, М.Ю. Собрание сочинений в 4 т. Т. 1. / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Изд-во АН СССР, 1958. – 755 с.

8. Попова, Е.А. Африканские антропонимы в русской лингвокультуре / Е.А. Попова Е.А., М.Л.Ю. Лабан // Ономастический вестник. – 2025. №3(3). – С. 111–116.

9. Попова, Е.А. Образ Африки в русской лингвокультуре / Е.А. Попова, О.С. Шурупова // Новый филологический вестник. – 2022. – №4 (63). – С. 357–367.

10. Попова, Е.А. «Под небом Африки моей...»: Африканский текст А.С. Пушкина / Е.А. Попова, Н.А. Богословская // «Борис Годунов» А.С. Пушкина в контексте духовной традиции: проблемы восприятия и понимания: Материалы Всероссийской научной конференции, Липецк, 16–17 апреля 2025 года. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2025. – С. 123–128.

11. Словарь языка Пушкина: в 4 т. / Отв. ред. акад. АН СССР В. В. Виноградов. – 2-е изд., доп. Т. 1. – Москва: Азбуковник, 2000. – 982 с.

12. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 3 / М. Фасмер. – Москва: Прогресс, 1987. – 832 с.

13. Шанский, Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская. – Москва: Учпедгиз, 1961. – 403 с.

Гончарова Т.В., канд. филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»
г. Липецк, Россия

ПЕРСОНОСФЕРА РУССКОГО ПРАВОСЛАВИЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Аннотация

В статье рассматривается роль выдающихся русских книжников в формировании русского литературного языка, обращается внимание не только на языковые особенности их произведений, определивших перспективу развития русского языка, но и на идейно-художественные особенности, а также на то, что это были люди высокого нравственного чувства, защитники единства православной церкви, «врачеватели души», творчество которых направлено на исправление человека во имя добра, правды, справедливости, чему в полной мере служит и вся последующая русская литература.

Ключевые слова: Православие; православные святые-книжники Кирилл и Мефодий, митрополит Илларион, Феодосий Печерский, Кирилл Туровский; история русского литературного языка; языковое и идейное-художественное своеобразие произведений древнерусских книжников.

Г.П. Федотов, русский религиозный мыслитель, философ, автор работ по русскому религиозному сознанию, во введении к своей книге «Святые Древней Руси», вышедшей в Париже в 1931 г., пишет: «Изучение русской святости в ее истории и ее религиозной феноменологии является сейчас одной из насущных задач нашего христианского и национального возрождения. В русских святых мы чтим не только небесных покровителей святой и грешной России: в них мы ищем откровения нашего собственного духовного пути» [11].

Применительно к нашей теме необходимо добавить, что святые русской земли оставили духовное наследие, которое стало важнейшим этапом на пути формирования русского литературного языка.

Создав первую славянскую азбуку, равноапостольные Кирилл и Мефодий положили начало письменной истории славян, которая неразрывно связана со старославянским языком. «Это был язык богословия, молитвословия, славословия… Старославянский язык – это словесная икона, символ встречи Бога и человека» [5, с. 63]. Однако, как отмечают историки языка, только русский литературный язык, в

отличие от других славянских языков, сохранил «преемство» со старославянским языком, что и обеспечило ему целый ряд преимуществ. См. об этом: [1, с. 121–122].

Придя на русскую почву в эпоху принятия христианства, старославянский язык вступил во взаимодействие с живой разговорной речью восточных славян и, с одной стороны, лег в основу церковнославянского языка, а с другой – по терминологии В.В. Виноградова, книжно-славянского типа древнерусского литературного языка. Подчеркивая значение старославянского языка для духовной жизни Древней Руси, историк русской церкви А.В. Карташев отмечал: «Св. Владимир, когда вводил на Руси христианство, то вместе с переменой веры более всего заботился о превращении своего народа в просвещенную культурную нацию по подобию Византии» [6, с. 254–255].

Однако осознавая и принимая факт выдающейся роли старославянского языка в приобщении, в том числе и восточных славян, к высокоразвитой культуре Византии, зная, что почти все произведения в Киевской Руси были переводными (по подсчетам академика А.И. Соболевского около 99%) [5, с. 67], тем не менее историки языка считают, что даже переводы текстов Св. Писания, выполненные русскими книжниками, принадлежат русскому литературному языку и русский язык постепенно «становился языком христианского благовестия» [5, с. 68]: «Все переведенное и написанное в Древней Руси русскими книжниками было написано на русском языке, родном языке авторов и переводчиков. В этом смысле древнерусский литературный язык мог иметь и действительно имел только русскую основу» [2, с. 79].

Соглашаясь с определенным «ученичеством» Древней Руси, с тем, что древнерусские книжники, создавая свои произведения, следовали традициям византийской и болгарской литературы, выдающийся славист Н.С. Трубецкой справедливо отмечает, что «унаследованные Россией традиции только тогда становились русскими, когда сопрягались с Православием» [10, с. 134]. И в этом смысле история русского литературного языка – неоспоримое доказательство этого утверждения.

Но прежде чем перейти к персоносфере Русского Православия, необходимо вспомнить о святых равноапостольных Кирилле и Мефодии, которые причислены к лику святых и католиками (Кирилл сразу после смерти в 869 г. «как местночтимый святой», а с 1880 г. оба брата стали «общечтимыми католическими святыми»), и православными (в России официально – в 1863 г. установлено торжественное празднование памяти святых, хотя чествуются они, начиная с XI в.), при этом следует подчеркнуть, что христианское подвижничество славянских

первоучителей определило культурную и духовную судьбу прежде всего русского народа.

Однако, как считает А.И. Камчатнов, Кирилл и Мефодий, положив начало литературному употреблению языка, еще не создали литературный язык, который, как известно, не создается в одном единственном жанре только одним-двумя поколениями книжников: для этого необходима длительная письменная традиция [5, с. 19–20]. (Ср. противоположное мнение Е.М. Верещагина: [1, с. 306]).

Но для нас важнее всего то, что лишь несколько десятилетий спустя после принятия христианства на Руси начинают появляться оригинальные произведения высокой эстетической и художественной значимости, написанные на русском языке русскими авторами. Создателями этих произведений являются выдающиеся книжники, причисленные к лику святых в Православии, среди которых выделяется фигура митрополита Илариона.

О его жизни известно немного, главным образом, из написанного им самим «Исповедания веры». (См. об этом в [9]), где говорится о том, что Ярослав Мудрый поставил во главе киевской митрополии образованнейшего человека своего времени, истинного христианина, для которого «в христианской православной вере заключается земное и вечное спасение каждого отдельного человека и всего народа, вот почему религия, православное христианство для него, вне всякого сомнения, занимает в иерархии ценностей самое высокое место. На втором же месте – отечество, русский народ и государство, в котором этот народ обрел жизненную форму, – Киевская Русь» [9].

Как отмечают исследователи, тема «Слова» – тема равноправия народов, Иларион указывает, что Евангелием и крещением Бог все народы спас, и в то же время он прославляет русский народ среди народов всего мира, подчеркивая, что принятие христианства – это свободный выбор Руси, полемизируя с точкой зрения греков, приписывающих себе инициативу крещения «варварского» народа. Точность и ясность замысла представлена уже в самом названии: «О законе, данном Моисеем, и о благодати и истине, явленной Иисусом Христом, и как закон миновал, а благодать и истина наполнила всю землю, и вера распространилась во всех народах вплоть до нашего народа русского; и похвала великому князю нашему Владимиру, коим мы были крещены; и молитва к богу от всей земли нашей» [7, с. 43–44].

Эти мысли находят органическое развитие в его «Слове о законе и благодати», в котором Иларион, чувствуя неразрывную связь с русским народом, рассматривает факт крещения русского народа как продолжение и следствие исторических событий, и в его произведении

находят гармоническое сочетание богословские мысли и политические идеи. Это было в подлинном смысле слова новаторское произведение, которое наглядно продемонстрировало, что русский язык, используя греческие, старославянские и общеславянские слова, перерабатывая традиции византийского красноречия, способен стать языком богословия, торжественного красноречия, философствования, т.е. стать орудием духовной культуры. Не случайно современный исследователь А.М. Камчатнов, рассматривая жанровое своеобразие литературы Древней Руси, выделяет ***сакральный*** стиль древнерусского литературного языка [5, с. 57].

Следующая страница в истории русского красноречия связана с Феодосием Печерским, которого Г.П. Федотов назвал «отцом русского монашества» [11]. Исследователь подчеркивает, что он – второй канонизированный русский святой после Бориса и Глеба, в лице его «древняя Русь нашла свой идеал святого, которому оставалась верна много веков. <…> Все русские иноки – дети его, носящие на себе его фамильные черты. Впоследствии в русском иночестве возникнут новые направления духовной жизни, но никогда образ св. Феодосия не потускнеет» [11]. О его жизни и трудничестве мы узнаем из жития святого, написанного Нестором, в котором предстает «русский тип аскетической святости». Любимая характеристика святого, используемая Нестором: «Земной ангел и небесный человек», что, по мнению Г.П. Федотова, свидетельствует «об очеловечении, о гуманизации аскетического идеала … на Руси» [11]. В православной иконографии образ святого традиционно представлен со свитком с написанными на нем буквицами, что хоть и косвенно, но свидетельствует о его принадлежности к писательскому труду.

По свидетельству И.П. Еремина, литературное наследие Феодосия Печерского включает дошедшие до настоящего времени 11 произведений, среди которых два послания к князю Изяславу Ярославичу, восемь поучений и одна молитва [4, с. 159].

Так, «Послание» к великому князю Изяславу Ярославичу включает не только размышления о вере православной, но и пронизано призывами к справедливости и помощи ближнему. И самое главное – для этого произведения характерно высокое чувство патриотизма.

Известно, что его перу принадлежит известная не только на Руси, но и в других славянских странах молитва, которая помещена в древних Псалтырях под его именем – «За всея крестьяны».

Произведения Феодосия отличает простой язык, без лишних украшательств и витиеватости, но все они проникнуты теплым чувством заботы о ближних, непримиримостью к порокам: пьянству, стя-

жательству, проявлениям язычества. Конечно же, не обходится без назидательности, что естественно для произведений того времени.

Особую роль сыграл Феодосий Печерский в судьбе самого известного и знаменитого летописца Руси – Нестора. Именно преподобный сподобил этого монаха на создание летописного труда и стал для семнадцатилетнего юноши духовным наставником. Нестор в «Повести временных лет» приводит образцы его поучений, которые проникнуты стремлением соблюдать монастырский устав, но при этом, как видно из текста поучений, преподобный не любил прибегать к наказаниям и очень ценил искреннее раскаяние провинившихся. Нестор приводит факты его отношения к беглым монахам, подчеркивая его мягкость, милосердие, хотя при этом подчеркивает, что Феодосий очень дорожит монастырской дисциплиной.

В истории русского литературного языка особое место занимает творчество еще одного выдающегося древнерусского писателя – Кирилла Туровского, которого еще при жизни называли «златословесным»: «Златоуст, паче всех воссиявший нам на Руси» [3, с. 343–344]. Его мастерство торжественного красноречия, поэтическая образность произведений, умение доходчиво объяснять сложные отвлеченно-богословские и церковные понятия сделали его произведения любимым чтением для многих поколений русских людей.

Известно, что Кирилл родился в г. Турове, столице Турово-Пинского княжества (недалеко от современного Минска) в богатой и знатной семье. В его обучении принимали участие русские и греческие учителя. Избрав путь аскезы, Кирилл несколько лет проводит в монастыре и принимает монашество. Здесь же он начинает писать свои произведения. Вскоре он становится Туровским епископом.

По свидетельству И.П. Еремина, «несомненно подлинными произведениями Кирилла Туровского на данном этапе нашей науки могут быть признаны следующие: «Притча о душе и теле (слепце и хромце)», «Повесть о беспечном царе и его мудром советнике», «Сказание о черноризчестемь чину», речи, или слова, среди которых, по мнению И.П. Еремина, только восемь можно признать бесспорно подлинными [3, с. 350].

Большинство лингвистов, анализируя особенности произведений Туровского, обращают внимание на символический аллегоризм, синкретичную многозначность его произведений, особую метафоричность, образность, на то, что в его произведениях впервые наблюдается сближение двух стихий – старославянской и исконно русской, что, конечно же справедливо.

Однако в последние десятилетия появляются исследования, которые позволяют через обращение к «полемически-обличительным и нравственно-назидательным суждениям автора» [8] постичь его личность, его систему нравственных ценностей, что представляется интересным прежде всего и для нашей статьи. И в этом плане заслуживает внимания самая известная притча Туровского святителя – притча о душе и теле (слепце и хромце), написанная в 60-х годах XII в. Она, несомненно, затрагивает нравственно-богословские проблемы, но при этом связана с общественно-политической жизнью страны, самыми насущными и злободневными темами: «Это – обличительный памфлет, направленный Кириллом против его современников: Феодора епископа Ростовского и, очень возможно, князя Андрея Боголюбского; на первого в тексте притчи имеются прямые намеки» [3, с. 359].

О популярности этой притчи свидетельствует и тот факт, что в середине XVI в. в Новгороде была создана икона «Притча о слепце и хромце», литературной основой которой было произведение Кирилла Туровского. Сегодня она хранится в Государственном Русском музее Санкт-Петербурга. В центре иконы Христос – хозяин виноградника – берет в сторожа слепца и хромца, здесь же изображается сцена кражи в саду, когда слепец несет на себе хромца, обирающего плоды хозяйского сада, с последующим их изгнанием из виноградника. В верхней части иконы Иисус судит слепца и хромца, а в нижней изображается их наказание и мучение «во тьме кромешней».

По свидетельству В.В. Милькова, эта притча представляет собой не простой пересказ текста Священного Писания, а отсылает, прежде всего современников пастыря, к актуальным событиям того далекого времени, и с этой точки зрения перед нами предстает «оригинальная этическая концепция одного из авторитетнейших духовных лидеров той эпохи» [8]. В притче не обозначены конкретные имена, но современники легко угадывали за образами притчи имена реальных людей, представителей светской и духовной власти, а «в целом произведение осуждает ересь «самозваного епископа Федорца и поддерживавшего его Андрея Боголюбского», «выступивших как единомышленники» (”в сговоре друг с другом“) [8].

В основе притчи – конфликт Киева и нового общерусского центра во главе с Владимиром, где Боголюбский стремился ввести автокефалию (автокефалия – статус поместной церкви в православной церкви, при котором она административно независима от других поместных церквей. Слово *автокефалия* происходит от двух греческих слов «сам» и «голова» и переводится дословно как «самовозглавление», «самоуправление», «независимость»). Кстати, Андрей Боголюбский был

действительно хром, а слепота Федорца «символически знаменовала его духовную слепоту как ересиарха» [8].

Читая притчу, современники легко узнавали самозванца Федорца, который получил сан благодаря покровительству могущественного князя Андрея Боголюбского, но при этом они не могут обойтись друг без друга («сел Хромец на Слепца»). В соответствии с притчей, инициатором оказывается Слепец, который и убеждает хромого обокрасть виноградник, поэтому главным виновником церковной смуты Кирилл считал Федорца, хотя оба они нарушают Божии заповеди и заслуживают наказания, порицания, но князя автор только осуждает, призывая к благоразумию, а Федорец осуждается на изгнание без права прощения, за то, что без «разрешения вошел в освященное место». Далее Кирилл сравнивает Федорца с Каином, тем самым обличая греховный поступок и выстраивая таким образом библейские аналогии.

В результате притча оказывается «нравственным предостережением», «моральным поучением» для каждого человека, но особенно для тех, «кому он адресовал свой текст» [8].

В данной статье мы ограничим рассмотрение персоносферы русского Православия только древнерусским периодом, но даже такой небольшой экскурс в историю позволяет увидеть, что перед нами не только талантливые писатели, стоявшие у истоков русского литературного языка и русской литературы, но и люди высокого нравственного чувства, защитники единства православной церкви, «врачеватели души», творчество которых направлено на исправление человека во имя добра, правды, справедливости, чему в полной мере служит и вся последующая русская литература. Именно поэтому они перешагнули границы своей эпохи, указывая путь в будущее.

Список цитируемой литературы:

1. Верещагин, Е.М. Кирилл и Мефодий как создатели первого литературного языка славян / Е.М. Верещагин // Очерки истории культуры славян. – М., 1996. – С. 306–319.

2. Горшков, А.И. Теория и история русского литературного языка: Учеб. пособие по спец. «Русский язык и литература» / А.И. Горшков. – М.: Высш. шк., 1984. – 319 с.

3. Еремин, И.П. Литературное наследие Кирилла Туровского / И.П. Еремин // Труды Отдела древнерусской литературы: [т. 1–51] / Институт русской литературы (Ленинград). Отдел древнерусской литературы. – Ленинград: Изд-во АН СССР, 1934–1999. Т. XI. – 1955. – С. 342–367.

4. Еремин, И.П. Литературное наследие Феодосия Печерского / И.П. Еремин // Труды Отдела древнерусской литературы: [т. 1–51] / Институт русской литературы (Ленинград). Отдел древнерусской литературы. – Ленинград: Изд-во АН СССР, 1934–1999. Т. 5. – 1947. – С. 159–184.

5. Камчатнов, А.М. История русского литературного языка: XI – первая половина XIX века: Учеб. пособие для студентов вузов филол. фак. высш. пед. учеб. заведений / А.М. Камчатнов. – Москва: Издательский центр «Academia», 2005. – 688 с.

6. Карташев, А.В. Очерки по истории Русской Церкви: В 2-х т. [Электронный ресурс] / А.В. Карташёв. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2020. / Т. 1. – 566 с. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Anton_Kartashev/zavet-sv-kn-vladimira/ (дата обращения: 17.05.2026).

7. Лихачев, Д.С. Избранное: Великое наследие. Заметки о русском / Д.С. Лихачев. – СПб: Издательство «Logos», 1998. – 360 с.

8. Мильков, В.В. Идейное своеобразие религиозных и нравственных воззрений Кирилла Туровского [Электронный ресурс] / В.В. Мильков. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. Альманах, вып. 6 / Под ред. д. филос. н. В.В. Милькова и д.и.н. П.И. Гайденко. – СПб.; Казань, 2016. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ideynoe-svoeobrazie-religioznyh-i-nravstvennyh-vozzreniy-kirilla-turovskogo/viewer (дата обращения: 17.05.2026).

9. Мюллер, Людольф. Киевский митрополит Иларион: жизнь и творчество [Электронный ресурс]. – URL: // https://golubinski.ru/ecclesia/ilarion/muller_ilarion.htm (дата обращения: 17.05.2026).

10. Трубецкой, Н.С. Общеславянский элемент в русской культуре / Н.С. Трубецкой // Вопросы языкознания. – 1990. – №3. – С. 114–134.

11. Федотов, Г.П. Святые Древней Руси [Электронный ресурс] / Г.П. Федотов. Собрание сочинений: в 12 томах. – Т. 8. – Москва: Мартис, 2000. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Georgij_Fedotov/svjatye-drevnej-rusi/ (дата обращения: 17.05.2026).

Гончарова Т.В., канд. филол. наук, доцент
Фурсова А.А., студент
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»
г. Липецк, Россия

АНТРОПОНИМЫ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО КОДА

Аннотация

В статье рассмотрено функционирование антропонимов в составе русских фразеологизмов как культурно маркированных единиц. Анализируются источники имён собственных (исторические личности, агионимы, литературные персонажи) и закреплённые за народными именами стереотипные образы. Делается вывод об особенностях семантических преобразований онимов во фраземах, их роли в отражении национально-культурного кода и формировании ценностной картины мира.

Ключевые слова: антропоним; русские фразеологизмы; национально-культурная специфика; семантические преобразования; языковая картина мира.

В языкознании известны взгляды многих ученых, выдвигавших тезис о ключевой роли взаимодействия культуры и языка. Так, еще в XIX в. В. фон Гумбольдт и А.А. Потебня заложили фундаментальные основы изучения культурной природы языка, которые подтверждают его взаимосвязь с культурой. Изучая концепцию В. фон Гумбольдта, В.А. Маслова пишет, что его основные положения можно свести к следующему:

1) материальная и духовная культура воплощается в языке;

2) всякая культура национальна, ее национальный характер отражен в языке посредством особого видения мира: «…Разные языки – это не различные видения одного и того же предмета, а разные видения его» [4, с. 305];

3) языку присуща специфическая для каждого языка внутренняя форма, которая есть выражение «народного духа», его культурной компетенции [6, с. 237–238];

4) язык «есть опосредующее звено между человеком и окружающим миром» [6, с. 237–238].

Национальная культура и традиции находят отражение в разных языковых единицах, но прежде всего в пословицах, поговорках, фразеологизмах, и, конечно же, в именах собственных, антропонимах.

Национально-культурная специфика фразеологизмов заключается в том, что они отражают национальную культуру не расчлененно, а комплексно, идиоматичными значениями и своими прототипами – свободными словосочетаниями, которые описывали определенные обычаи, традиции, подробности быта и культуры, исторические события.

Изучение антропонимов в структуре фразеологизмов является особенно интересным, ведь «имя собственное как одна из универсалий культуры выполняет функцию хранения и трансляции традиций, истории, культуры народа, в силу чего является особым языковым знаком» [5, с. 4]. Исследование фразеологизмов с именем собственным даёт основание считать имена собственные хранителем культурных установок и стереотипов, передающихся от поколения к поколению [5, с. 4].

В составе фразеологии представлены имена из различных источников:

1. Реальные исторические личности. Их имена закрепились в языке в качестве компонентов устойчивых выражений, описывающих подлинные события или явления (например, *Мамаево побоище*).

2. Имена православных святых. Они входят в состав пословиц и поговорок, отражающих народную мудрость и верования (например, *Бог не убог, а Никола милостив; Вот тебе, бабушка, и Юрьев день*).

3. Персонажи литературных произведений. Имена вымышленных героев, ставшие нарицательными, породили крылатые выражения (например, *Тришкин кафтан, Демьянова уха* (отсылка к персонажам басен И.А. Крылова).

Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров отмечают, что «фразеологизмы, как слова, имеют непонятийные семантические доли, в который включается фразеологический фон» [3, с. 26].

Фоновая часть семантики фразеологизмов, как правило, содержит национально-культурный компонент. Фразеологизмы комплексно, расчлененно, своими прототипами отражают культурные ценности нации. Прототипы фразеологизмов содержат русские имена собственные, например: *по Сеньке и шапка, куда Макар телят не гонял, показать Кузькину мать, как Сидорову козу.*

Е.М. Верещагин пишет, что «имя собственное может быть действительно лишено лексического понятия, но его лексический фон оказывается обширным и качественно сложным» [2, с. 56]. Когда фразеологическая единица включает личное имя, она уже отражает определённую языковую культуру. Только русскому человеку понятны и близки поговорки с именами, которые воспринимаются как исконно русские:

Еремений, Ерема, Ермошка *(Ерема, Ерема, сидел бы ты дома да точил веретена; Ерема, сиди дома – погода худа; Всяк Еремений про себя разумей: когда сеять, когда жать, когда в скирды метать).*

В пословицах говорится о необходимости своевременности тех или иных действий.

В пословицах и поговорка имя *Фома* служит для указания на такие черты характера, как глупость, упрямство, рассеянность, лень:

Фома *(Горюет Фома, что пуста у него сума; Говорят про Фому, а он про Ерему; Ерема в воду, Фома ко дну: оба упрямы, со дна не бывали; Добро к Фоме пришло, да промеж рук ушло; Кому до чего, а Фоме до дуды; Люди как люди, а Фома как бес; Знают Фому и в рогожном ряду).*

За Макаром закрепился образ простака, он незнатен, послушен и любезен, а также безобиден и несчастлив:

Макар *(Макар да кошка – комар да мошка; Вчера Макар гряды копал, а нынче Макар в воеводы попал; На бедного Макара все шишки валятся – и с сосен, и с елок; Загонят туда, куда и Макар телят не гонял; Макару поклон, а Макар на семь сторон).*

При этом самым частотным именем в русском паремиологическом фонде является антропоним *Иван*, который иногда может иметь нейтральную коннотацию и обозначать просто русского человека.

Однако, по мнению Ю.А. Рылова, имя *Иван* может обозначать не только просто русского человека, а человека из простонародья, простака [7, с. 259]. При этом наблюдается определенная амбивалентность: антропоним Иван характеризирует как глупость (отсутствие знаний), так и мудрость (жизненную смекалку), о чем наглядно свидетельствуют следующие группы фразеологизмов:

1) Всякий чёрт Иван Иванович; Был у меня муж Иван – не приведи Бог и вам; Иванов, как грибов поганых; Крестил поп Иваном, да прозвали болваном; Без Ивашки не выпьешь бражки.

2) Велика Федора, да дура, а Иван мал, да удал; Иван пиво пьёт, а чёрт со стороны челом бьёт; В трёх братьях дураки – Иванушки; а одиночные – Емели да Афонии; Иванушка-дурачок, с виду простачок, а себе на уме.

Среди женских имен самыми распространенными являются:

Мария *(Марья-Марина – очи голубины; Иван Марье не товарищ, Иван Марье обычный друг);*

Варвара *(Бабушка Варвара на мир три года серчала, с тем и умерла, что мир не знал; Тетушка Варвара, меня матушка послала: дай сковороды да сковородничка, мучки да подмазочки; вода в печи, хочет блины печи);*

Маланья *(Наварила, ровно на Маланьину свадьбу; У Маланьи с маслом и оладьи).*

Русские фразеологизмы, имеющие в составе антропонимы, как культурно маркированные языковые единицы, играют особую роль в

формировании национальной языковой картины мира, отражают национально-культурный код. Благодаря антропонимической составляющей усиливается эмоционально-экспрессивная окраска фразеологизмов, их стилистическая направленность.

Н.Е. Сулименко отмечает, что «имена собственные являются доступом к культурным реалиям того или другого этноса, особенностям его ментальности, поскольку детальной лексической разработке в языке подвергаются те области знаний, которые наиболее актуальны для данной языковой среды» [8, с. 88]. Разнообразие экспрессивных имён в русском языке связывается с такой особенностью российской ментальности, как повышенная эмоциональность, необходимость дифференциации личных имён близких людей.

В семантике имён собственных отмечается значимость таких компонентов, как социально-локальный, национально-культурный, идеологически эмотивный и другие, связанные с переживаниями человека и его оценкой тех или иных предметов и ситуаций.

Н.Ф. Алефиренко в монографии «Поэтическая энергия слова» справедливо утверждает, что «каждый народ в своих традиционных именах собственных обычно ищет осмысление человеческой натуры, преобразуя тот или иной оним в символ» [1, с. 76]. Важным является и то, что социальная оценка имен перерастает в оценку человеческих качеств. Нельзя не согласиться с лингвистом, поскольку, анализируя фразеологизмы с именами собственными, можно заметить, что в компонентном составе фразем онимы подвергаются глубоким семантическим преобразованиям центробежного и центростремительного характера. Исследователь отмечает, что, «с одной стороны, онимы, обладая определёнными системообразующими свойствами, обусловливают формирование фразеологического значения, а с другой – сами испытывают воздействие обобщённо целостного значения фразем» [1, с. 77]. В силу такого двуединого процесса онимы в составе фразем полностью не десемантизируются, поскольку приобретают особую фразеообразовательную значимость, позволяющую им вступать в системно-семантические связи как с именами собственными, так и с именами нарицательными.

Поэтому важно выявлять стереотипы в системе ценностных ориентиров, так как они «составляют остров этнокультурного сознания, который формирует этнокультурную сущность личности, преемственность определённого типа поведения и деятельности» [1, с. 75]. Ведь живя так, человек не просто проживает биологические процессы, а формирует культурное пространство, совершенствуя единый мир ценностно-смысловых отношений.

Только в таком, ценностно-смысловом контексте, жизнь человека становится предметом культуры. А чтобы лучше узнать факты из истории нации и традиции народа, необходимо обратиться к ономастической фразеологии.

Список цитируемой литературы:

1. Алефиренко, Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергия языка, сознания и культуры / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Akademia, 2002. – 394 с.

2. Верещагин, Е.М. Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – Москва: Русский язык, 1980. – 320 с.

3. Верещагин, Е.М. Язык и культура: три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: «Индрик», 2005. – 1040 с.

4. Гумбольдт, Вильгельм фон. Язык и философия культуры: перевод с немецкого языка / Вильгельм фон Гумбольдт; сост., общ. ред. и вступ. ст. А. В. Гулыги, Г.В. Рамишвили. – Москва: Прогресс, 1985. – 451 с.

5. Кучешева, И.Л. Имена собственные как термины в подъязыке английской лингвокультуры: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук: специальность 10.02.04 «Германские языки» / И.Л. Кучешева [Омский государственный технический университет]. – Омск, 2012. – 20 с.

6. Маслова, В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Akademia», 2001. – 208 с.

7. Рылов, Ю.А. Имена собственные в европейских языках. Романская и русская антропонимика. Курс лекций по межкультурной коммуникации / Ю.А. Рылов. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2006. – 311 с.

8. Сулименко, Н.Е. Современный русский язык. Слово в курсе лексикологии: учебное пособие / Н.Е. Сулименко. – 2-е изд. – Москва: Флинта: Наука, 2008. – 352 с.

Гончарова Т.В., канд. филол. наук, доцент
Мельникова М.А., студент
Чекрыжова А.А., студент
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»
г. Липецк, Россия

М.Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН КАК ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ (К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Аннотация

В статье рассматривается явление прецедентности применительно к имени и творчеству М.Е. Салтыкова-Щедрина. На основе теоретических положений Ю.Н. Караулова, В.А. Масловой, Д.Б. Гудкова анализируются критерии отнесения имени писателя к прецедентным феноменам русской культуры. Выявляется роль текстов М.Е. Салтыкова-Щедрина как источников крылатых выражений и окказионализмов, вошедших в русский язык. Демонстрируется влияние творчества писателя на другие виды искусства (музыку, театр, кинематограф). Делается вывод о том, что имя М.Е. Салтыкова-Щедрина, его произведения и созданные им языковые единицы являются неотъемлемой частью русской персоносферы и национального культурного кода.

Ключевые слова: М.Е. Салтыков-Щедрин; прецедентное имя; прецедентный текст; языковая личность; крылатые выражения; окказионализм; русская культура.

2026 г. ознаменован двухсотлетним юбилеем М.Е. Салтыкова-Щедрина (1826–1889). Столь значимая дата обусловливает обращение к осмыслению творчества писателя с точки зрения его роли в формировании русской языковой личности и национальной картины мира. Вклад писателя в русскую культуру осознавался уже в XIX в. еще при его жизни: «А. Ухтомский называл его Сократом русской общественной мысли, Г. Успенский радетелем о русской земле, А. Островский – римским пророком, И. Сеченов – прокурором русской общественной жизни и защитником России от врагов внутренних…» [11].

Писатель русского Зарубежья А.М. Ремизов в свое время отмечал, что, «крылатые и меткие слова Салтыкова-Щедрина вошли в обиходную русскую речь подобно острословиям из “ Горя от ума” Грибоедова и “Ревизора” и “ Мертвых душ Гоголя”», подчеркивая, что имя писателя входит в русскую культуру, вставая «в ряд с первыми именами: Толстой и Достоевский» [10].

Это свидетельствует о том, что личность и творчество М.Е. Салтыкова-Щедрина могут быть осмыслены в рамках теории прецедентных феноменов.

Целью работы является обоснование правомерности отнесения имени М.Е. Салтыкова-Щедрина к прецедентным именам русской культуры.

Само понятие «прецедентный текст» было введено в научный обиход Ю.Н. Карауловым, определившим его как текст, «значимый для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющий сверхличностный характер, т.е. хорошо известный и широкому окружению данной личности, включая её предшественников и современников, и, наконец, такой, обращение к которому возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [6, с. 216]. В.А. Маслова уточняет, что «к прецедентным именам русской культуры относятся имена людей, роль которых чрезвычайно велика не только в русской, но и в общечеловеческой культуре», которые «оказали неизгладимое влияние на всемирный литературный процесс» [7, с. 52]. Д.Б. Гудков, в свою очередь, определяет прецедентное имя как «индивидуальное имя, связанное с широко известным текстом или с прецедентной ситуацией», представляющее собой «сложный знак, при употреблении которого происходит апелляция к набору дифференциальных признаков» [4, с. 87]. Среди ключевых критериев прецедентности – хрестоматийность, общеизвестность, способность порождать крылатые выражения и становиться источником для других видов искусства.

Все эти критерии в полной мере применимы к имени и творчеству М.Е. Салтыкова-Щедрина: произведения писателя изучаются в школьном курсе литературы, они многократно экранизировались и становились основой для театральных постановок (например, спектакль «Смерть Пазухина», 1981 г., и телеспектакль «Тени», 1991 г.). В 1965 г. вышел знаменитый мультфильм И.П. Иванова-Вано «Как один мужик двух генералов прокормил». Существует и музыкальное воплощение сатиры Щедрина – опера А. Пащенко «Помпадуры» (1939 г.), созданная по мотивам его произведений и поставленная в ленинградском Малом оперном театре. Кстати, сам писатель увлекался музыкой, особо выделяя оперы Дж. Россини, В. Беллини и Дж. Мейербера; в его сочинениях неоднократно упоминаются «Вильгельм Телль», «Норма» и «Гугеноты». (См. об этом подробнее: [2]).

В XXI в. его произведения также неоднократно интерпретировались театром: в 2010 г. в «Театре содружества актеров Таганки» вышел спектакль «Арена жизни» по произведениям Салтыкова (постановка Н. Губенко), в 2015 г. «Мастерская Петра Фоменко» поставила спек-

такль «Современная идиллия» (режиссер Е. Каменькович). (См. об этом: [13, с. 340]).

Творчество писателя, его личность вдохновляли и художников. Среди произведений изобразительного искусства выделяются работы Кукрыниксов (М.В. Куприянова, П.Н. Крылова, Н.А. Соколова), представляющие собой иллюстрации к «Истории одного города». К этому произведению обращался также известный художник А.Н. Самохвалов, получивший за серию иллюстраций к роману Гран-при на Международной выставке в Париже в 1937 году. К 190-летию сатирика современный художник Максим Наумов создал цикл произведений, связанных с творчеством Салтыкова-Щедрина, под названием «Салтыкиада», а к 200-летнему юбилею был создан анимационный сериал «Щедринки», в основу которого были также положены работы М. Наумова.

Перу выдающихся русских художников Ивана Николаевича Крамского, Николая Николаевича Ге и Николая Александровича Ярошенко принадлежат прижизненные портреты писателя, хранящиеся в Государственной Третьяковской галерее в Москве, Государственном Русском музее в Санкт-Петербурге и Мемориальном музее-усадьбе художника Николая Ярошенко в Кисловодске.

Скульптурные памятники работ известных скульпторов и архитекторов установлены в разных городах и других населенных пунктах России, связанных с деятельностью и творчеством сатирика: в Рязани, Твери, Кирове (Вятке) – в этих городах он занимал различные государственные должности, в поселке Лебяжьем (ныне это Ленинградская область, где одно время жил писатель), в г. Талдоме Московской области (писатель родился в селе Спас-Угол, которое находится на территории Талдомского муниципального округа). Примерно в 30 городах России, в том числе и в Липецке, есть улицы, которые носят имя выдающегося писателя.

Важнейшим свидетельством прецедентности являются созданные писателем крылатые выражения, окказионализмы и меткие слова, которые прочно вошли в русский язык и употребляются по сей день, часто утрачивая связь с первоисточником и функционируя как самостоятельные единицы. Так, в словаре «Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения» Н.С. и М.Г. Ашукиных приводится 47 крылатых выражений, источником которых являются произведения сатирика, среди которых такие, как *благонамеренные речи, премудрый пескарь, гнилой либерализм, помпадуры и помпадурши* и многие другие [1].

Так, в частности, слово *благоглупости,* вошедшее в литературную речь из «Невинных рассказов» (1865 г.) и «За рубежом» (1880 г.), употребляется в значении «пустяки, выдаваемые за серьезное дело, глупость, произносимая с важностью». Известный литературовед

В.В. Прозоров подчеркивает, что «благоглупости переходят из поколения в поколение, из века в век» [9], оставаясь созвучными новым временам. Именно эта семантика позволяет В.И. Ленину использовать данное слово в политическом памфлете: «...вместо общеевропейских идеалов сочиняют по многим весьма важным вопросам всякие самобытные благоглупости» [цит. по: 1].

Глупов и *глуповцы* – вымышленный город и его обитатели из «Истории одного города» (1869–1870 гг.), чьими отличительными чертами стали «лень, праздность, сплетни, клевета, взяточничество, низкопоклонство». Эти слова стали синонимами обывательщины, что подтверждается и использованием их у В. Маяковского: «Мало, што ли, помпадуров? Мало градов Глуповых?» [цит. по: 1]. Кстати, многие имена собственные из произведений писателя, благодаря яркости персонажей, обобщению в них типических очерт, стали нарицательными, характеризуя, высмеивая, обличая те или иные пороки: *Иудушка Головлев, Угрюм-Бурчеев, Балалайкин, Грустилов, Органчик.*

Выражение *мягкотелый интеллигент*, впервые употребленное в «Пошехонских рассказах» (1884 г.) для характеристики либеральной интеллигенции, отличавшейся слабоволием и бесхарактерностью, также стало крылатым. Широко известны и такие выражения, как *казенный пирог* (в значении «государственное имущество»), *капитал приобрести и невинность соблюсти*, *мужик, прокормивший двух генералов*, *пенкосниматель*, *головотяпы* и многие другие. Примечательно, что слово *головотяпы* было известно еще до Салтыкова-Щедрина, оно, по свидетельству Н.С. и М.Г. Ашукиных, встречается в «Пословицах русского народа В.И. Даля [1]. Но именно благодаря яркому образу из «Истории одного города», жители которого «тяпали головами обо все, что попадалось им на пути», слово вошло в русский язык применительно «к людям бестолковым, небрежно, халатно относящихся к какому-либо делу» [1]. Следует отметить, что Салтыков-Щедрин создал множество окказиональных слов, ставших частью русской культуры, обличающих обывателей, чиновников, подчеркивающих отсутствие моральных ориентиров: *административно-привлекательный, благопоспешительнейший, везде-первоприсутствие, единонаграждение, зубосокрушитель, злопыхательный, измалодушничаться, легкодумный, многомысленный, наипоспешнейший, самовосхищение, самонаслаждающийся, самонаушничество, торжественно-агонизирующий, халатный* (в значении «небрежный»). Так, тверские лингвисты создали информационно-поисковую систему «Словарь языка М.Е. Салтыкова-Щедрина», в которой представлено идеографическое описание 111 окказиональных слов Салтыкова-Щедрина [3, с. 122–129.].

Интересно, что писатель часто переводил латинские крылатые изречения на русский язык в собственной самобытной манере, создавая новые афоризмы. Так, знаменитое латинское изречение «Сказал – и облегчил душу» он перевел как «Сказал – и стошнило меня»; «Пусть консулы будут бдительны» – «Не зевай!», а «Подумай о последствиях» – «Уши выше лба не растут» [8]. Эти примеры наглядно демонстрируют, как прецедентный текст (в данном случае – латинская максима) трансформируется и становится достоянием другой лингвокультуры.

Таким образом, проведенное исследование позволяет заключить, что имя М.Е. Салтыкова-Щедрина в полной мере соответствует всем критериям прецедентности. Оно является важнейшей частью русской персоносферы, хрестоматийным и общеизвестным в национальном лингвокультурном сообществе. Порожденные им прецедентные тексты («История одного города», «Господа Головлевы», сказки) стали образцовыми текстами русской культуры, входящими в ядро национального культурного кода. Созданные писателем крылатые выражения и окказионализмы функционируют в современном русском языке, часто утратив связь с первоисточником, что является высшей степенью проявления прецедентности. Творчество Салтыкова-Щедрина служит неиссякаемым источником вдохновения для представителей других видов искусства, что подтверждает его непреходящую ценность.

Сатирическое наследие писателя, его язык и созданные им образы сохраняют свою актуальность и сегодня, что было неоднократно отмечено в год 200-летнего юбилея. Так, в статье Н.Е. Строгановой подчеркивается, что «в массовом обиходе он буквально фигурирует как автор острых афоризмов, созвучных современной действительности, и создатель хрестоматийных персонажей, актуализируемых нашим временем» [13, с. 336]. Также в данной публикации представлен богатый материал, демонстрирующий отсылки к произведениям сатирика в социальных сетях в связи с современными событиями и проблемами.

Именно поэтому можно с уверенностью утверждать: М.Е. Салтыков-Щедрин является одним из ключевых прецедентных имен русской культуры.

Ф.М. Достоевский в статье с очень злободневным названием: «Наказание без преступления. За что нам мстит Европа» сказал: «В осуждении зла всегда кроется любовь к добру» [5], которые в полной мере можно отнести к творчеству Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина, чья «писательская деятельность явилась показателем нравственного здоровья и неистощимых творческих сил русского народа» [14, с. 325.], любовью к которому пронизано все творчество писателя. В цикле очерков 1879–1880 гг. под названием «Убежище Монрепо» есть

фраза, которая очень часто цитируется: «Я люблю Россию до боли сердечной и даже не могу помыслить себя где-либо, кроме России». К сожалению, на этом цитату часто заканчивают, хотя у нее есть принципиально важное продолжение: «Только раз в жизни мне пришлось выжить довольно долгий срок в благорастворенных заграничных местах, и я не упомню минуты, в которую сердце мое не рвалось бы к России. Хорошо там, а у нас... положим, у нас хоть и не так хорошо... но, представьте себе, все-таки выходит, что у нас лучше. Лучше, потому что больней. Это совсем особенная логика, но все-таки логика, и именно – логика любви. Вот этот-то культ, в основании которого лежит сердечная боль, и есть истинно русский культ. Болит сердце, болит, но и за всем тем всеминутно к источнику своей боли устремляется...» [12].

В этих словах писателя – чисто русский взгляд на жизнь, особенное, русское отношение к Родине, которое характерно не только для него, но и для многих представителей русской культуры и которое – что особенно важно – так актуально звучит в наше столь непростое время.

Список цитируемой литературы:

1. Ашукин, Н.С. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения / Н.С. Ашукин, М.Г. Ашукина. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1969. – 751 с.

2. Герасимович, М. М.Е. Салтыков-Щедрин о музыке [Электронный ресурс] / М. Герасимович // Музыкальная академия. – 1978. – Вып. 5. – С. 93–97. – URL: https://mus.academy/articles/m-e-saltykov-shchedrin-o-muzyke-nachalo-odnoi-tvorcheskoi-druzhby) (дата обращения: 15.05.2026).

3. Гладилина, И.В. Опыт конструирования идеографического словаря окказионализмов (на материале произведений М.Е. Салтыкова-Щедрина) / И.В. Гладилина, Е.Г. Усовик // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2016. – № 1. – С. 122–129.

4. Гудков, Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности / Д.Б. Гудков. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. – 152 с.

5. Достоевский, Ф.М. Наказание без преступления. За что нам мстит Европа [Электронный ресурс] / Ф.М. Достоевский. – ООО «Издательство Родина», 2024. – URL: https://www.rulit.me/books/nakazanie-bez-prestupleniya-za-chto-nam-mstit-evropa-read-964773-1.html (дата обращения: 20.05.2026).

6. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 264 с.

7. Маслова, В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.

8. Матвеев, Б.И. Крылатая латынь в прозе Салтыкова-Щедрина / Б.И. Матвеев // Русская речь. – 1999. – № 4. – С. 23–29.

9. Прозоров, В.В. Салтыков-Щедрин / В.В. Прозоров. – М.: Просвещение, 1988. – 176 с.

10. Ремизов, А.М. Петербургский буерак [Электронный ресурс] / А.М. Ремизов. – Париж: Издательство: ЛЕВ, 1981. – 293 с. – URL https://archive.org/details/1981_20230104 (дата обращения: 15.05.2026).

11. Ромашевский, Дмитрий. О Салтыкове-Щедрине, патриотизме и нашем времени [Электронный ресурс] / Д. Ромашевский. – URL: https://proza.ru/2011/09/01/1335 (дата обращения: 15.05.2026).

12. Салтыков-Шедрин, М.Е. Собрание сочинений. В 20 томах. Т. 13 [Электронный ресурс] / М.Е. Салтыков-Шедрин. – М.: Художественная литература, 1971. – URL: https://traumlibrary.ru/book/saltykov-ss20-13/saltykov-ss20-13.html (дата обращения: 15.05.2026).

13. Строганова, Е.Н. Самый актуальный писатель современности: Салтыков-Щедрин и XXI век / Е.Н. Строганова // Щедринский сборник. Выпуск 5: М.Е. Салтыков-Щедрин в контексте времени / редактор-составитель Е.Н. Строганова. – М.: РИО МГУДТ, 2016. – С. 329–344.

14. Федотова, Е.В. Знакомство с творчеством М.Е. Салтыкова-Щедрина в современной школе: Проблемы и решения / Е.В. Федотова // Щедринский сборник. Выпуск 5: М.Е. Салтыков-Щедрин в контексте времени / редактор-составитель Е.Н. Строганова. – М.: РИО МГУДТ, 2016. – 352 с.

Кульгавчук М.В., канд. филол. наук, доцент
Лыткина О.И., канд. филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова»
г. Москва, Россия

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ТЕМЫ «КОСМОС» НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Аннотация

Статья представляет собой методическую разработку урока РКИ, посвященного Дню космонавтики. Подборка адаптированных для уровня В1-В2 текстов знакомит учащихся с ключевыми фигурами русской космонавтики – Ю.А. Гагариным и К.Э. Циолковским. Тексты снабжены заданиями, направленными на расширение словаря учащих-

ся, отработку грамматических навыков и навыков говорения, формирование лингвострановедческой компетенции.

Ключевые слова: русский язык как иностранный (РКИ); лингвострановедение; космос; Ю.А. Гагарин; К.Э. Циолковский.

На протяжении почти восьмидесятилетней истории преподавания РКИ в СССР и в России список основных лексических тем, в рамках которых строились уроки, оставался неизменным. Разумеется, были темы, которые менялись в зависимости от тех перемен, которые происходили в общественной жизни, но в целом их формулировки оставались неизменными, менялось скорее содержание. Одной из подобных «вечных» тем стала тема космоса, предполагающая как упоминание о празднике – Дне космонавтики, так и знакомство с биографией первого космонавта Земли и тех, кто своими идеями и научными достижениями сделал возможным космические полеты.

Сегодня эта тема является, с одной стороны, чем-то обязательным для неравнодушных преподавателей, а с другой – кажется порой чем-то уже давно известным и не требующим специального обсуждения. Нас не удивляет постоянное присутствие российских (и не только) космонавтов на орбите, очередной запуск космического корабля внимания не привлекает – стоит ли это обсуждать? Но ведь темы, которые лежат в основе уроков РКИ и позволяют отработать навыки чтения, говорения, письма и аудирования, новизной тоже не удивляют. При этом именно в обращении к теме освоения космоса присутствует столь необходимый сегодня воспитательный потенциал, ведь задача преподавателя, работающего с иностранцами, состоит не только в обучении языку, но и в создании положительного образа России – страны, чья история, в частности, история науки, безусловно, заслуживает внимания, уважения, а значит, изучения.

В данной статье представлены материалы, связанные с темой освоения космоса, которые могут быть использованы на уроках РКИ. Разумеется, тексты, связанные с данной темой, традиционно входили в учебники и пособия [2, 5]. Наши материалы представляют разные грани этой темы, каждая из которых (в том числе и взятая отдельно) может быть полезна для студентов.

Имя Юрия Гагарина хорошо известно студентам-иностранцам. Мы предлагает вариант работы, способствующей формированию навыков письма, – составление биографического текста о первом космонавте мира. Студентам может быть предложено следующее задание.

1. Посмотрите на фотографию. Известно ли вам имя этого человека? Что вы о нем знаете? (студентам могут быть показаны редкие фотографии Юрия Гагарина).

2. Прочитайте факты биографии Юрия Гагарина.

3. Заменив отглагольные существительные на однокоренные глаголы, составьте текст краткой биографии космонавта Юрия Гагарина, используя следующую информацию.

4. Напишите вопросы, которые вы можете задать человеку, прочитавшему эту информацию.

1934, 9 марта – рождение в семье Алексея Ивановича Гагарина и его Анны Тимофеевны в деревне Клушино Гжатского района Смоленской области.

1941, сентябрь – поступление в первый класс клушинской неполной средней школы. Прерывание учебы из-за немецкой оккупации.

1943, весна – освобождение Клушина от немцев, продолжение учебы в школе.

1945, 24 мая – переезд семьи Гагариных из Клушина в город Гжатск.

1949 – окончание шести классов гжатской неполной средней школы; поступление в ремесленное училище № 10 в городе Люберцы Московской области.

1951, июнь – окончание с отличием ремесленного училища по специальности «формовщик-литейщик» и одновременно школы рабочей молодежи.

1951, сентябрь – поступление в Саратовский индустриальный техникум.

1954 – вступление в Саратовский аэроклуб.

1955 – окончание с отличием Саратовского индустриального техникума; поступление в 1-е Чкаловское военно-авиационное училище; первый полет на самолете.

1957 – окончание училища; начало службы в истребительном авиационном полку Северного флота.

1957, 27 октября – женитьба на Валентине Горячевой.

1959, 17 апреля – рождение дочери Елены.

1959, декабрь – рапорт с просьбой зачислить его в группу кандидатов в космонавты.

1960, март – начало занятий в отряде космонавтов.

1961, 7 марта – рождение дочери Галины.

1961, 12 апреля – первый в истории человечества космический полет.

1961, 14 апреля – прибытие на самолете в Москву, торжественная встреча в Москве на Красной площади; присвоение звания майора

авиации, награждение орденом Ленина и Золотой Звездой Героя Советского Союза.

1966 – начало тренировок для полета на новом космическом корабле «Союз»; избрание почетным членом Международной академии астронавтики.

1968, февраль – окончание с отличием Военно-воздушной инженерной академии имени Жуковского.

1968, 27 марта – трагическая гибель в авиационной катастрофе при выполнении тренировочного полета на самолете МиГ-15.

После того как задания будут выполнены, студенты могут приступить к работе над текстом, созданным на основе воспоминаний Ю.А. Гагарина. В процессе адаптации текста мы стремились сохранить оригинальный авторский стиль изложения. Студентам предлагается выполнить следующее задание:

Прочитайте адаптированный отрывок из воспоминаний Ю.А. Гагарина о его первом полете в космос. Найдите в тексте и выпишите лексику, относящуюся к тематическим группам 1) космос; 2) действия в полете; 3) ощущения и эмоции.

Текст

Незадолго до намеченного дня полёта я побывал в Москве. Я медленно шагал вдоль кремлёвских стен по набережной реки. Под бой курантов Спасской башни пересёк Красную площадь. Остановился у Мавзолея, посмотрел, как сменяется караул, и медленно побрёл по городу, равного которому нет в мире. Тысячи людей шли навстречу и обгоняли меня. Никому не было до меня дела, и никто не знал, что готовится грандиозное событие, подобного которому ещё не знала история. В ту же ночь мы улетели на космодром.

Я глядел на корабль, на котором должен был через несколько минут отправиться в небывалый рейс. Он был красив.

Я вошёл в кабину, меня усадили в кресло, бесшумно захлопнули люк.

– Поехали!

Я услышал свист и нарастающий гул, почувствовал, как гигантский корабль задрожал всем своим корпусом и медленно, очень медленно оторвался от стартового устройства.

Корабль вышел на орбиту. Наступила невесомость – то самое состояние, о котором ещё в детстве я читал в книгах К.Э. Циолковского. Я оторвался от кресла, повис между потолком и полом кабины, испытывая исключительную лёгкость во всех членах. И руки, и ноги, и все тело стали будто совсем не моими. Они ничего не весили. Не сидишь, не лежишь, а как бы висишь в кабине. Все незакреплённые предметы

тоже парят, и наблюдаешь их, словно во сне. Сначала это чувство было необычным, но я вскоре привык к нему и продолжал выполнять программу, заданную на полет.

С душевным трепетом всматривался я в окружающий меня мир, стараясь все разглядеть, понять и осмыслить. Приходили разные мысли, и все какие-то светлые, праздничные. Одна за другой внизу проносились страны, и я видел их как одно целое, не разделённое государственными границами.

Но размышлять было некогда. Наступал заключительный этап полёта – возвращение на Землю. В 10 часов 25 минут произошло автоматическое включение тормозного устройства. «Восток» постепенно стал сбавлять скорость. Корабль стал входить в плотные слои атмосферы. Его наружная оболочка быстро накалялась, и сквозь шторки, прикрывающие иллюминаторы, я видел отсвет пламени вокруг корабля. Но в кабине было всего двадцать градусов тепла, хотя я и находился в клубке огня, устремлённом вниз. Невесомость исчезла, нарастающие перегрузки прижали меня к креслу. Они все увеличивались и были значительнее, чем при взлёте. Корабль начало вращать, но вращение, обеспокоившее меня, быстро прекратилось, и дальнейший спуск протекал нормально. Было ясно, что все системы сработали отлично и корабль точно идёт в заданный район приземления.

Высота полёта всё время уменьшалась. Внизу блеснула лента Волги. Я сразу узнал великую русскую реку и берега, над которыми меня учил летать Дмитрий Павлович Мартьянов. Всё было хорошо знакомо: и широкие окрестности, и весенние поля, и рощи, и дороги, и Саратов, дома которого, как кубики, громоздились вдали…

В 10 часов 55 минут «Восток», облетев земной шар, благополучно опустился в заданном районе на вспаханное поле колхоза «Ленинский путь», юго-западнее города Энгельса, неподалёку от деревни Смеловка. Случилось, как в хорошем романе: моё возвращение из космоса произошло в тех самых местах, где я впервые в жизни летал на самолёте [3, с. 145-176].

После прочтения текста можно предложить студентам ответить на следующие вопросы:

1. Как вы думаете, почему перед полетом в космос Гагарин посетил Москву и Красную площадь?
2. Какие чувства испытывал Гагарин перед полетом и во время полета?
3. Почему, описывая состояние невесомости, автор употребляет выражение «словно во сне»?
4. Какие мысли приходили космонавту во время полета?

5. Как происходило возвращение космонавта на Землю? С какими трудностями он столкнулся?

6. Почему Гагарин пишет, что его возвращение случилось, как в хорошем романе?

7. Как вы думаете, какими качествами должен обладать космонавт?

8. Найдите в тексте элементы художественного стиля. Как вы объясните их наличие в воспоминаниях космонавта?

9. Русский язык после полета Гагарина в космос обогатился двумя фразами: «гагаринская улыбка» и «поехали!». Объясните их значение, приведите примеры их употребления в контексте.

Следующим этапом знакомства с данной темой может стать работа над текстом «Константин Эдуардович Циолковский». Данный текст целесообразно предложить в качестве материала для обучения аудированию. Вначале студенты знакомятся с новыми словами: *космическая ракета, лечь в основу, масса и скорость, Рязань, оглохнуть, самообразование, приборы для научных опытов, Боровск, Калуга, космические полеты, воздухоплавание, чертеж, механика движения, теория газов, космонавтика, генеральный конструктор.*

Затем студентам предлагается прослушать текст «Константин Эдуардович Циолковский».

Константин Эдуардович Циолковский

Это имя неслучайно прозвучало в воспоминаниях Юрия Гагарина – именно Циолковского называют человеком, чьи идеи повлияли на развитие советской космонавтики. Его фантастические мечты о том, какими будут полеты человека в космос, что нужно для того, чтобы космическая ракета смогла взлететь, какой должна быть ее масса и скорость, стали открытием для своего времени и легли в основу победы советской науки в этой области.

Циолковский родился в 1857 году недалеко от Рязани в небогатой дворянской семье. Отец служил в лесничестве, мать занималась с детьми. В детстве Константин оглох из-за болезни, что не помешало ему получить образование. После смерти матери отец, видя, что сын обладает большими способностями, отправил мальчика учиться в Москву. В Высшее техническое училище он не поступил, но три года жил в Москве и занимался самообразованием, все деньги, которые ему посылал отец, тратил на приборы для научных опытов и книги. Он читал научные труды по физике, высшей математике, книги Тургенева и Толстого. После того как отец перестал помогать ему, молодой человек уехал из Москвы. Он сдал экзамен на звание учителя и в 1880 году стал работать в городе Боровске, а в 1892 году переехал в Калугу. Именно в

этом городе Циолковский прожил всю жизнь. Он был прекрасным учителем: сам придумывал для уроков необычные задачи, ставил эксперименты, умел просто рассказывать о сложных научных проблемах.

Но главным для него были занятия наукой. Космические полеты и воздухоплавание – вот те темы, над которыми работал ученый. Циолковским был создан чертеж первого космического корабля, он изучал механику движения, теорию газов, строение Солнца. Циолковский создал формулу, которая позволяла говорить о реальности космических полетов в будущем. Идеи ученого не сразу были приняты современниками, но они оказали большое влияние на развитие советской космонавтики. Кроме научных работ Циолковский писал научно-фантастические произведения: повести «На Луне», «Вне земли». Для него было важно показать современникам, что то, что сегодня кажется фантастикой, завтра станет реальностью.

В повести «Вне Земли» была описана работа ученых разных национальностей, объединенных общей идеей покорения космоса. В 1960 году это произведение было переведено на английский язык.

К.Э. Циолковский ушел из жизни в 1935 году. К сожалению, он не дожил до полета Юрия Гагарина. Идеи великого ученого реализовал С.П. Королев – генеральный конструктор космического корабля, на котором Гагарин полетел в космос. Имя великого ученого не забыто в России.

После прослушивания текста студентам предлагается ответить на вопросы:

1. Почему имя К.Э. Циолковского встречается в воспоминаниях Юрия Гагарина?
2. Когда и где родился Циолковский?
3. Что вы узнали о его семье?
4. Почему будущему ученому было трудно получить образование?
5. На что ученый тратил деньги, живя в Москве?
6. В каких городах жил Циолковский после отъезда из Москвы?
7. Каким преподавателем был Циолковский?
8. Над какими темами работал ученый?
9. Почему Циолковский считал важным создание научно-фантастических романов?
10. Как назывались его научно-фантастические произведения?
11. Какую роль сыграл Циолковский в развитии советской космонавтики?

Представленные материалы, разумеется, не исчерпывают всего, что может быть предложено студентам-иностранцам в связи с рассматриваемой темой. Для нас было важно не просто рассказать о первом космонавте Земли и человеке, вдохновившем создателей первых

космических кораблей, но подчеркнуть преемственность самой идеи покорения космоса [1]. Важно не просто донести до студентов информацию о тех или иных фактах жизни известных людей, но и напомнить о том, что именно наша страна первой проложила дорогу в космос [4]. Сегодня, когда многие достижения России (Советского Союза) не просто замалчиваются, а опровергаются, исторические факты искажаются в угоду современным политическим тенденциям, особенно важно формировать правдивые представления о прошлом.

Список цитируемой литературы:

1. Арлазоров, М.С. Циолковский / М.С. Арлазоров. – М.: Мол. гвардия, 1963. – 335 с.

2. Березовский, С.Б. Из воспоминаний Гагарина: учебное пособие по РКИ / С.Б. Березовский, О.Р. Рякина – 2-е изд. – СПб: Златоуст, 2024. – 116 с.

3. Гагарин, Ю.А. Дорога в космос: Записки летчика-космонавта СССР / Ю.А. Гагарин. – М.: Правда, 1961. – 224 с.

4. Данилкин, Л.А. Юрий Гагарин / Л.А. Данилкин. – М.: Молодая гвардия, 2011. – 509 с.

5. Потапурченко, З.Н. Первый в космосе: комплексное учебное пособие для изучающих русский язык как иностранный / З.Н. Потапурченко. – М.: Русский язык. Курсы, 2011. – 31 с.

Петрова С.А., канд. филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Северо-Западный институт управления
г. Санкт-Петербург, Россия

ПРОЦЕССЫ МЕДИАТИЗАЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НА МАТЕРИАЛЕ ЛОНГРИДА «ЗЕМЛЯ ОТЧУЖДЕНИЯ»

Аннотация

В статье исследуются аспекты процесса медиатизации русского языка в рамках медиатекстов. Вопросы рассматриваются на материале лонгрида ИД «Коммерсантъ» «Земля отчуждения». Медиатизация в данном случае обусловлена мультимедийным жанром и представлена на всех языковых уровнях: графика, фонетика, лексика и синтаксис. С помощью взаимодействия разных каналов передачи информации в

таком мультимедийном жанре авторы активизируют разные уровни перцепции и усиливают влияние текста на читателя.

Ключевые слова: русский язык; медиатекст; медиатизация; лонгрид; поликодовый текст, анималистические образы, композиция.

Активное развитие интернет-пространства и медийных технологий приводит к глобальным трансформациям всех составляющих мироустройства, в том числе оказывается влияние и на языковую систему. Русский язык также находится в рамках обозначенных изменений. В течение последних десятилетий в науке интенсивно используется термин «медиатизация», определяющий такого рода трансформации [2, с. 61]. Под медиатизацией в данном случае мы будем понимать «процесс и результат формирующего влияния массмедиа на общественные отношения, социальные практики и институты посредством медиатехнологий, в ходе которого «конструируется» (и воспроизводится) особая медиа-социальная реальность» [3, с. 225].

Средства массовой информации используют языковые элементы, накапливая при этом социальные, экономические, политические и технологические трансформации, которые воздействуют на язык в целом. Как пишет Е.И. Кокконен: «Язык – исключительно социальная деятельность и она простирается за пределы общения лицом к лицу, обращаясь к широкой аудитории» [1, с. 139]. Медиатексты обусловлены необходимостью использования разных каналов для передачи информации, чтобы максимально воздействовать на реципиента. Жанр лонгрида предполагает мультимедийность: соединение разных каналов передачи информации – аудиального, вербального, визуального. Процессы медиатизации связаны с такими тенденциями:

1. Смешение текста с другими формами передачи информации (фото, видео, аудио), визуализация содержания текста.
2. Сокращение объёма с помощью технических средств размещения информации.
3. «Готовность к тому, что онлайн-публикации привлекут незапланированную и нежелательную аудиторию» [1, с. 139].

Рассмотрим особенности процесса медиатизации русского языка в лонгриде журналистов ИД «Коммерсантъ» «Земля отчуждения. Чернобыль и его окрестности после аварии» (2014). На уровне графики языка авторы используют разный вариант кегля шрифта, меняют цвет и выделяют полужирным. Используют и кириллицу, и латиницу в одном тексте, включают цифровые обозначения и иные символы, не включённые в алфавит.

Справочная информация в лонгриде и исторические данные даются более мелким шрифтом, но представленным другим цветом – более светлым, серым. В то же время внутри таких отрывков текста есть выделения жирным шрифтом. Таким образом, в тексте на уровне графики развиваются две противоположные тенденции: с одной стороны, показать второстепенность информации, а с другой стороны, сделать, наоборот, её более привлекающей внимание, чем обычный текст.

Есть отрывок, в котором речь идёт о последствиях катастрофы для разных регионов в такой последовательности: Россия, Белоруссия, Украина. В нём также используют изменения визуального объёма и величины абзаца, показывая таким образом рост катастрофических последствий – от меньшего к большему:

1. Для России всего в 2 строки абзац, здесь в зону отчуждении включены 4 деревни, 168 пострадавших.
2. Для Белоруссии абзац уже в 5 строк, здесь последствия касаются уже 22 тысяч человек и 92 населённых пункта в зоне отчуждения.
3. На Украине уже иные измерения: радиус зоны – 30 км. В абзаце уже 8 строк, упоминается о 94 населённых пунктах и о 116 тысячах пострадавших жителей.

Визуальный формат репрезентации текста помогает читателю увидеть разницу и количество пострадавших в целом. Авторы делают видимым, по сути, и языковой приём градации от меньшего к большему, который обычно используется на синтаксическом уровне.

Ещё один аспект медиатизации языка связан с визуализацией обозначенных в тексте элементов в фотогалереях и видеоэпизодах. На фотографиях представлен также текст, что делает его частью визуального контента. Текст может сопровождать и объяснять то, что изображается на фотографии. Используется приём экфразиса – детально передаётся визуальное словами. Таким образом, достигается документационная точность, реалистичность репрезентации, что повышает эффект достоверности представленной информации и соответствующим образом воздействует на реципиента. Поликодовая специфика лонгрида усиливает функционал входящих в него единиц.

Авторы используют приёмы разных публицистических жанров для реализации своего замысла. Начало представлено в форме путевого очерка, также по мере развития повествования в структуру включаются элементы хроники, репортажа, интервью, аналитической статьи и портретного очерка. Жанровые формы текста также сопровождаются визуализацией: карты, инфографика, видео, аудиозаписи и чертежи.

Для удобной навигации по сайту используется заголовочный комплекс, включающий и подзаголовки. Кроме обозначенных элемен-

тов авторы добавили и мультипликацию, которая облегчает восприятие сложных теоретических схем и идей. Данная специфика лонгрида усиливает медиатизацию языковых элементов, расширяет их семантику и усиливает эффект достоверности.

В последней части в форме портретного очерка рассматриваются «самосёлы»: авторы дают характеристику героям своего сюжета, показывая их особенности, оценивая биографические данные и т.д. Этот текст также имеет видео- и аудиосопровождение. Некоторые фразы из текста звучат в интервью персонажа. Медиатизация в данном случае детализирует образы, обозначенные в тексте. Они становятся более объёмными и воспринимаются более реалистично. Медиаресурсы усиливают эффект достоверности содержательного компонента языковых элементов.

Композиция текста также показывает один из аспектов процесса медиатизации. В первых строках первой части обозначенного нами лонгрида представлены образы животных следующим отрывком: «На КПП «Дитятки» приезжих встречают сотрудники милиции, три рыжих кота и рыжий пес» («Земля отчуждения», 2014). Соединение в одном перечислении разнородных элементов активизирует читательский интерес, вызывая когнитивный диссонанс в восприятии. Далее в тексте других частей и в фотографиях упоминаются и показываются разные анималистические образы. Но важно то, что рыжий кот появится и в визуальном формате – на фотографии в последней фотогалерее, где представлены хозяйства вернувшихся обратно сельских жителей.

Заканчивается лонгрид цитатой эксперта, в которой также звучит фраза о кошках («кошка котят приносит много и нормальных»). Таким образом, композиция становится кольцевой, превращаясь в цикл от вербального через визуальное к новому обобщённому вербальному выражению.

Цитата эксперта заканчивается словами о важном жизненном выборе и заставляет также и читателей обратиться к ценностным аспектам содержания. Затем в лонгриде визуализируются те, кто его создавал, так же структурированно по функциям: кто делал видео, кто текст и т.д. Показана фотография, на которой изображаются журналисты в кабинках приборов, измеряющих радиацию. Журналисты представлены очевидцами, чем усиливается эффект достоверности. Авторы не только сами увидели всё, о чём написали, но и также испытали опасность радиационного заражения, рисковали своими жизнями, что ещё больше усиливает ценностную сторону произведения и влияет на реципиента.

В рамках формата лонгрида мы рассмотрели процессы и способы медиатизации языка:

– использование возможностей графики слов,

– использование приёмов визуализации: фотографии, инфографика, мультипликация, чертежи,
– аудиальные компоненты,
– оформление и структурирование лонгрида,
– композиция текста.

С помощью медийных элементов увеличивается документационная точность, реалистичность содержательного компонента, усиливается эффект достоверности описываемого. Всё это направлено на разные уровни восприятия и воздействует на реципиента, но в то же время может и манипулировать его сознанием, поэтому требует дальнейшего исследования для формирования навыков критического мышления и медиаграмотности в целом.

Список цитируемой литературы:

1. Кокконен, Е.И. Язык и медиатизация в парадигме западных исследований / Е.И. Кокконен // Вестник Новгородского государственного университета. – 2015. – № 7(90). – С. 138–141.

2. Конюкова, М.Л. Формы медиатизации языковых элементов в современном публицистическом жанре «лонгрид» / М.Л. Конюкова, С.А. Петрова // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2022. – Т. 1, № 1(37). – С. 61–68.

3. Примаков, В.Л. Медиатизация как теоретический концепт / В.Л. Примаков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2019. – №3(836). – С. 221–238.

Попова Е.А., д-р филол. наук, профессор
Боровкова А.И., аспирант
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»
г. Липецк, Россия

ОБРАЗЫ ВРАГОВ РУСИ / РОССИИ КАК ЧАСТЬ ЛЕКСИЧЕСКОЙ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ

Аннотация

Статья посвящена отражению образов врагов, ставших частью лексической и фразеологической системы русского языка, в лингвистических словарях (толковых, фразеологических, крылатых слов и выражений, коннотативных имен собственных, сравнений и др.). В лексическую и фразеологическую систему русского языка входят коннотативные антропонимы и прецедентные имена, являющиеся подклассом коннотонимов, а также нарицательные существительные (апеллятивы), фразеологизмы, устойчивые сравнения, прецедентные высказывания, пословицы, поговорки, включающие в свой состав указанные слова. Делается вывод о том, что номинации врагов, даже изменив, расширив значение, не перестали быть для общества отрицательными, предостерегающими примерами, с которыми в сознании носителей русского языка связаны антиценности, что выражается, прежде всего, в таких элементах коннотации, свойственных значению данных языковых единиц, как отрицательная оценочность, эмоциональность, сниженная стилистическая окраска, экспрессивность.

Ключевые слова: национальная персоносфера; персоносфера врага; коннотативные антропонимы; прецедентные имена; апеллятивы; фразеологизмы.

Образы врагов нашей страны, нашего народа входят в соответствующую персоносферу, которая является частью национальной персоносферы, представляющей собой «сферу персоналий, образов, сферу литературных, исторических, фольклорных, религиозных персонажей» [24, с. 133]. Эта часть отечественной персоносферы не менее важна, чем какая-либо другая, так как в составе персоносферы есть не только положительные, но и отрицательные персоналии (тираны; враги; воплощения таких отрицательных качеств, как жестокость, предательство, коварство, лицемерие, ложь и под.), служащие для общества

предостерегающими примерами. «Сфера представлений о персоналиях является критичной для жизни социума, скрепляя его, помогая его членам решать проблемы самоидентификации и идентификации других, служит кросс-культурным мостом общения с другими социумами» [25, с. 127]. В состав персоносферы врага входят, прежде всего, завоеватели-полководцы (*Чингисхан, Батый, Мамай, Тамерлан/Темир-Аксак, Карл XII, Наполеон Бонапарт, Гитлер* и др.), а также гетман *Мазепа*, предавший Россию во время Северной войны и перешедший в 1708 г. на сторону шведов. В русскоязычном сознании предатель воспринимается как враг, о чем свидетельствует ассоциативно-вербальная сеть носителей русского языка, в которой *враг* – самая частотная реакция на стимул *предатель* [19, с. 501].

Персоносфера обладает такими свойствами, как диалогизация и метафоричность [24, с. 134]. Первое из выделенных свойств заключается в том, что «объекты персоносферы – это лица, личности. Отсюда проистекает возможность сопоставления себя с ними, возможность сопереживания, подражания, в частности, копирования речевых манер; возможность помещения себя в мир персоносферы, моделирования своего поведения в этом мире» [24, с. 134]. Врагам, естественно, никто не сопереживает, не подражает, их образы являются для носителей языка отталкивающими примерами.

Второе свойство персоносферы – метафоричность – «состоит в способности более близкое схватывать через более далекое и поэтому более однозначное, несущее определенность» [24, с. 134]. Метафоричность персоносферы приводит к тому, что антропонимы, являющиеся репрезентантами персоналий, способны становиться коннотативными онимами, прецедентными именами и нарицательными существительными (апеллятивами), т.е. средствами вторичной (иносказательной, метафоричной) номинации. Примерами таких антропонимов являются *Альфонс, Аполлон, Геркулес, Гамлет, Голиаф, Гулливер, Дон-Жуан, Дон-Кихот, Ирод, Иуда, Иудушка/Иудушка Головлев, Каин, Крез, Ловелас, Меценат, Митрофан/Митрофанушка, Обломов, Отелло, Плюшкин, Робинзон, Скалозуб, Хлестаков* и др. Эти и подобные слова, «входя в язык, становятся символами какого-то типического явления, существенной черты характера, страсти и т.д.» [10, с. 235]. Такие слова являются частью как национальной персоносферы (в качестве антропонимов), так и лексической и фразеологической системы русского языка (в качестве средств вторичной номинации, а также фразеологизмов, пословиц, поговорок, устойчивых сравнений, прецедентных высказываний, в состав которых входят эти антропонимы и их производные).

Цель настоящей статьи – рассмотреть отражение образов врагов в лексической и фразеологической системе русского языка и их фиксацию в лингвистических словарях.

В лексическую и фразеологическую систему русского языка входят коннотативные антропонимы и прецедентные имена, являющиеся подклассом коннотонимов, а также нарицательные существительные (апеллятивы), фразеологизмы, устойчивые сравнения, прецедентные высказывания, пословицы, поговорки, включающие в свой состав указанные слова.

Коннотонимы – это имена собственные (онимы) «с метафорическими, или символическими, значениями. С их помощью “переносно” именуется то, что при нейтральном стиле выражения могло быть обозначено посредством нарицательных имен существительных (апеллятивов). <…> Следовательно, онимы не только способны выполнять свою прямую и изначальную функцию – быть именами объектов окружающего нас мира, но и проникаются вторичным, дополнительным понятийным содержанием, становятся в речи экспрессивно-оценочными заместителями имен нарицательных. Они обогащаются понятийными, или референтными, коннотациями, органично слившимися с коннотациями эмоционально-экспрессивного плана» [17, с. 11].

Коннотативное имя более широкое понятие, чем прецедентное имя: «Не все имена с оценочной семантикой переходят в разряд прецедентных, широкой известности и наличия эмоционально-экспрессивных коннотаций для этого недостаточно. <...> Коннотативность онима представляется нам более широким понятием, наличие коннотаций у имени собственного может стать базой для развития прецедентности. Любое прецедентное имя коннотативно, но утверждать обратное нельзя» [11, с. 264]. В корпусе коннотативных онимов И.В. Крюкова выделяет подкласс прецедентных имен, понимая под ними «массово употребляемые имена с устоявшимися социально-оценочными коннотациями, понятные в переносном употреблении представителям разных слоев общества и разных поколений» [12, с. 47]. Как отмечает исследователь, «подлинное прецедентное имя должно обязательно соотноситься с четко фиксированным комплексом переносных значений, общепонятных носителям языка, и регулярно употребляться в составе именного сказуемого, сочетаться с определителями *наш, второй, местный, будущий* и под.» [11, с. 264]. Переход имени собственного в состав нарицательных обязательно включает промежуточную ступень, связанную с употреблением онима в качестве коннотонима.

Более 500 коннотонимов зафиксировано в уникальном лексикографическом труде – «Словаре коннотативных собственных имен»

Е.С. Отина. Именно этому ученому наука о языке обязана термином «коннотоним». Среди коннотативных антропонимов, входящих в словарь Е.С. Отина, есть составляющие персоносферы врага: *Мамай, Мазепа, Наполеон, Бонапарт*.

Так, *Мазепа* как узуальный коннотативный антропоним с интралингвальной (внутриязыковой) коннотацией и широким диапазоном известности имеет значение «Оскорбительная кличка, чаще по отношению к украинцу “малороссу”, используется и как бранное нарицательное слово» [17, с. 235]. Также в этом словаре есть отконнотонимное производное *Мазепа* в значении «прозвище украинца» [17, с. 236] и апеллятив *мазепа*, возникший благодаря полной деонимизации коннотонима, в следующих значениях: 1) «Предатель», со ссылкой на сборник «Пословицы русского народа» В. Даля, 2) «Неодобр. Ненадежный, непорядочный человек» [17, с. 236]. В сборнике пословиц Даля, на который ссылается Е.С. Отин, в рубрике «Русь – Родина» есть выражение *Мазепа – предатель* [18, т. 1, с. 303].

В качестве нарицательного существительного слово *мазепа* включено в толково-словообразовательный словарь Т.Ф. Ефремовой: «МАЗЕПА *м* и *ж*. *разг*. Употр. как символ предателя» [9, с. 818]. Грамматические пометы свидетельствуют о том, что это слово в нарицательном употреблении используется по отношению к представителям обоих полов, т.е. функционирует как существительное общего рода, а стилистическая помета показывает, что это слово является стилистически сниженным.

Самое известное произведение русской литературы, в котором Мазепа является одним из главных действующих лиц, – это поэма А.С. Пушкина «Полтава», входящая в число национально-прецедентных текстов. Прецедентным высказыванием из этой поэмы стали такие строки, относящиеся к Мазепе: *«Донос на **гетмана злодея** / Царю Петру от Кочубея»*; они употребляются в значении «О тайном письме, направленном против кого-либо» [15, с. 269]. Словосочетание *гетман злодей,* представляющее собой антропонимическую перифразу, в русской лингвокультуре часто используется по отношению к Мазепе.

Бонапарт, будучи узуальным коннотативным антропонимом с интралингвальной (внутриязыковой) коннотацией, в словаре Е.С. Отина имеет два значения «1. Человек с непомерно развитым самомнением, стремящийся к подавлению других и при этом ведущий себя неестественно. 2. Честолюбивый диктатор, завоеватель» [17, с. 81]. Как узуальный коннотативный антропоним с интралингвальной (внутриязыковой) коннотацией и широким диапазоном известности *Бонапарт* употребляется как «ругательное слово» [17, с. 81]. Это зна-

чение в словаре Е.С. Отина сопровождается пометой *Устар*. Слово *Бонапарт* как бранное слово отмечено в дополненном издании словаря крылатых слов и выражений Н.С. Ашукина и М.Г. Ашукиной: «Употребление имени французского императора Наполеона I Бонапарта в презрительно-бранном смысле возникло в эпоху войны 1812–1814 гг. Например, в воззвании Синода к русскому народу, которое читалось во всех церквах, было сказано: “Покажите ему, что он тварь, совестью сожженная и достойная презрения”».

У Гоголя в «Мертвых душах» (1842 г.) Селифан обращается к лошади, «поднявшись и хлыстнув ленивца: “Ты знай свое дело, панталонник ты немецкий!.. – Здесь он опять хлыстнул его кнутом, примолвив: “У, варвар, Бонапарт ты проклятый!.. (1, 3)”» [2, с. 409].

Наполеон, несмотря на то, что является антропонимом, именующим то же самое лицо, что и антропоним *Бонапарт*, в словаре Е.С. Отина имеет более широкий круг значений, чем ранее рассмотренный коннотоним *Бонапарт. Наполеон* так же, как *Бонапарт*, относится к узуальным коннотативным антропонимам с интралингвальной (внутриязыковой) коннотацией и имеет следующие значения: «1. Единоличный властитель, диктатор; начальник, распорядитель с диктаторскими замашками. 2. Выдающаяся личность; человек, замечательно проявивший себя в какой-либо сфере деятельности. 3. Надменный, самоуверенный человек, амбициозный выскочка. 4. Полководец, выдающийся военачальник. 5. Сумасшедший, умалишенный; пациент психиатрической клиники» [17, с. 269–270]. Среди этих значений есть и такие, которым свойственна положительная оценочность (2-е и 4-е).

Слово *Наполеон* в русском языке перешло из имен собственных в нарицательные, о чем свидетельствует его фиксация в толковых словарях в следующих значениях: «О том, кто стремится к неограниченной власти, добивается возможности повелевать кем-, чем-л.» [5, т. 11, с. 287]; «О человеке, считающем себя исключительной личностью и отличающемся крайним индивидуализмом» [6, с. 593].

Наполеон в качестве апеллятива, чаще всего имеющего форму множественного числа, входит в состав большого количества фразеологизмов, среди которых есть как с отрицательной оценочностью (*глядеть в Наполеоны, рваться в Наполеоны, лезть в наполеоны, комплекс Наполеона*), так и с положительной (*выйти в Наполеоны*). Оценочность фразеологизма *идти в Наполеоны* («Устар. Совершать восхождение по лестнице политической карьеры» [17, с. 272]) зависит от контекста. Укажем значения остальных фразеологизмов: «Глядеть в Наполеоны. Честолюбиво стремиться выделиться среди других, сделать карьеру, заявить о себе» [17, с. 272]. В «Большом академическом словаре русско-

го языка» значение этой идиомы объясняется немного иначе: «О стремлении пользоваться неограниченной властью» [5, т. 11, с. 287]. «Рваться в Наполеоны. Стремиться к быстрой политической, военной и др. карьере, удовлетворению амбиций, безудержно стремиться к власти» [17, с. 272]; «Лезть в наполеоны. Резко выделяться, становиться значительным» [17, с. 272]; «Комплекс Наполеона. Преувеличенное представление о собственной значимости» [17, с. 273]. Прецедентным высказыванием стала цитата из романа в стихах «Евгений Онегин» А.С. Пушкина *Мы все глядим в Наполеоны*, которая употребляется в значении; «*Часто ирон*. О чьем-л. повышенном самомнении, завышенной оценке своих способностей; о честолюбии» [3, с. 283].

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля (в статье *гусь*) и в сборнике Даля «Пословицы русского народа» (в рубрике «Русь – Родина») есть народное выражение *Летит гусь на святую Русь (Наполеон)* [8, т. 1, с. 410; 18, т. 1, с. 288], в котором выражено презрительно-ироничное отношение к Наполеону, победа над которым была одержана Россией в Отечественной войне 1812 г.

В словаре Е.С. Отина представлен коннотоним *Мамай*, относящийся к узуальным коннотативным антропонимам с интралингвальной (внутриязыковой) коннотацией и широким диапазоном известности, в значениях которого имеется этнический компонент: «1. Представитель народов, исповедующих ислам (чаще – татарин). 2. Старьевщик-татарин» [17, с. 241]. В качестве нарицательного существительного это слово включено в некоторые толковые словари в значении «*Прост. Бранно*. О буяне, драчуне» [5, т. 9, с. 488]. В «Большом толковом словаре русского языка» (гл. ред. С.А. Кузнецов) толкование значения нарицательного существительного *Мамай* сопровождается пометой *Нар.-разг.* [6, с. 518].

В русском языке широко известны фразеологизмы, в составе которых есть слова *Мамай, Мамаев*: *как (как будто, словно, точно) Мамай прошел (воевал), Мамаево нашествие, Мамаево побоище.* Устойчивое сравнение, относящееся к идиомам, *как (как будто, словно, точно) Мамай прошел (воевал)* включено во все фразеологические и толковые словари русского языка [см. 4, с. 365; 5, т. 9, с. 488; 6, с. 518; 7, с. 305; 22, с. 360; 23, с. 237]. Значение этого фразеологизма имеет отрицательную коннотацию: «*Неодобр*. Полнейший беспорядок, разгром, опустошение где-л.» [4, с. 365]. В ряде словарей значение этого фразеологизма сопровождается стилистически сниженной пометой *Разг*. [см. 22, с. 360]. Происхождение этого выражения «связано с именем татарского хана Мамая, фактического правителя на большой территории Золотой Орды с 60-х гг. XIV в. Совершил опустошительное нашествие на Русь, захватив территорию до нынешней Тульской обл. В 1380 г. был разгромлен рус-

ским войском в Куликовской битве и позорно бежал в Крым, где нашел свою смерть. О нашествии Мамая рассказывается в древнерусской повести “Задонщина” и в “Сказании о Мамаевом побоище”. Выражение *как Мамай прошел* употребляется с XIV в.» [4, с. 365].

Этот фразеологизм включен в «Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий» (отв. ред. В.Н. Телия), в котором фразеологизмы описываются как знаки «языка» культуры, которая связана с языком и взаимодействует с ним, отражая особенности русского менталитета. В этом лексикографическом труде, который является словарем нового типа, каждая словарная статья – это «своего рода лингвокультурологический “портрет” фразеологизма» [7, с. 14], дается следующий культурологический комментарий к фразеологизму *как (будто, словно) Мамай прошел*: «Образ фразеологизма восходит к реальному историческому событию, нашедшему широкое отражение в древнерусских летописях и в произведениях древнерусской литературы (“Задонщина”, “Сказание о Мамаевом побоище” и др.). Татарский темник (крупный военачальник) Мамай, провозгласивший себя ханом Золотой Орды, желая наказать русских за неповиновение и стремление освободиться от золотоордынской зависимости, предпринял карательный поход на Русь (1378 г.), разорил Нижний Новгород и Рязань, но был остановлен московским князем Дмитрием Ивановичем (позже прозванным Донским) на реке Воже. Через два года Мамай снова пришел на русские земли и потерпел крупное поражение в знаменитой Куликовской битве (1380 г.). Походы Мамая были далеко не самыми жестокими и опустошительными из набегов золотоордынских ханов (значительно более разорительными для русских были, напр., нашествия Батыя в 1237–1238 гг. и Тохтамыша в 1382 г.). Но именно Мамай, благодаря посвященным Куликовской битве литературным и фольклорным произведениям, стал восприниматься как обобщенный образ татарского хана.

В образе фразеологизма лежит существующее у русских (с древних времен бывших оседлым и аграрным народом) национальное архетипическое представление о кочевниках-тюрках как о злой, страшной, беспощадной и разрушительной силе; Мамай выступает как эталонное воплощение этой силы» [7, с. 305].

С именем Мамая также связаны фразеологизмы *Мамаево нашествие* и *Мамаево побоище*, в которых употребляется притяжательное прилагательное, образованное от этого имени. В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова зафиксировано выражение *Мамаево побоище* в значении «название Куликовской битвы, в которой был разбит татарский хан Мамай» [16, с. 426]. Сходное значение представлено в преемнике словаря

С.И. Ожегова – «Толковом словаре русского языка с включением сведений о происхождении слов» (отв. ред. Н.Ю. Шведова): «название Куликовской битвы в 1380 г., когда Дмитрием Донским был разбит татарский хан Мамай» [21, с. 656]. В этих словарях *Мамаево побоище* является фразеологическим сочетанием. Источник этого выражения – произведение древнерусской литературы «Сказание о Мамаевом побоище». Фразеологизм *Мамаево побоище* как наименование сражения относится к такой разновидности онимов, как хрононимы и милитарионимы (последний термин используется по отношению к названиям военных событий).

Со временем фразеологизм *Мамаево побоище* стал использоваться в переносном значении, что фиксируют уже словари XIX – начала XX вв. таких авторов, как В.И. Даль, М.И. Михельсон. Так, в «Толковый словарь живого великорусского языка» В. Даля включено устойчивое выражение *Мамаево побоище* («шуточн. разгром, переворот и страшный беспорядок в доме, в хозяйстве; ссора или драка» [8, т. 3, с. 135]). В сборнике В. Даля «Пословицы русского народа» есть пословицы, в состав которых входят слова *Мамай, Мамаев*, имеющие переносное значение: *В доме-то у них словно Мамай воевал. Настоящее Мамаево побоище* (рубрика «Надзор – Хозяин») [18, т. 2, с. 85]. В словаре М.И. Михельсона анализируемое выражение представлено следующим образом: «**Мамаево побоище** (иноск.) – ожесточенная драка, (шуточн.) разгром» [13, с. 397]. Здесь же дается этимологическая справка: «Мамай – жестокий татарский воевода и разрушитель (с 1361 г.), разбитый наголову в битве на Куликовом поле (1380 г.)» [13, с. 397].

В большинстве толковых и фразеологических словарей русского языка XX–XXI вв. выражение *Мамаево побоище* фиксируется в переносном значении как идиома: «**Мамаево побоище** (*шутл.*) – 1) о большой ссоре, драке; 2) о полном беспорядке» [20, с. 224]. При этом обязательно указывается этимология этого выражения: «По имени татарского хана Мамая, совершившего в 14 в. опустошительное нашествие на Русь и побежденного русскими под руководством Дмитрия Донского в Куликовской битве в 1380 г.» [20, с. 224].

Немного по-другому дается толкование значения этого фразеологизма в словаре крылатых выражений С.Г. Шулежковой «“И жизнь, и слёзы, и любовь…”»: «**МАМАЕВО ПОБОИЩЕ.** *Чаще неодобр.* 1. О кровавом сражении, жестокой схватке или драке, потасовке и т.п. 2. О полнейшем беспорядке, разгроме, опустошении где-л. (обычно после столкновения, ссоры или варварских действий по отношению к природе)» [26, с. 383]. В этом словаре при толковании значения идиомы больше видна связь со значением фразеологического сочетания (милитарионима) *Мамаево побоище,* чем в других словарях.

В «Большом фразеологическом словаре русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий» (отв. ред. В.Н. Телия) в культурологическом комментарии к фразеологизму *Мамаево побоище* отмечается, что «Куликовская битва (или Мамаево побоище) является одной из самых значительных битв в русской истории, она стала восприниматься как образец, или эталон, крупного сражения вообще» [7, с. 369].

Появление выражения *Мамаево нашествие,* употребляющегося в значении «неожиданное появление многочисленных и неприятных гостей, посетителей и т.п.» [4, с. 399], связывают с тем историческим фактом, что «татарский хан Мамай совершил в XIV в. опустошительное нашествие на Русь. В 1380 г. был разгромлен русскими в Куликовской битве» [4, с. 399].

Выражение *Мамаево нашествие*, как и *Мамаево побоище*, тоже вначале употреблялось в прямом значении – по отношению к опустошительному нашествию на Русь татаро-монгольских войск под предводительством Мамая.

Наименования врагов представлены и в устойчивых сравнениях, которые получают фиксацию в словарях. Так, в «Словарь сравнений русского языка» В.М. Мокиенко включены сравнения, в состав которых входят слова *Мамай, Мамаев, Наполеон, Чингисхан, Геббельс.* Рассмотрим эти сравнения подробнее.

«Как Мамай воевал (прошел). *Народн. Ирон*. О крайне большом беспорядке, неразберихе, хаосе, неприбранности где-л.» [14, с. 236].

«Словно Мамай с войной (со своей силой) шел. *Народн. Устар. Ирон*. То же, что Как Мамай воевал (прошел)» [14, с. 237].

«Как после [Мамаева] побоища. *Прост. Ирон*. О крайнем беспорядке, хаосе, полной неприбранности где-л.» [14, с. 323].

«Как Наполеон. Часто *Ирон*. 1. О человеке с диктаторскими наклонностями и манией величия. 2. О человеке с чрезвычайно властолюбивыми замыслами» [14, с. 273].

«(*жестокий*) Как Чингисхан. *Книжн*. *Неодобр*. О жестоком, беспощадном и самовластном человеке» [14, с. 486].

«Врать как Геббельс. *Устар*. *Прост*. *Презр*. О бесстыдном, беспардонном лгуне, врале, обманщике. Й. Геббельс – один из главных фашистских преступников, идеолог расизма, насилия и захватнических войн. С 1933 г. он возглавлял пропагандистский аппарат фашистской Германии. Как оратор и политик-демагог не гнушался ложью, что и стало основой сравнения» [14, с. 79].

В «Большом толковом словаре русского языка» (гл. ред. С.А. Кузнецов) в статье *Мамай* зафиксировано устойчивое сравнение

ведешь себя, как Мамай, употребляющееся в значении «буйно, драчливо» [6, с. 518].

К имени *Тамарлан* в словаре синонимов З.Е. Александровой зафиксирован образный синоним (антропонимическая перифраза) *Железный хромец* [1, с. 566].

Таким образом, в различных лингвистических словарях русского языка (толковых, фразеологических, крылатых слов и выражений, коннотативных имен собственных, сравнений и др.) достаточно широко представлены составляющие персоносферы врага, которые в символическом значении широко употребляются как коннотонимы, прецедентные имена, апеллятивы, входят в состав фразеологизмов, устойчивых сравнений, пословиц, поговорок, прецедентных высказываний. Всем этим языковым единицам свойственны, как правило, такие элементы коннотации, как отрицательная оценочность, экспрессивность, эмоциональность, стилистическая окраска (чаще всего сниженная), национально-культурный компонент. Многие языковые единицы, восходящие к номинациям врагов, стали эталонными для русского языкового сознания. Став частью лексической и фразеологической системы русского языка, следовательно, изменив, расширив значение, номинации врагов не перестали быть для общества отрицательными, предостерегающими примерами, с которыми в сознании носителей русского языка связаны антиценности.

Список цитируемой литературы:

1. Александрова, З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник: Ок. 11 000 синоним. Рядов / З.Е. Александрова. – 11-е изд., перераб. и доп. – Москва: Русский язык, 2001. – 568 с.

2. Ашукин, Н.С. Крылатые слова: Литературные цитаты; Образные выражения. – 4-е изд., доп. / Н.С. Ашукин, М.Г. Ашукина. – Москва: Художественная литература, 1987. – 528 с.

3. Берков, В.П. Большой словарь крылатых слов русского языка: Около 4000 единиц / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. – Москва: Издательство «Русские словари», ООО Издательство «Астрель», ООО Издательство «АСТ», 2000. – 624 с.

4. Бирих, А.К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. – Санкт-Петербург: Фолио-Пресс, 2001. – 704 с.

5. Большой академический словарь русского языка. Т. 9, 11. Гл. ред. К.С. Горбачевич. Научный координатор издания А.С. Герд. – Москва; Санкт-Петербург: Наука, 2007–2008.

6. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – Санкт-Петербург: «Норинт», 2000. – 1536 с.

7. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. – 4-е изд. – Москва: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2018. – 784 с.

8. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4 / В. Даль. – Москва: Русский язык, 1989–1991.

9. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 т. Т. 1 / Т.Ф. Ефремова. – Москва: Русский язык, 2000. – 1209 с.

10. Калинкин, В.М. Поэтика онима / В.М. Калинкин. – Донецк: Юго-Восток, 1999. – 408 с.

11. Крюкова, И.В. Аксиологическая коннотация имени собственного: динамический аспект / И.В. Крюкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12. – Вып. 10. – С. 261–266.

12. Крюкова, И.В. Коннотативные имена собственные постсоветского периода: методика коммуникативного описания / И.В. Крюкова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия Филология и искусствоведение. – 2021. – №2. – С. 43–53. Doi: 10.53598 / 2410-3489-2021-2-277-43-53

13. Михельсон, М.И. Толковый словарь иностранных слов, пословиц и поговорок / М.И. Михельсон. – Москва: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2006. – 1119 с.

14. Мокиенко, В.М. Словарь сравнений русского языка / В.М. Мокиенко. – Санкт-Петербург: «Норинт», 2003. – 608 с.

15. Мокиенко, В.М. Школьный словарь крылатых выражений Пушкина / В.М. Мокиенко, К.П. Сидоренко. – Санкт-Петербург: Нева, 2005. – 800 с.

16. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. 20-е изд., стереотип. / С.И. Ожегов. – Москва: Русский язык, 1988. – 750 с.

17. Отин, Е.С. Словарь коннотативных собственных имен / Е.С. Отин. – Москва-Донецк: ООО «А Темп», 2006. – 440 с.

18. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. В 2-х т. – Москва: Художественная литература, 1989.

19. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева и др. – Москва: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 784 с.

20. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. Т. 2. – Москва: Русский язык, 1982. – 736 с.

21. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. – Москва: Издательский центр «Азбуковник», 2007. – 1175 с.

22. Фёдоров, А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц / А.И. Фёдоров. – 3-е изд., испр. – Москва: Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.

23. Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4000 словарных статей / Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров; Под ред. А.И. Молоткова. 4-е изд., стереотип. – Москва: Русский язык, 1986. – 543 с.

24. Хазагеров, Г. Персоносфера русской культуры / Г. Хазагеров // Новый мир. – 2002. – №1 (921). – С. 133–145.

25. Хазагеров, Г.Г. Персоносфера университета: функции и культивирование / Г.Г. Хазагеров, Т.В. Ульянова // Научная мысль Кавказа. – 2015. – №1. – С. 127–131.

26. Шулежкова, С.Г. «И жизнь, и слёзы, и любовь…» Происхождение, значение, судьба 1500 крылатых выражений русского языка / С.Г. Шулежкова. – Москва: Флинта: Наука, 2011. – 848 с.

Попова Е.А., д-р филол. наук, профессор
Диентин Чиаз Гвладис (Камерун), магистрант
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»
г. Липецк, Россия

СОСТАВЛЯЮЩИЕ ОБРАЗА РУССКОГО МИРА В ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОМ СЛОВАРЕ «РОССИЯ» И ВОЗМОЖНОСТИ ЭТОГО СЛОВАРЯ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

Аннотация

Статья посвящена репрезентантам образа Русского мира в лингвострановедческом словаре «Россия». Единицами словаря являются: 1) слова и словосочетания, называющие факты, явления природы, национальной истории и культуры; 2) имена собственные (топонимы и антропонимы), образующие русскую топосферу и персоносферу; 3) названия общеизвестных литературных произведений, произведений изобразительного искусства, музыки, театра, кино, представляющих собой вербальные и невербальные национально-прецедентные

тексты. Все единицы словаря обладают словесно выраженным культурным фоном. Особое внимание авторов обращено на возможности использования словаря (как традиционного словаря-книги, так и мультимедийной версии) для изучения русского языка и культуры носителями языка и иностранцами. На примере статьи, посвященной В.И. Далю, проанализированы интерактивные задания, которые приводятся в мультимедийном лингвострановедческом словаре «Россия». Делается вывод о том, что лингвострановедческий словарь «Россия», как и «Толковый словарь живого великорусского языка» В. Даля, является словарем русской ментальности, в котором достаточно полно представлен лингвоментальный портрет представителей русской нации, отражены составляющие Русского мира.

Ключевые слова: Русский мир; лингвоментальный портрет; ментальность; «Россия. Большой лингвострановедческий словарь»; единицы словаря; словесно выраженный культурный фон; мультимедийный словарь, интерактивные задания; словарь русской ментальности.

В последние годы внимание исследователей в различных областях социально-гуманитарного знания, в том числе филологов, все чаще обращается к понятию «Русский мир». Русский мир – это социокультурная общность нового типа, способная сохранять и развивать собственную идентичность, а также исполнять роль «мягкой силы» Российской Федерации на мировой арене, формируя благоприятный образ России и русской нации посредством трансляции ценностей русской культуры. По этой причине Русский мир сегодня выступает стратегической целью при формулировании целей и задач государственной культурной политики России. Важными элементами, формирующими «мягкую силу», считаются культура, ценности нации, ее идеология. Все эти элементы так или иначе связаны с русским языком, не могут существовать без него. Русская Православная Церковь предлагает определение Русского мира как общего цивилизационного пространства на территории исторической Руси, основанного на трех столпах: православии, русской культуре и русском языке [1, с. 284, 288].

Русский мир, по мнению современных ученых, представляя собой «страну-цивилизацию» и «культурно-историческую общность» нового типа, невозможен без русского народа, русского языка и православия, но, находясь в стадии активного развития, он шире понятия «православный мир». Приоритетной целью Русского мира является развитие общероссийской гражданской и духовно-нравственной идентичности, которая является идентичностью многонационального и многоконфессионального народа [8, с. 63].

Цель данной статьи – рассмотреть составляющие образа Русского мира, своего рода лингвоментальный портрет носителей русского языка на материале уникального лексикографического труда «Россия. Большой лингвострановедческий словарь» [5] и его мультимедийной версии [3], а также возможности этого словаря для изучения русского языка и культуры.

Как сказано в аннотации к словарю, в нем авторы показали, что лежит в основе духовного единства русских, особенности русского менталитета. Авторы по-новому подошли к проблеме отбора единиц словаря. В предисловии, в частности, отмечается: «Право входить в словник лингвострановедческого словаря получили единицы языка, которые обладают национально-культурным фоном, то есть некоторым набором дополнительных сведений и ассоциаций, связанных с национальной историей и культурой и известных всем русским. Причем национально-культурный фон языковой единицы обязательно включает общеизвестные слова и выражения» [7, с. IV], т.е. все единицы, вошедшие в словарь, обладают словесно выраженным культурным фоном, что проявляется во фразеологизмах, устойчивых сравнениях, крылатых словах и выражениях, пословицах и поговорках, в состав которых входят единицы словаря, а также в образованных от них производных (*барин – барский; береза – подберезовик; Блокада Ленинграда – блокадник; богатырь – богатырский; С.М. Будённый – будёновка; голубь – голубка, голубушка, голубок, голубчик, приголубить; зима – зимовье, озимые, зимовать, перезимовать* и т.д.).

В качестве единиц словаря выделены: 1) слова и словосочетания, называющие факты, явления природы, национальной истории и культуры (*Крещение Руси, Великая Отечественная война, русский язык, православие, Пасха, двунадесятые праздники, кириллица, храм, монастырь, береза, каша, печь, поле, пирог, хлеб* и др.); 2) имена собственные: а) топонимы (*Волга, Москва, Петербург (Санкт-Петербург), Великий Новгород, Байкал, Русская равнина, Сибирь, Кавказ, Белое море* и др.), 2) антропонимы, к которым относятся имена как реальных людей – исторических личностей, государственных деятелей, ученых, писателей и др. (*Владимир Красное Солнышко, Кирилл и Мефодий, Александр Невский, Сергий Радонежский, Пётр I, М.В. Ломоносов, А.С. Пушкин, В.И. Даль, И.А. Крылов, Л.Н. Толстой, Д.И. Менделеев, Ю.А. Гагарин* и др.), так и мифических, фольклорных, литературных персонажей (*Баба-Яга, Айболит, Кощей Бессмертный, Василиса Прекрасная (Василиса Премудрая), Наташа Ростова, Татьяна Ларина, Обломов* и др.); 3) названия общеизвестных литературных произведений, произведений изобразительного искусства, музыки, театра, кино

(*«Евгений Онегин», «Война и мир», «Мертвые души», «Катюша», «Священная война», «Явление Христа народу», «Алёнушка», «Богатыри», «Девятый вал», «Лебединое озеро», «Александр Невский», «Золушка»* и др.). Вторая группа единиц словаря образует русскую топосферу и персоносферу, третья представляет собой вербальные и невербальные национально-прецедентные тексты. Прецедентные тексты русской культуры, по замыслу авторов, являются основой этого словаря. Уже из приведенных примеров видно, что в словаре много словарных статей, в которых представлена информация о русской духовной и материальной культуре, ее истоках, прежде всего, православии. Все единицы словаря являются репрезентантами образа Русского мира.

Поскольку в словник этого словаря вошли единицы языка, обладающие национально-культурным фоном, известные всем русским, во многих словарных статьях отмечается символичность, эталонность реалий, стоящих за заголовочным словом или словосочетанием, для сознания русского человека, что подчеркивают такие слова и словосочетания, как *символ (Родины, России; русской воинской славы; государственности России); эталон (русской народной песни; для людей разных поколений, профессий, уровня образования); образец (военной тактики и стратегии); вершина (русской культуры); высшая ценность бытия* и под. Использование заголовочного слова в качестве символа чего-либо является одним из компонентов словарной статьи [см. 7, с. VII]. Рассмотрим несколько примеров таких языковых единиц, относящихся ко всем трем группам.

Так, в статье, посвященной князю Александру Невскому, разгромившему с небольшой дружиной многочисленное войско шведов на реке Неве (1240 г.) и победившему немецких рыцарей-крестоносцев на Чудском озере (1242 г.), т.е. отстоявшему независимость Руси в XIII в., сказано, что в народном сознании этот князь воспринимается как «идеальный князь-воин, защитник Русской земли от внешних врагов» [5, с. 14]. Подобным образом охарактеризован и князь Дмитрий Донской, герой Куликовской битвы (статья «Дмитрий Донской»): «Имя Дмитрия Донского за несколько столетий стало символом русской воинской славы» [5, с. 170]. Следует отметить, что в обоих статьях обращается внимание на то, что эти князья являются святыми Русской Православной Церкви [см. 5, с. 13, 169]. О Ледовом побоище – решающем сражении на льду Чудского озера 5 апреля 1242 г. между русскими войсками под предводительством князя Александра Невского и немецкими рыцарями-крестоносцами Ливонского ордена (статья «Ледовое побоище») – сказано, что «Ледовое побоище вошло в историю России как образец военной тактики и стратегии» [5, с. 317].

В статье об А.С. Пушкине, великом русском писателе, родоначальнике новой русской литературы, создателе русского литературного языка, отмечается, что «в России Пушкин считается вершиной русской культуры, безусловным авторитетом и эталоном для людей разных поколений, профессий, уровня образования» [5, с. 457].

В статье, посвященной великой русской реке Волге, являющейся одной из крупнейших рек земного шара и самой большой рекой в Европе, обращается внимание на то, что Волга – это один из символов России: «В русском культурно-историческом сознании Волга существует как символ России, в народе ее называют *Волга-матушка*» [5, с. 109]. В статье о Московском Кремле он охарактеризован как «символ государственности России» [5, с. 374].

В статье «Русская равнина», посвященной одной из крупнейших равнин планеты, которая занимает бóльшую часть Восточной Европы и на которой расположена почти вся европейская часть России, представлена важная информация не только о географическом объекте, названном этим топонимом, но и о связанных с ним особенностях русского национального характера, русской истории и культуры, природе Русской равнины как символе России: «Особенность ландшафта Русской равнины составляет то, что традиционно называется русской природой, – просторные поля, могучие леса, широкие реки. <…> По Русской равнине протекает множество рек, в том числе и великая русская река Волга. <…> С жизнью на широкой равнине некоторые ученые-этнографы связывают своеобразие русского национального характера, в частности – такие его качества, как широта души. <…>

На Русской равнине проходила вся история русского государства, от Древней Руси до наших дней. На ее полях происходили основные сражения всех войн, которые когда-либо вела Россия, борясь с захватчиками.

Русская равнина вдохновляла художников и поэтов России. Стали хрестоматийными поэтические описания ее природы в произведениях русских классиков – А.С. Пушкина, Ф.И. Тютчева, А.А. Фета, С.А. Есенина, Б.Л. Пастернака, А.Т. Твардовского. Художники писали ее пейзажи: “Золотая осень” и “Над вечным покоем” И.И. Левитана, “Долина Оки” и “Ранний снег” В.Д. Поленова, “Березовая роща” И.И. Шишкина. В русских народных песнях природа Русской равнины предстает как символ Родины, России <…>» [5, с. 478–479].

Символичны для русского культурного сознания также реалии, стоящие за словами *хлеб, береза, поле*. Так, в статье «Хлеб» отмечается, что в России это «один из основных продуктов питания. <...> Наличие хлеба в доме и на столе считается обязательным. <...> В нацио-

нально-культурном сознании русских хлеб относится к высшим ценностям бытия. Он используется в некоторых православных христианских обрядах, осмысляется как дар Божий или даже образ самого божества. Считается большим грехом выбрасывать хлеб» [5, с. 591–592]. Береза, являясь одним из самых распространенных деревьев на территории России, стала ее символом: «В самом широком смысле береза – символ России» [5, с. 53]. В статье «Поле» говорится о том, что «русское поле – один из основных образов-символов русского искусства. Он проходит через всю классическую русскую литературу» [5, с. 444].

Русская народная песня «Калинка» в одноименной статье охарактеризована как «своего рода эталон русской народной песни» [5, с. 246], а патриотическая песня «Священная война», написанная в июне 1941 г., через три дня после начала Великой Отечественной войны (авторы – поэт В.И. Лебедев-Кумач, композитор А.В. Александров), – как «музыкальный символ борьбы советского народа с фашизмом» [5, с. 94, 502]. Об этой песне говорится не только в одноименной статье, но и в статье, посвященной Великой Отечественной войне.

В статье «Русские» большое внимание уделяется факторам, сформировавшим менталитет народа, категориям русского менталитета и их проявлению: «Особенности исторического существования русских в течение тысячелетия сформировали менталитет народа. Тяжелые природно-климатические условия жизни были причиной слабости крестьянских (см. крестьянин) хозяйств. Это укрепляло роль крестьянской общины и способствовало росту общинного сознания, облегчившего в XX в. распространение в России идей социализма и коммунизма. Общинное сознание русских тесно связано с такой важной категорией русского менталитета, как соборность – духовное единение людей непосредственно друг с другом вне зависимости от государственных структур. Это качество русских особенно ярко проявлялось в годы исторических испытаний (см. Смута, Отечественная война 1812 г., Великая Отечественная война)» [5, с. 480].

Духовное единство представителей русской нации во многом определяется традиционными духовно-нравственными ценностями, к числу которых относятся патриотизм, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, гражданственность, историческая память и преемственность поколений, крепкая семья, милосердие, созидательный труд, приоритет духовного над материальным и др. (подробнее см. в Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. [9]). Как сказано в Указе, «особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей принадлежит православию» [9]. Информация об этих ценностях отражена во многих статьях словаря. Так, о патриотизме, служении Оте-

честву и ответственности за его судьбу говорится в статьях, в заглавие которых вынесены антропонимы, являющиеся именами выдающихся русских полководцев, национальных и литературных героев (*Александр Невский, Дмитрий Донской, М.И. Кутузов, А.В. Суворов, П.С. Нахимов, Иван Сусанин, Василий Тёркин* и др.); топонимы – названия городов и рек, связанных с решающими сражениями в истории России (*Волгоград, Смоленск, Дон* и др.); крупнейшие события национальной истории (*Великая Отечественная война, Отечественная война 1812 г., Бородино, Куликовская битва, Ледовое побоище, Курская битва, Битва за Москву, Блокада Ленинграда, Сталинградская битва* и др.); названия общеизвестных литературных произведений, произведений живописи, музыки, кино (*«Александр Невский», «Священная война», «День Победы», «Война и мир», «Василий Тёркин», «Богатыри», «Белорусский вокзал»* и др.); названия государственных праздников *(День Победы, День защитников Отечества, День народного единства);* национальные реалии (*армия, богатырь, казак* и др.).

Во многих статьях словаря говорится о православии: *«Крещение Руси», «Православие», «Богородица», «Владимир Красное Солнышко», «Сергий Радонежский», «Георгий Победоносец», «Пасха», «Рождество Христово», «Крещение Господне», «Двунадесятые праздники», «Исаакиевский собор», «Храм Василия Блаженного», «Крещение», «Храм», «Монастырь», «Церковь», «Собор», «Икона», «Иконопись», «Крест», «Пост»,* и др. Эти статьи посвящены Богородице, самым почитаемым Русской Православной Церковью святым, историческим событиям, важнейшим православным праздникам, крупнейшим православным храмам (это имена собственные (онимы) различных разрядов: агионимы, хрононимы, эортонимы, экклезионимы и др.), а также русским реалиям, связанным с православной верой.

Например, в конце статьи «Православие» отмечается: «Верующие христиане, придерживающиеся православия, называются *православными*. Слово *православные* активно использовалось в старой России как публичное обращение к простому народу» [5, с. 450].

В статье «Пасха» сказано, что «у православных Пасха считается *праздником праздников*, главным событием года» [5, с. 420]. «В праздник Пасхи и всю пасхальную неделю православные русские люди приветствуют при встрече друг друга словами: “*Христос воскресе!*”, отвечая: “*Воистину воскресе!*”. После этого полагается трижды поцеловать друг друга в щеки – *похристосоваться*» [5, с. 420].

Этноним *русские* в одноименной статье авторы словаря дают такое определение: «Крупнейший этнос славянской группы, индоевропейской языковой семьи. Говорят на русском языке. Русский алфавит – ва-

риант кириллицы. В современной России русские составляют бóльшую часть – свыше 120 млн. (или около 82%) населения страны. Большинство верующих – православные (см. православие) христиане» [5, с. 479]. В этом определении обращается внимание на такие важнейшие признаки этноса, как язык, письменность, конфессиональная принадлежность.

Лингвострановедческий словарь «Россия» может использоваться при изучении русского языка как его носителями (например, к этому словарю обращались авторы учебно-методического пособия «Отечества достойные сыны…», представляющего собой банк заданий по формированию российской гражданской идентичности обучающихся на основе отечественной персоносферы и адресованного широкому кругу читателей: образовательным и научным организациям, практикующим учителям предметов гуманитарного цикла, исследователям, преподавателям вузов и обучающимся – студентам и школьникам [4, с. 10–14]), так и иностранцами. Этим целям служит не только традиционный словарь-книга, но и мультимедийная версия словаря [3], представляющая собой инновационный проект Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина. Этот мультимедийный учебный ресурс адресован преподавателям и обучающимся: иностранцам, изучающим РКИ (А1-С2), и российским школьникам. О мультимедийном лингвострановедческом словаре «Россия» на соответствующем сайте сказано: «Словарь не имеет аналогов в отечественной и мировой учебной лексикографии, в том числе и среди электронных словарей, представленных сегодня в сети Интернет.

Словарь “Россия” – практическая реализация концепции лингвострановедческой лексикографии, созданной академиком В.Г. Костомаровым и ведущими учеными института (имеется в виду Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина. – Е.П., Г.Д.) Е.М. Верещагиным и В.В. Морковкиным в 70-е годы XX века.

Словарь адресован зарубежным преподавателям РКИ и изучающим русский язык как иностранный. Он также может быть полезен учителям российских школ и их ученикам – тем, кто хочет больше знать о русском языке и его связи с русской культурой.

Главная цель словаря – помочь изучающим русский язык в усвоении слов и выражений, обладающих национально-культурным компонентом семантики, и сформировать их культуроведческую компетенцию.

Словарь создан на базе книжных версий Большого лингвострановедческого словаря “Россия” (2007–2009 гг.) и дополнен мультимедийным контентом: вербальными текстами различных жанров, репродукциями, фотографиями, аудиозаписями, видеофрагментами, панорамами, караоке, интерактивными заданиями.

Большая часть статей словаря представлена на двух или трёх уровнях сложности – от А1-А2 до уровня С1-С2» [3].

В настоящее время словарь содержит 1096 статей (А1-С2), 5353 мультимедийных иллюстрации, 539 интерактивных заданий (А2-С2).

Материалы в словаре распределены по следующим категориям: *География страны; Города; Государственные институты; Домашние животные; Единицы измерения; Изобразительное искусство; История страны; Календарь, праздники, обряды; Русская кухня; Литературные персонажи; Народное искусство; Наука и образование; Музыкальное искусство; Поле, сад, огород; Религия; Русский язык; Социальные слои; Театр и кино; Традиционный быт; Фауна; Флора; Фольклор; Художественная литература*.

В мультимедийной версии словаря большой интерес для изучения русского языка и культуры представляют интерактивные задания, отсутствующие в словаре-книге. Поскольку «связь языка и культуры проявляется в языке, начиная с фонетики и заканчивая текстом» [6, с. 84], все задания в словаре делятся на такие группы: *Лексика, Словообразование, Фразеология, Афористика, Стилистика, Этикет, Прецедентные феномены*. Обратимся к нескольким примерам интерактивных заданий.

Так, в статье «Даль В.И.» (тематика «Русский язык / История страны») есть задания на усвоение прецедентных феноменов и афористики. В заданиях, относящихся к разделу «Прецедентные феномены» (В1-С2), вначале предлагается выбрать период в истории России, когда жил В.И. Даль (правильный ответ – Российская империя (1721–1917)). В задании №2 надо ответить на вопрос «Как называется результат 40-летнего труда В.И. Даля»? На выбор предлагаются следующие названия: *Толковый словарь живого великорусского языка* (правильный ответ); *Периодическая система химических элементов; Теория сценического искусства; Основы русского научного языка; Музей русского искусства; История древнерусской литературы.*

Задание №3 предполагает ответ на вопрос «Как вы думаете, какие из высказываний принадлежат В.И. Далю?»

1) Жизнь дана на радость, но ее надо уметь отстоять, поэтому истинное назначение человека – борьба за правду и справедливость, борьба со всем, что лишает людской радости.

2) Не может русский человек быть счастлив в одиночку, ему нужно участие окружающих, а без этого он не будет счастлив.

3) С языком шутить нельзя: словесная речь человека – это видимая связь, звено между душой и телом, духом и плотью.

4) Капиталом является только та часть богатства, которая обра-

щена на промышленность и производство, но не на спекуляцию и перепродажу.

5) Только то государство сильно и крепко, которое свято хранит заветы своего прошлого.

6) Спасение России в том, чтобы талантливые ее люди друг другу не мешали, а помогали бы друг другу.

После того, как учащийся сделал правильный выбор (это высказывания 1–3), на экране появляются высказывания, принадлежащие В. Далю, его портрет и памятник словарю В.И. Даля в Оренбурге 2019 г.

В разделе «Афористика» предлагаются задания на знание пословиц русского народа (В1–С2), поскольку Даль является автором не только «Толкового словаря живого великорусского языка», но и самого известного сборника русских пословиц. Задание звучит так: «В русских пословицах и поговорках, как и у других народов, утверждаются житейская мудрость, веками установленные нормы поведения, традиционные ценности. В пословицах часто используются образы животных, которые в национальной картине мира ассоциируются с теми или иными качествами человека. Восстановите русские пословицы, соединив их части парным выбором».

Слева расположены первые части пословиц: *Как волка ни корми, ...; Отольются волку...; Не всё коту – ...; Дарёному коню...; За двумя зайцами погонишься, ...; Делить шкуру...; Знает кошка, ...*

Справа – вторые части пословиц: *масленица; чьё мясо съела; в зубы не смотрят; он всё в лес смотрит; ни одного не поймаешь; овечьи слёзки; неубитого медведя*.

В результате соединения двух частей должны получиться пословицы: *Как волка ни корми, он всё в лес смотрит; Отольются волку овечьи слёзки; Делить шкуру неубитого медведя; Не всё коту – масленица; Знает кошка, чьё мясо съела; Дарёному коню в зубы не смотрят; За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь.*

Далее идет задание: «В русских пословицах и поговорках, как и у других народов, утверждаются житейская мудрость, веками установленные нормы поведения, традиционные ценности. В пословицах часто используются образы животных, которые в национальной картине мира ассоциируются с теми или иными качествами человека. Восстановите русские пословицы, соединив их части парным выбором».

Слева располагаются первые части пословиц: *Посади свинью за стол, ...; Убить двух...; Медведь...; Разбирается...; Старый конь – ...; Кот...; Кошке – игрушки, ...*

Справа: *она и ноги на стол; зайцев; на ухо наступил; как свинья в апельсинах; борозды не испортит; в мешке; а мышке – слёзки*.

Должны получиться пословицы: *Разбирается как свинья в апельсинах; Убить двух зайцев; Медведь на ухо наступил; Старый конь – борозды не испортит; Кот в мешке; Кошке – игрушки, а мышке – слёзки; Посади свинью за стол, она и ноги на стол*.

Следующий вопрос «Когда можно употребить эти пословицы? Выберите для пословицы подходящую ситуацию». Правильные ответы мы выделили.

За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь.

Так говорят о человеке, который обнаружил свои настоящие привязанности, несмотря на чье-то желание изменить их.

Когда человек берется сразу за несколько дел, то не доведет до конца ни одного.

Убить двух зайцев.

Выполнить одновременно два разных дела или одним поступком достичь двух различных целей.

Так говорят, когда кто-то начинает распределять доход еще до завершения работы.

Отольются волку овечьи слёзки.

Пословица употребляется, если нужно напомнить о неминуемом наказании за зло, причиненное слабому.

Говорят, когда развлечение или действие сильного человека причиняет страдание, вред или убытки слабому.

Делить шкуру неубитого медведя.

Нельзя всё время жить беззаботно, однажды придут трудности и заботы.

Так говорят, когда кто-то начинает распределять доход еще до завершения работы.

Посади свинью за стол, она и ноги на стол.

Так говорят, когда кто-то начинает распределять доход еще до завершения работы.

Так говорят о непорядочном, бесцеремонном, хамском поведении по отношению к кому-либо.

С этой точки зрения анализируется каждая пословица.

В мультимедийной версии словаря во многих статьях есть медиатека, в которой представлены тексты, репродукции, фотографии, аудиозаписи, караоке, видеосюжеты, а также интерактивные уроки (например, в статьях о Пушкине, Лермонтове, Тургеневе, России, русском языке, Рождестве Христовом, зиме и др.).

В.В. Колесов назвал «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля ментальным (словарем русской ментальности) [2]. Словарем русской ментальности является и лингвострановедческий

словарь «Россия», словарные статьи которого не только знакомят читателей со славной историей России, ее великой культурой, географией, ценностями и традиционным бытом, но и дают возможность понять особенности русского менталитета, национальной ментальности, русского характера, то, на чем основано духовное единство русских – «крупнейшего этноса славянской группы» [5, с. 479], «подавляющего большинства населения страны» [5, с. 480]. В этом словаре достаточно полно представлен лингвоментальный портрет представителей русской нации, главные составляющие образа Русского мира.

Список цитируемой литературы:

1. Козловцева, Н.А. «Русский мир» как теоретическое понятие в современном социально-гуманитарном знании / Н.А. Козловцева // Обсерватория культуры. – 2017. – Т. 14, № 3. – С. 284–292.

2. Колесов, В.В. Ментальный словарь Владимира Даля / В.В. Колесов // Учёные записки Казанского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. – 2010. – Т. 152, кн. 2. – С.223–229.

3. Лингвострановедческий словарь «Россия» [Электронный ресурс]. – URL:https://ls.pushkininstitute.ru/lsslovar/?title=Тематический_указатель:Перечень_тематик (дата обращения: 10.04.2026).

4. «Отечества достойные сыны…»: банк заданий по формированию российской гражданской идентичности обучающихся на основе отечественной персоносферы (на материале текстов разного вида): учебно-методическое пособие / Под ред. Е.А. Поповой, Т.В. Гончаровой, Л.П. Плехановой. – Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2025. – 213 с.

5. Россия. Большой лингвострановедческий словарь: 2000 реалий истории, культуры, природы, быта и др. / под общ. ред. Ю.Е. Прохорова. – Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. – 736 с.

6. Ростова, Е.Г. Интерактивные задания на уроках русского языка и культуры: работа с мультимедийным лингвострановедческим словарём «Россия» / Е.Г. Ростова, А.А. Залетаева // Педагогический журнал Башкортостана. – 2016. – №5(66). – С. 82–86.

7. Ростова, Е.Г. Предисловие / Е.Г. Ростова // Россия. Большой лингвострановедческий словарь: 2000 реалий истории, культуры, природы, быта и др. / под общ. ред. Ю.Е. Прохорова. – Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. – С. IV–VIII.

8. Тихонова, В.А. «Русский мир» как «страна-цивилизация» и ее идентичность / В.А. Тихонова // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2024. – №3 (119). – С. 63–67. http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-63-67

9. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс]. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019?index=3 (дата обращения: 12.04.2026).

Раина О.В., канд. филол. наук, доцент
Хмелевский М.С., канд. филол. наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Россия

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ГИДРОНИМОВ В КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ СЛАВЯН (НА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И СЕРБСКОГО ЯЗЫКОВ)

Аннотация

Гидронимы являются не только географическими терминами; наиболее значимые из них концептуализировались, став частью культуры и менталитета тех или иных народов, в частности, рассматриваемых славянских. Как следствие, это отразилось и в языке в качестве эпитетов и метафор, напр.: рус. *Волга-матушка; Волга – длинная, а Днепр широкий, Дон тихий, великий, казачий; город на Неве,* серб. *plavi Dunav,* укр. *Дніпро могучий, ревучий*. В статье рассматриваются наиболее иллюстративные примеры употребления гидронимов в общеславянской картине мира.

Ключевые слова: гидронимы; картина мира; фразеологизмы; концептуализация; славянские языки; эпитет; культурология.

Названия рек из сугубо географических понятий, как уникальное экстралингвистическое явление, концептуализировались во многих языках, в том числе и славянских. Объектом данного исследования являются потамонимы (т.е. название рек), ставшие частью этнокультуры разных славянских народов. Этнокультурное локальное и мировоззренческое восприятие потамонимов в сознании того или иного народа бесспорно отразилось в языке, в частности, в метафорике и фразеологии. В основе их метафорического переосмысления лежат реальные характеристики тех или иных особо значимых для разных народов речных объек-

тов (параметры, особенности устья, течения, русла, прозрачность воды и пр.), а также культурологический фон, обусловленный значимостью водных артерий в историческом, мировоззренческом и фактическом восприятии окружающего. Процесс концептуализации отразился и в языке в экспрессивно-выразительных фразеологических единицах (ФЕ).

Так, например, одной из наиболее известной и широкоупотребительной интернациональной единицей можно считать ФЕ *перейти Рубикон* – ‘совершить важный и решительный поступок, определяющий дальнейшие события, изменяющий жизнь кого-либо’. Ставшая крылатой, эта фраза имеет историко-культурологический фундамент возникновения. Она связана с названием реки Рубикон, служившей границей между Умбрией и Цизальпинской Галлией, которую в 49 году до н.э. перешел, вопреки воле римского сената, Юлий Цезарь со своими легионами, что послужило началом гражданской войны и привело после захвата Цезарем Рима к установлению в Риме империи [1, с. 45–79].

Иносказательно реку Лета во фразеологических устойчивых сочетаниях встречаем в значении ‘река забвения’ – *кануть в Лету*, т.е. 1) ‘бесследно и навсегда исчезнуть, уйти в небытие (о человеке)’; 2) ‘быть навсегда забытым, преданным забвению’ [5, с. 358].

Названия рек, озер и морей в русской культуре (и, соответственно, как ее отражение, в языке) нередко фразеологизируются благодаря «прецедентности»: упоминанию в различных произведениях искусства, в первую очередь – в музыке, песнях, а также кинематографе и литературе, т.е. в концептуально узнаваемых и нередко цитируемых в народной речи текстах, фразах, эпитетах. Гидронимы, или точнее – потамонимы часто становятся этнокультурными доминантами, национальными стереотипами, культурологическими феноменами в самом широком смысле и неотъемлемой частью внутриэтнической картины мира. Примечательна и показательна зафиксированная В. Далем пословица, отражающая отношение к наиболее важным и почитаемым рекам: *Волга – матушка – глубокая, раздольная, разгульная. Днепр – быстрый, широкий. Дон Иванович – тихий, золотой. Дунай Иванович, Прут, Днестр, Неман – порубежные. Урал – золотое дно, серебряна покрышка* [3].

Говоря о русской культуре и национально-специфических стереотипах, главным «маркером» в рамках рассматриваемой темы выступает гидроним *Волга* как символ главной русской реки, овеянной эпитетами и метафорами в национальном сознании. Не случайно, что с этим названием связано большое количество различных прецедентных феноменов, среди прочих назовем: «*Волга-Волга*» (фильм), «*Бурлаки на Волге*» (картина И. Репина), «*Волга, Волга, мать родная*» (ставшие прецедентным текстом слова из популярной народной песни), «*Издалека долго течет*

река Волга» и многие другие, которые цитируются и обыгрываются в современной разговорной речи. Узнаваемость песенных строк и их культурологическая концептуализация в сознании носителя языка также позволяет авторам использовать их для характеристики своих героев.

Весьма широко *Волга* представлена во фразеологии и паремиологии, но в отличие от прецедентных феноменов фразеологические и паремиологические единицы в современном языковом узусе находятся, скорее, уже на периферии словоупотребления. Это касается ФЕ со структурой сравнения: *как Волга* ‘о жизнерадостном, быстром и веселом человеке’; *льётся беда как Волги вода* ‘Беды следуют одна за другой, постоянно’ [6, с. 108]. Цитатную основу имеет ФЕ *Волга впадает в Каспийское море*, которая употребляется в значении ‘о банальной истине’ [6, с. 95]. Словарь В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной также фиксирует ФЕ *из Волги приехать* – арест., угол. ‘самовольно вернуться из колонии’; *От Волги до Комы все знакомы* в значении ‘здесь все друг друга знают’ [6, с. 97].

Роль Волги в русской культуре красноречиво отражает пословица, ставшая на сегодня фольклоризмом-историзмом: *Волга – всем рекам мать*. Здесь же упомянем и пословицы *Волга любит смелых да умелых* [9, с. 64]; *Волга – плыть долго, а Дунай – широко. Видно, Дунай с Волгой не сольются*. Значимость реки для хозяйственной деятельности отмечают паремии *Матушка-Волга много народу кормит*; *Волга – лошадка добрая, все свезет* [9, с. 65].

Если для русских *Волга – матушка*, то один из батюшек в стереотипном представлении – *Дон*, который нередко образно-метафорически называют *Тихий* (не случайно название романа М. Шолохова изначально «прецедентно» благодаря фольклорной номинации). Кроме расхожих выражений *Дон-батюшка* и *Тихий Дон* в современном русском языке практически не встречается иных фразеологизмов и паремий с названием этой реки. Вспомним, например, ФЕ *нести и с Дона и с моря – разг. устар. шутл.-ирон.* ‘говорить ерунду, вздор’ [6, с. 196]. О значимости реки свидетельствует тот факт, что в словаре А.А. Барсова 1770 г. зафиксировано четыре исторически мотивированных паремии с этим потамонимом: *Вышелъ изъ полону, да поселился на Дону*; *Донъ хорошо, а дома лучше*; *Живетъ на Дону, оставя дома жену*; *Жилъ на дому, а очутилса на Дону* [10, с. 35; 59, с. 71], в то время как, например, с Волгой и Вяткой – по одной.

У В. Даля обнаруживаем пословицы *Долговать (должать) на Дону (на чужбине), закладывать жену*; *Кто не был за Доном, тот горя не знает*; *На Дону ни ткут, ни прядут, а хорошо ходят*; *Дон с Донцом – сын с отцом* [3]. Прецедентной можно считать и строку из

песни «*По Дону гуляет казак молодой*». Слова казачьей песни «*Уж ты Дон, ты наш Дон, Кормилец, наш батюшка, Дон Иванович*», которая обычному носителю русской культуры не слишком известна, иллюстрируют отношение русского народа к реке.

Среди наиболее значимых в русской (и шире – восточнославянской) культуре рек, несомненно, находится и *Днепр*, объединяющий русскую и украинскую культуру в мировоззренческом и, как следствие, языковом сознании во многом благодаря творчеству Н.В. Гоголя и Т.Г. Шевченко. Название реки является знаковым и в русской лингвокультуре, а цитаты Гоголя «*редкая птица долетит до середины Днепра*», а также «*чуден Днепр при тихой погоде*» и Т. Шевченко укр. «*Реве та стогне Дніпр широкий*», которые хорошо узнаваемы и часто цитируются в русской культуре.

К своеобразным «лингвокультурологическим лидерам», описанным выше, приближаются и сибирские реки. Крылатым стало название песни «От Волги до Енисея» на слова А. Шаганова, подчеркивающее просторы страны: «Рассея, моя Рассея – *От Волги и до Енисея*». Однако в «чистой» фразеологии названия сибирских рек не так частотны: *перекрывать Енисей* ‘делать что-л. бесполезное, напрасное’. Фраза из песни Ю. Визбора, популярной в 60-е гг., о грандиозных советских проектах: «… Зато мы делаем ракеты – Перекрываем Енисей,.. А также в области балета / Мы впереди планеты всей» [6, с. 223]; как и в случае с Доном, Енисей называют перифрастически батюшкой: *Енисей-батюшка*.

Река *Нева*, в свою очередь, отражена в перифрастическом названии Петербурга – *город на Неве*, что запечатлено в строке некогда популярной песни «*город над вольной Невой*».

Из «нерусских рек» в русской культуре, языке и сознании прецеденностью обладает река Лимпопо (река в Южной Африке), которая стала популярной благодаря сказке К.И. Чуковского «Доктор Айболит». Однако, пожалуй, самая известная – *Дунай* и широкоупотребительный стереотипный образ *голубой Дунай*, возникший на основе названия одного из наиболее известных вальсов австрийского композитора Иоганна Штрауса «На прекрасном голубом Дунае». Некоторые исследователи отмечают, что *Дунай* часто выступает как обобщенно-метафорическая номинация любой (крупной) реки: *Дунай* ‘о реке вообще’. В этой связи вспомним примеры из древнерусской литературы: *На Дунаи Ярославнынъ гласъ слышитъ, зегзицею незнаемь рано кычеть: Полечю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ…* В данных случаях Дунай, кроме собственного имени, имеет нарицательное значение всякой реки, и потому употребляется во множественном числе *Дунаи*: за реками за Дунаеми (как тавтологическое выражение) [7, с. 251].

С целью подчернуть универсальность метафоризации и фразеологизации гидронимов приведем ряд примеров из близкородственных южнославянских языков. Так, в сербском языке встречаем расхожую устойчивую единицу *исправљати криву Дрину* / *криве Дрине* – ‘пытаться делать что-л. невозможное, неосуществимое; тщетно пытаться исправить укоренившуюся несправедливость’, а также ‘решать очень сложные вопросы, на решение которых недостает сил и возможностей’, ‘сделать невозможное’ [8, с. 507]. По своей географической природе река Дрина, протекающая по территории центральной части славянских Балкан, действительно представляет собой извилистую водную артерию, что и стало образом для возникновения данного фразеологизма, который по своему значению аналогичен русскому *горбатого могила исправит*.

Сербский фразеологизм *бистар као Неретва* ‘прозрачный как Неретва’ (река в Боснии и Герцеговине) в переносном значении употребляется как «сообразительный, смекалистый, сметливый». Главная водная артерия в Северной Македонии Вардар стала прообразом для фразеологического компонента *бистар како матен Вардар* ‘о несообразительном, неинтеллигентном человеке’, поскольку в действительности эта горная река в весеннее время года превращается в бурный грязевой поток, а также выступает в качестве компонентов в аналогичных по звучанию сербских и македонских ФЕ в значении ‘об организации, вызывающей сомнение по какой-л. причине (условиям труда, возможным рискам, связанным с работой в ней, предоставляемым ею услугам’: серб. *мутан као Вардар,* синоним *мутан као Дунав* [2, с. 21; 4, с. 35].

В настоящем исследовании авторами статьи был представлен лишь краткий обзор гидронимов-потамонимов, представляющих не только локальную географическую значимость, но и их переосмысление в концептуалогическом сознании разных народов, что, как следствие, отразилось в языке, а именно – во фразеологии и этнокультурологии. Причины их переосмысления и метафоризации различны – это не только экстралингвистические, но и культурологические факторы, без осознания которых сложно проникнуть в глубь мировоззренческого мышления даже близкородственного народа.

Список цитируемой литературы:

1. Ашукин, Н.С. Крылатые слова / Н.С. Ашукин, М.Г. Ашукина. – М.: Правда, 1986. – 766 с.

2. Велковска, С. Македонска фразеологија со мал фразеолошки речник / С. Велковска. – Скопје: С. Велковска, 2008. – 377 с.

3. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка / В. Даль. – М.: Изд. Общ-ва любителей Российской словесности, 1863.

4. Кузнецова, И.В. Балканские потамонимы в фразеологии стран бывшей Югославии / И.В. Кузнецова, М.С. Хмелевский // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2025. – № 3(128). – С.59–70.

5. Мокиенко, В.М., Большой словарь русских поговорок / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – М: Олма Медиа Групп. 2007. – 358 с.

6. Мокиенко, В.М. Большой словарь русских народных сравнений / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 800 с.

7. Перетц, В.Н. Адшуканьні і нагляданьні ў беларускай народнай творчасьці / В.Н. Перетц. – Зап. аддзелу гум. навук, кн. 2. Працы клясы філёлёгіі, Т. 1. – Менск, 1928. – 251 с.

8. Речник српскохрватскога књижевнога језика. – Књ. 2. – Нови Сад: Матица српска – Загреб: Матица хрватска, 1967. – 867 с.

9. Русские народные пословицы и поговорки / Сост. А.М. Жигулев. – Устинов: Удмуртия, 1986. – 512 с.

10. Собраніе 4291. древнихъ россійскихъ пословицъ. Печатаны при Имераторскомъ Московскомъ университетѣ 1770 года.

Усачева О.Ю., д-р филол. наук, доцент
Тепляшина Е.В., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал
г. Липецк, Россия

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ, ФУНКЦИОНИРУЮЩИЕ В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

Аннотация

В статье рассматриваются источники и особенности функционирования прецедентных высказываний, получивших широкое распространение в русскоязычном интернет-дискурсе 2010–2020-х годов. На материале десяти актуальных примеров выявлены такие каналы происхождения, как вирусные видео, стендапы, стримы, демотиваторы и публичные выступления, дополняющие традиционные источники, такие как кинофильмы и анекдоты. В процессе исследования было выявлено, что скорость вирализации данных единиц значительно возросла благодаря алгоритмам социальных сетей, однако продолжительность их активного

употребления варьируется и зависит от широты ситуативной применимости. Обращает на себя внимание и то, что сфера прецедентности рассмотренных высказываний является ограниченной рамками определенной социально-культурной общности – активных интернет-пользователей, в первую очередь пользователей социальных сетей.

Ключевые слова: прецедентные высказывания; интернет-дискурс; виральность; интернет-мемы.

Так называемая крылатика – выражения, ставшие крылатыми – издавна была присуща как народной речи (пословицы, поговорки, фольклор, фразеологизмы), так и речи образованных слоев населения (библейские, античные афоризмы, цитаты из литературных произведений, песен, анекдотов, авторские высказывания известных людей, кинофразы и т.д.). В лингвистической науке такие явления получили название прецедентных высказываний [ПВ]. ПВ выступает как частный случай прецедентных феноменов, в числе которых исследователями выделяются также прецедентные тексты, прецедентные ситуации, прецедентные имена [6].

Понятие прецедентного текста введено Ю.Н. Карауловым [4] и развито в работах Д.Б. Гудкова, И.В. Захаренко, В.В. Красных [5], Г.Г. Слышкина [7] и др. ученых. Изучение прецедентных феноменов – одно из ключевых направлений исследования в современной лингвистике. Прецедентные феномены обладают узнаваемостью и регулярной воспроизводимостью в речевой практике и выступают тем самым в качестве трансляторов смыслов, создающих основу для групповой и общенациональной лингвокультурной идентичности носителей языка.

Прецедентное высказывание – это воспроизводимая единица, известная широкому кругу носителей языка, используемая как отсылка к некоторому культурно значимому тексту или событию, обеспечивающая актуальное смыслопорождение на основе общеизвестного (всей языковой общности либо какой-то ее части) содержания.

Современная коммуникация также изобилует крылатыми выражениями, которые используются говорящими без прямой отсылки к первоисточнику. Однако сегодня наблюдается изменение состава источников ПФ, в том числе и ПВ: на смену «классическим» источникам прецедентности, названным выше, все чаще приходят новые, порожденные актуальной социокультурной ситуацией – реклама, СМИ, блоги и др. Изменилась и среда бытования ПФ: она расширилась за счет появления интернет-коммуникации и прежде всего – блогосферы и социальных сетей.

Такие единицы, как *«Денег нет, но вы держитесь»* или *«Окей, бумер»,* известны и понятны большинству русскоязычных пользовате-

лей Интернета, равно как и фразы, больше знакомые старшему поколению: *«Наша служба и опасна, и трудна»* или *«Москва слезам не верит»*. Однако если ПВ, происходящие из традиционных источников, достаточно хорошо изучены, то природа ПВ, бытующих в интернет-дискурсе, несмотря на имеющиеся исследования [1, 3, 9, 10, 11], все еще требует уточнения на конкретном материале.

Актуальность работы обусловлена тем, что цифровая коммуникационная среда, или интернет-дискурс, создает новые условия для происхождения и распространения ПВ, радикально меняя охват носителей языка, используя новые источники появления и каналы обмена, ускоряя процесс тиражирования (вирализации) в речевой практике интернет-пользователей.

Объект исследования – ПВ, получившие широкое распространение в русскоязычном интернет-дискурсе в 2010–2020-е годы. Предмет – происхождение, структурно-семантические, прагматические, контекстуальные параметры ПВ, степень и каналы виральности ПВ.

Цель работы – выявить источники, каналы распространения, скорость вирализации, семантику (включая семантическую трансформацию и коннотацию), жизненный цикл ПВ в интернет-дискурсе. Задачи:

- сформировать корпус анализируемых ПВ;
- описать происхождение и функционирование каждого ПВ;
- провести параметрический анализ каждого ПВ;
- интерпретировать полученные данные.

Наша гипотеза: ПВ, распространенные в интернет-дискурсе, имеют в определенной мере иное происхождение по сравнению с «традиционными» ПВ и различаются между собой по типу источника, что влияет на их долговечность и коннотативную семантику при использовании в интернет-дискурсе.

Изучение ПВ в среде Интернет предполагает обращение к понятию интернет-дискурса. В дискурсивных исследованиях под интернет-дискурсом понимается «комплекс речевых практик, локализованных в электронной компьютерной среде» [8, с. 40]. В развитие этого определения мы в наших работах понимаем интернет-дискурс как вербально-невербальный продукт коммуникативной деятельности, взятый динамически, т.е. в процессе его создания и рецепции в условиях особой коммуникационной среды – глобальной / национальной компьютерной сети [8, с. 41].

Порожденные и получившие распространение в интернет-дискурсе ПВ принято называть мемами. Понятие мема введено Р. Докинзом в 1976 г. в качестве единицы культурной эволюции [2]. В интернет-дискурсе мем понимается как активно распространяющийся

мультимодальный феномен, включающий текст, изображение и анимацию. Лингвистические аспекты мемов разрабатываются в исследованиях Л. Шифман [11], С.В. Канашиной [3], Ю.В. Щуриной [9, 10] и др. Подчёркивается, что вербальная часть мема часто функционирует как самостоятельная прецедентная фраза, т.е. как собственно ПВ.

Для выполнения задач исследования мы отобрали 10 примеров ПВ, широко распространенных в интернет-дискурсе нашего времени (2010–2020-е годы). Данная выборка предложена Тепляшиной Е.В. с опорой на ее собственный коммуникативный опыт. Частотность употребления выбранных ПВ не оценивалась, поэтому порядок приведенных примеров ПВ является произвольным.

1. *«Это фиаско, братан»* (2017 г.).

Источником ПВ является видео с собакой, падающей с бревна в воду, в котором хозяин комментирует этот эпизод. Фраза хозяина стала шаблоном для обозначения любого нелепого провала. Интересно, что сама фраза восходит к фильму «Сволочи» 2006 г., но свою виральность она получила именно через «животное» видео. Таким образом, перед нами пример рециркуляции киноцитаты через интернет-мем.

2. *«О´кей, бумер»* (2019 г.).

Источником мема 2019 (возможно, 2018) года, выражающего бунт молодого поколения против ворчания и придирок старших, является некий пост в Твиттере с использованием сленгового слова *бумер.* В теории поколений У. Штрауса и Н. Хоува поколение людей, родившихся в 40–60 годы XX века, обозначается как baby-boomers (беби-бумеры). Вторичным источником, вероятно, стало вирусное видео в TikTok, которое показывает, как пожилой мужчина обвиняет молодое поколение в инфантилизме. В ответ на его выпад девушка пишет на листе бумаге: «*О´кей, бумер».* Данное ПВ, быстро распространившееся в англоязычных странах, и не только в онлайн-, но и в офлайн-среде, можно отнести к классу поколенческих маркеров. Оно означает «как скажешь» и выражает не столько конкретное содержание, сколько отношение: презрение к «ворчливым старикам», игнорирование их аргументов, бесполезность спора. Жизненный цикл ПВ – около 2-х лет, но к 2023 году оно само подверглось трансформации (*«о´кей, зумер»* и т.д.).

3. *«Вы думаете, что я вас не переиграю? Я вас уничтожу»* (2020 г.). Цитата из выступления Евгения Понасенкова, историка-скандалиста (признан иноагентом). ПВ употребляется в интернет-полемике как гиперболизированная угроза в адрес ненавистного оппонента. Особенность этого ПВ – длинная многословная конструкция (7 слов), нетипичная для мемов, что подчёркивает ее пародийность. Жизненный цикл ПВ продолжается в нишевых сообществах.

4. *«Ля ты крыса»* (конкретная фиксация неизвестна). Источник: выступление Демиса Карибидиса, Comedy Club. Данное ПВ, представляющее собой короткую эмоциональную реплику, используется как междометное обвинение. Фраза быстро вошла в разговорный сленг, утратив связь с оригиналом.

5. *«Наташа, мы всё уронили»* (2020 г.). Источником стал демотиватор-мем с котами, которые будят хозяйку, наклонясь над ней. Фраза употребляется как символ хаоса и неуклюжести, ситуаций, когда что-то пошло не так или было потеряно. Привязка к имени («Наташа») создаёт комический эффект бытовизма. ПВ может использоваться и без визуального ряда, но при этом теряется часть смысла.

6. *«Ну, умер и умер»* (2018 г.). Источником стало высказывание Артемия Лебедева. Изначально ПВ относилось к смертям знаменитостей, затем расширилось на любые события, воспринимаемые как малозначимые. Тем самым опознается как фраза-маркер циничного безразличия. Благодаря авторитету Лебедева в Рунете ПВ имеет жизненный цикл дольше среднего (с 2018 по 2022 гг.).

7. *«Потому что гладиолус»* (анекдот 1990-х → мем 2000–2010).

Исходный текст – короткий анекдот: *«Почему? – Потому что гладиолус».* Данное ПВ является уникальным примером мема-долгожителя (более 15 лет активного употребления). В Интернете за ним закрепилось значение абсурдного ответа на любой вопрос, не требующий логики.

8. *«Спокуха, братан»* (кинофильм «Бумер», 2003 г.).

Источник ПВ – кинофраза бандита Каталы, которая стала универсальным призывом успокоиться, с ироничным оттенком. В 2010-х годах благодаря гифкам и пабликам ПВ приобрело статус интернет-мема. Функционирует по настоящее время.

9. *«Я прошла Афганскую войну»* (мем «Кандибобер», 2020 г.).

Источник ПВ – скетч с персонажем, который хвастается вымышленными подвигами. Фраза используется для гиперболизации своего опыта в комическом ключе (например, *«Я прошла Афганскую войну, а тут какой-то тест по русскому»*). Семантически близка к абсурдным преувеличениям.

10. *«Денег нет, но вы держитесь»* (Дмитрий Медведев, 2016).

Фраза премьер-министра РФ Дмитрия Медведева (2016, встреча в Феодосии). Классический пример политического мема. Исходная фраза была длиннее, но Интернет сократил её до лаконичной формулы. Используется при обсуждении финансовых проблем для высмеивания формальных отписок чиновников. Жизненный цикл – более 8 лет (ПВ активно до сих пор), что для политического мема редкость.

Итак, ПВ, функционирующие в интернет-дискурсе, имеют своим источником:

1) вирусное видео *(«Это фиаско, братан»);*
2) Твиттер *(«О´кей, бумер»);*
3) политическое выступление *(«Денег нет…»);*
4) стендап *(«Ля ты крыса»);*
5) стрим *(«Вы думаете…»; «Ну, умер и умер»);*
6) демотиваторы *(«Наташа, мы всё уронили»);*
7) старый анекдот *(«Гладиолус»);*
8) кино XXI века *(«Спокуха»).*

Указанное разнообразие источников объясняет разную скорость и долговечность ПВ. Фразы 2020 года *(«О´кей, бумер», «Наташа, мы всё уронили»)* достигли пика за 2–3 недели благодаря алгоритмам соцсетей. Однако фраза *«Потому что гладиолус»* распространялась медленно (анекдот ходил устно, затем в Интернете), но живёт дольше многих вирусных хитов.

Жизненный цикл ПВ имеет определенный разброс. Средняя продолжительность активного употребления мемной фразы – 1–2 года. Исключения: ПВ *«Гладиолус»* (15+ лет), ПВ *«Денег нет»* (8+ лет), ПВ *«Спокуха»* (10+ лет). Эти исключения либо связаны с очень широкой применимостью (абсурдный ответ на любой вопрос), либо с политическим резонансом, который подпитывается новыми событиями.

Отметим и особые случаи виральности. Так, ПВ *«Спокуха, братан»* демонстрирует, как киноцитата превращается в мем, когда попадает в интернет-культуру спустя годы после выхода фильма. ПВ *«Это фиаско, братан»* – обратный процесс, когда существующая киноцитата получает вторую жизнь через вирусное видео, причём для нового поколения основным источником становится видео. ПВ *«Потому что гладиолус»* – мем, который по устойчивости и широте употребления сравним с лучшими кинофразами. Это ставит под сомнение тезис о «быстрой смерти» мемов: некоторые из них способны жить десятилетиями.

Коннотативность семантики ПВ отмечена тем, что они почти всегда ироничны или саркастичны. Даже *«Денег нет, но вы держитесь»* – это чистая ирония над чиновниками. Исключение – *«Ну, умер и умер»,* где ирония переходит в цинизм.

В заключение приведем основные выводы. Проведённый анализ десяти ПВ, бытующих в интернет-дискурсе, показал, что наряду с «классическими» (кино, анекдоты) источниками прецедентности в XXI веке выступают вирусные видео, стендапы, стримы, демотиваторы. Заметна актуализация таких источников ПВ, как политические и публичные выступления (Медведев, Понасенков, Лебедев). Любопытно,

что в нашу выборку не попали ни один рекламный слоган и ни одна песенная цитата, даже из хитов. Скорость распространения ПВ в XXI веке стала значительно более высокой, но долговременная память интернета избирательна. Фразы, которые могут быть применены к широкому кругу ситуаций (*«Гладиолус»* – любой абсурдный вопрос), живут дольше. На момент исследования сфера прецедентности рассмотренных ПВ ограничена рамками особой социально-культурной общности – активных интернет-пользователей, в первую очередь пользователей социальных сетей.

Список цитируемой литературы:

1. Анисимова, Т.В. Прецедентные тексты как средство повышения эффективности социальной рекламы / Т.В. Анисимова, С.А. Чубай // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 122–139. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.10

2. Докинз, Р. Эгоистичный ген / Р. Докинз; пер. с англ. – Москва: АСТ, 2013. – 512 с.

3. Канашина, С.В. Интернет-мем и прецедентный феномен / С.В. Канашина // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2018. – №4 (193). – С. 122–127.

4. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – Москва: Наука, 1987. – 264 с.

5. Красных, В.В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований / В.В. Красных // Язык, сознание, коммуникация: сборник статей. Вып.2 / ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – Москва: Филология, 1997. – С. 5–12.

6. Русское культурное пространство: лингвокультурологический словарь. Выпуск первый / И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудков [и др.]; под ред. И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудкова. – Москва: Гнозис, 2004. – 320 с.

7. Слышкин, Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г.Г. Слышкин. – Москва: Academia, 2000. – 128 с.

8. Усачева, О.Ю. Коммуникации «цифрового перехода» / О.Ю. Усачева // Цифровое общество: проблемы перехода и социогуманитарные аспекты. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2023. – С. 34–58.

9. Щурина, Ю.В. Интернет-мем как прецедентный феномен / Ю.В. Щурина // Язык в различных сферах коммуникации: материалы Междунар. науч. конф. – Чита: Забайкальский гос. ун-т, 2014. – С. 102–108.

10. Щурина, Ю.В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации / Ю.В. Щурина // Научный диалог. – 2012. – Вып. №3: Филология. – С. 160–172.

11. Шифман, Л. Мемы в цифровой культуре / Л. Шифман; пер. с англ. – Москва: Ад Маргинем, 2015. – 300 с.

Чернышова А.А., аспирант
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»
г. Липецк, Россия

КОНЦЕПТ «ПОЯС» В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ, ЗАГАДКАХ И ПРИМЕТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА В. И. ДАЛЯ «ПОСЛОВИЦЫ РУССКОГО НАРОДА»)

Аннотация

В статье исследована репрезентация концепта «пояс» в сборнике В.И. Даля «Пословицы русского народа», которая реализована с помощью лексем «пояс», «кушак», «пазуха» и «ремень». Рассмотрены культурологические особенности использования концепта «пояс» в пословицах, загадках и приметах (место проживания и вероисповедание), прямые и переносные значения лексем, а также выявлена бинарная оппозиция «лыко» – «ремень».

Ключевые слова: пояс; костюмный код; культурный код; пословицы; В.И. Даль; русский костюм.

В настоящее время возрождается интерес к исследованию русской национальной культуры, в частности к русскому костюму. Многие учёные – Г.С. Маслова, М.Л. Ковшова, И.И. Шангина, Н.М. Калашникова и др. – обращают своё внимание на национальную одежду, изучают её и интерпретируют, и каждый говорит о символичности многих предметов одежды, в семантике которых кодируются культурологические смыслы.

Как пишет М.Л. Ковшова, «народный костюм в традиционной культуре наделён многомерной семантикой – функциональной, иерархической, эстетической, этической, духовной, обогащён мистическим, религиозным, символическим содержанием» [5, с. 123], при этом во фразеологических сочетаниях, пословицах, поговорках, загадках и приметах эти свойства раскрываются значительно ярче.

Целью этого исследования является изучение семантики концепта «пояс» в пословицах, поговорках, загадках, приметах и суевериях, отражённых в сборнике Владимира Ивановича Даля «Пословицы русского народа» в трёх томах. Выбор материала исследования обусловливает время – первая половина XIX в., поскольку в 1853 г. сборник был готов выйти в печать, а в 1862 г. наконец-то был опубликован, и место – северные (напр., Архангельская, Вологодская губернии), центральные (напр., Московская, Воронежская, Тамбовская губернии) и южные (напр., Кубань) регионы, скорее всего, только европейской части Российской Империи, поскольку в сборнике не отмечены города Зауралья и более восточных территорий.

Пояс в русском национальном костюме является одним из важнейших элементов одежды. Ширина, длина, материал пояса могли указывать на статус его владельца или степень нарядности костюма, также они украшались бисером, камнями, особыми бляхами [4, с. 504]. Примечательно, что в нашей культуре есть особый вид пояса – кушак, который отличается от других поясов принципом носки: если пояса «никогда не складывались, а надевались гладко и ровно», то кушаки «складывались в несколько раз» и «концы кушака свисали впереди» [7, с. 73–74]. Следует отметить, что пояс и сейчас остаётся важным элементом одеяния у староверов: несмотря на то что пояс постепенно в среде староверов заменяется обычной тесёмочкой, верёвочкой и его значение становится функционально-религиозным, в отдельных старообрядческих приходах до сих пор сохраняется традиция, когда неподпоясанного человека могут не пустить на богослужение или сделать ему строгое замечание [6].

Концепт «пояс» у В.И. Даля находит отражение в лексемах «пояс», «кушак», «пазуха» и «ремень».

Лексема «пояс» встречается в сборнике 21 раз. Чаще всего (в 8 случаях) предполагается, что что-то может быть заткнуто за пояс: «Помилуй, Господи! а *за поясом кистень*» [1, с. 84], «Яким простота: *рукавицы за поясом*, а других ищет» [2, с. 339], «Мужик серый, кафтан рослый, на босу ногу топоры, *лапти за поясом*, под носом румянец, а во всю щёку – что в носу» [3, с. 699]. Также в сборнике отмечены способы ношения поясов и отношение к этому представителей других регионов или вероисповеданий, например, в Астраханской губернии называли воронежских переселенцев «долгопузиками» за их привычку подпоясываться низко [2, с. 49], а у раскольников было правило во время молитвы спускать пояс ниже пупа [1, с. 74] и запрещалось креститься поперёк пояса (т.е. ниже него) [1, с. 75]. Кроме этого, в пословицах можно заметить, что «пояс» соотносится с частью человеческого

тела, является отметкой, делящей человека на две половины, что ярко иллюстрирует форма «по пояс»: «Все мы *по пояс* люди» [1, с. 593], «У всякого свой сын по локоть в золоте, *по пояс* в серебре, во лбу ясный месяц, в затылке часты звёзды» [2, с. 606].

Примечательно, что в томах В.И. Даля можно встретить лексему «пояс» как метафору, означающую уровень, ступень, например, «На 1-м *поясе* небесные ангелы, на 2-м архангелы, на 3-м начала, на 4-м власти, на 5-м силы, на 6-м господства, на 7-м херувимы, серафимы и многочестия» [1, с. 566], а также в загадках как аналог обруча, видимо, по сходному внешнему виду (нечто тонкое, кольцеобразное) и функционалу («обнимать», плотно окружать): «Сам дубовый, *пояс вязовый*, нос липовый (бочка, *обручи*, гвоздь)» [2, с. 587], «Днём, *как обруч*, ночью, как уж, кто отгадает – будет мой муж (*пояс*)» [2, с. 601].

В пословицах в том числе фигурируют образованные от лексемы «пояс» глаголы «подпоясаться» и «распоясаться» и различные формы причастий и деепричастий, причём не только в значении «надеть пояс» и «снять пояс» соответственно, но и в следующих значениях:

1. завязать и развязать что-либо: «Топор обувает, топорищем *подпоясывается*» [2, с. 296], «Маленький Ерофейка *подпоясан* коротенько (веник)» [2, с. 588], «Лучком торговать, луковым плетнем и *подпоясываться*» [2, с. 657].

2. собраться, сконцентрироваться, приготовиться к работе и начать вести себя свободно, иногда неподобающе: «Под венец молодые от уроков *опоясываются* лыком (или сеткой, вязаным в узлах поясом)» [3, с. 245], «*Распояшьтесь*, дорогие гости, кушаки по колочкам!» [3, с. 285].

Ожидаемо, что ещё активно употребляемое в XIX веке слово «кушак» также можно найти в сборнике пословиц В.И. Даля, но, конечно, не в таком широком разнообразии, как у лексемы «пояс». Лексема «кушак» упомянута только 4 раза. Примечательна пословица «Футка да фатка, футунди, футундак да две футеницы» [2, с. 601], в которой таким необычным образом перечисляются основные предметы гардероба крестьянина: «футка» – шапка, «фатка» – шуба, «футунди» – зипун, «две футеницы» – рукавицы и, наконец, «футундак» – кушак. Что касается обрядовости, можно узнать, что раньше жениха под венец опоясывали вязаным кушаком, узлы которого, как считалось, охраняли от порчи [3, с. 245]. В загадке «Матушкиной коробьи не подымешь, братова *кушака* не скатаешь, батюшкина коня не изловишь» [3, с. 642–643] лексема «кушак» подразумевает «дорогу», скорее всего, из-за сходной формы – нечто плоское и длинное, при этом имеющее достаточную ширину.

Третья лексема, репрезентирующая концепт «пояс», – «пазуха», а точнее форма «за пазухой», которая может полностью соответствовать форме «за пояс», рассмотренной ранее («Мыло *за пазухой* спасает от порчи» [3, с. 596], «Жениху и невесте под венец втыкают булавки против сердца, а *за пазуху* кладут ртути (от порчи)» [3, с. 245]), а может иметь значение «скрытно», «припрятано» («Снял голову с плеч да положил *за пазуху*, так и цела будет» [2, с. 301], «Мужик не ртом глядит, а *пазухой*» [3, с. 145]).

И, наконец, стоит рассмотреть лексему «ремень», которая при всей частотности упоминания в сборнике крайне редко представляет концепт «пояс». Основное значение – кожаное изделие для фиксации снаряжения, обычно конного («Присвоила кобыла *ременный* кнут» [3, с. 60]), однако можно найти высказывания, где «ремень» означает кожаное изделие, затянутое на талии (на поясе). Например, в пословице: «…У нас один молодец съел тридцать пирогов с пирогом, да все с творогом. Ел, ел – что-то лопнуло: не брюхо ли? Нет, *ремень* лопнул с пряжкой» [2, с. 41], причём если пояс с кушаком носятся либо завязанными, либо с бляхой, то ремень носится только с пряжкой. Интересно, что в сборнике пословиц В.И. Даля чётко прослеживается бинарная оппозиция «лыко» («лычко») – «ремень» («ремешок»): «Пожалеешь *лычка*, не увяжешь и *ремешком*» [1, с. 203], «Даровое *лычко* краше купленного *ремешка*» [2, с. 618], «Вяжись *лычко с лычком*, *ремешок с ремешком*» [3, с. 263]. Вероятно, под «ремешком» подразумевается кожаный материал, тогда оппозиция обусловлена надёжностью сырья: лыко – весьма непрочный, тонкий материал, который мог легко порваться, в то время как кожа – крепкая, износостойкая, при этом гибкая.

Таким образом, можно сказать, что концепт «пояс» широко представлен в сборнике В.И. Даля «Пословицы русского народа», а именно с помощью употребления 4 лексем: «пояс», «кушак», «пазуха» и «ремень» – а также их словоформами и однокоренными словами. С помощью пословиц можно выяснить особенности использования разных видов поясов и отношение к этому людей, живших в разных губерниях и принадлежавших другому вероисповеданию. Выявлены метафорические значения исследованных лексем. И, наконец, рассмотрена бинарная оппозиция «лыко» – «ремень».

Список цитируемой литературы:

1. Даль, В.И. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля: В 3 т. Т. 1. / В.И. Даль. – М.: Русская книга, 1994. – 640 с. (Живое русское слово).

2. Даль, В.И. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля: В 3 т. Т. 2. / В.И. Даль. – М.: Русская книга, 1994. – 704 с. (Живое русское слово).
3. Даль, В.И. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля: В 3 т. Т. 3. / В.И. Даль. – М.: Русская книга, 1994. – 736 с. (Живое русское слово).
4. Забылин, М. Русский народ: Его обычаи, предания, обряды / М. Забылин. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 608 с.
5. Ковшова, М.Л. Костюмные образы в русских пословицах, поговорках и загадках: о нарядном и модном [Электронный ресурс] / М.Л. Ковшова // Язык и мода. – 2017. – №2017. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kostyumnye-obrazy-v-russkih-poslovitsah-pogovorkah-i-zagadkah-o-naryadnom-i-modnom (дата обращения: 20.05.2026).
6. Печняк, В. Русский пояс [Электронный ресурс] / В. Печняк. – URL: https://ruvera.ru/russkij_pojas?ysclid=mpe1nzz4j6566460077 (дата обращения: 20.05.2026).
7. Терещенко, А.В. История культуры русского народа / А.В. Терещенко. – М.: Эксмо, 2007. – 736 с.

Шуклова Л.Г., канд. филол. наук, доцент
Сотникова Л.А., студент
Шелкунова Л.Ю., студент
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»
г. Липецк, Россия

ГЕНИЙ А.С. ПУШКИНА В ПЕРЕОСМЫСЛЕНИИ И КОРЕННОМ ПРЕОБРАЗОВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация

В статье анализируется роль А.С. Пушкина в становлении русского литературного языка в контексте языковой ситуации XVIII – начала XIX в. Рассматривается дихотомия церковнославянской книжности (восходящей к Кириллу и Мефодию) и живой народной речи, а также полемика «архаистов» и «карамзинистов» как предпосылка пушкинской реформы. Основное внимание уделяется принципу стилистического синтеза на основе «чувства соразмерности». Делается вывод, что Пушкин преодолел теорию «трёх штилей» М.В. Ломоносова, заложив

фундамент общенациональных языковых норм, актуальных по настоящее время.

Ключевые слова: Кирилл и Мефодий; М.В. Ломоносов; В.И. Даль; А.С. Пушкин; систематизация русского языка; архаисты и карамзинисты; церковнославянизмы.

История русского литературного языка начинается задолго до А.С. Пушкина, и ключевую роль в ней сыграли церковнославянизмы – слова и обороты, пришедшие из языка богослужения. Этот язык был создан в IX в. святыми братьями Кириллом и Мефодием, которые перевели Священное Писание и литургические книги для славян [3, с. 15–17]. Их труд положил начало письменной традиции на славянской основе. Так называемый старославянский (церковнославянский) язык стал общим литературным языком для многих православных славянских народов, включая русских [3, с. 19]. На протяжении столетий именно он был языком книг, молитв, летописей и высокой словесности на Руси. Даже когда русский народный язык развивался своим путём, церковнославянский продолжал питать литературу, придавая ей торжественность, глубину и связь с духовной традицией [3, с. 23]. Однако к XVIII в. эта двойственность стала проблемой. Русский литературный язык существовал как бы в двух лицах: книжный, отвлечённый от живой речи, и разговорный, понятный народу, но лишённый статуса. Нужен был гений, который сумел бы соединить эти потоки [3, с. 28–30].

В XVIII в. Михаил Ломоносов предпринял первую важную попытку систематизировать русский язык. Он создал «Российскую грамматику» (1755 г.) и предложил знаменитую теорию «трёх штилей»: высокий стиль (для од и героических поэм, с обилием церковнославянизмов), средний (для драм и дружеских писем) и низкий (для комедий и бытовых сцен) [3, с. 87–89]. Это был огромный шаг вперёд, но к концу века ломоносовская система обнаружила свою ограниченность. Она была слишком жёсткой, искусственной и не позволяла свободно передавать живые чувства и мысли [3, с. 92]. Поэтому на рубеже XVIII–XIX вв. в русской культуре разгорелся ожесточённый спор о том, на каком языке должна писать литература и какой путь развития выбрать. Спор шёл между двумя влиятельными направлениями – архаистами (или славянофилами) и новаторами (западниками).

Архаистов возглавлял адмирал и писатель Александр Шишков. Он считал церковнославянский язык «первобытным языком всего человечества» и настаивал на том, что именно он должен стать основой русской литературной речи [9, с. 41]. По мнению Шишкова, разница между церковнославянским и разговорным русским языком – не сущ-

ностная, а только стилистическая. Он приводил в пример два выражения: «новая дева трепещет» и «молодая девка дрожит» [9, с. 57]. В первом случае церковнославянизмы «юная» и «трепещет» придают речи возвышенное, торжественное звучание. Во втором – чисто русские слова «молодая» и «дрожит» делают высказывание грубоватым, сниженным, бытовым. Шишков требовал очистить язык от иностранных заимствований (особенно из французского) и вернуться к корням. Карамзинисты во главе с Николаем Карамзиным, напротив, утверждали, что русский язык слишком тяжеловесен и нуждается в обработке по образцу новых европейских языков, прежде всего французского [4, с. 45–47]. Они хотели придать языку лёгкость, изящество и простоту, понятную широкому кругу читателей. Для этого нужно было исключить устаревшие славянизмы, громоздкие канцелярские обороты и грубые простонародные слова. Карамзин и его сторонники создали множество новых слов, таких как «влюблённость», «общественность», «будущность», «промышленность», «человечность». Этот спор был очень острым, и победителя в нём долго не было [3, с. 101].

Решающее примирение и победу одержало творчество Александра Сергеевича Пушкина, а также его предшественников и современников: баснописца Ивана Крылова и автора «Горя от ума» Александра Грибоедова. Именно они на деле показали, какими неисчерпаемыми возможностями обладает живая народная речь и насколько самобытен и богат язык фольклора. Однако именно Пушкин стал центральной фигурой, с которой начинается современный русский литературный язык. Это звучит парадоксально, потому что у Пушкина нет никаких лингвистических трудов. Он не написал грамматики и не оставил научных статей о языке [6, с. 58]. Известны лишь отдельные его высказывания и заметки. Более того, сам поэт с иронией писал: «Как уст румяных без улыбки, без грамматической ошибки я русской речи не люблю» [7, Т. 2, с. 167]. А в «Евгении Онегине» есть знаменитая строка «Бывало, он ещё в постеле». Сегодняшний школьник может подумать, что это ошибка: правильно же «в постели». Но на самом деле Пушкин был абсолютно прав. В его время слово имело форму «постеля» (первое склонение), и в предложном падеже писалось «в постеле» [2, с. 134–135]. Со временем это слово вышло из употребления, изменилась грамматика, но для своего времени поэт писал безупречно.

Так почему же именно Пушкина считают основоположником современного литературного языка? Потому что он первым сумел органично и естественно соединить три языковые стихии, которые до него существовали порознь: церковнославянизмы, живую народно-разговорную речь (включая просторечие) и европейские (в основном французские) заимствования [3, с. 133; 6, с. 61].

А.С. Пушкин не отвергал церковнославянизмов, как это делали крайние карамзинисты, но и не требовал делать их единственной основой языка, как шишковисты. Он разграничивал русский и церковнославянский языки и понимал, что живая литература не может строиться на мёртвом или сугубо книжном материале. Однако он активно использовал славянизмы как мощное стилистическое средство – там, где нужна была торжественность, пророческая сила или глубокая древняя мудрость. Классический пример – стихотворение «Пророк», которое почти целиком состоит из старославянской лексики: «влачился», «виждь», «внемли», «горний» и так далее [7, Т. 2, с. 302–303]. Без этих слов стихотворение потеряло бы свою возвышенную, библейскую интонацию. При этом в других произведениях Пушкин свободно использует простые разговорные слова, а иногда даже грубоватое просторечие. Например, в «Евгении Онегине» мы встречаем и высокие славянизмы, и живые бытовые выражения. Для Пушкина не существовало запретных слов – любое слово допустимо, если оно точно, образно выражает понятие и соответствует общему замыслу. Что касается заимствований, Пушкин тоже не боялся французских слов. Он одобрял те из них, которые обогащают родной язык, вносят новые смыслы и не мешают его свободному развитию [3, с. 140]. Он понимал, что дворянская культура его времени была тесно связана с французским языком, но сумел использовать эту связь во благо, а не во вред русской речи. Главным для поэта было не механическое отвержение или принятие каких-то элементов, а чувство меры и вкус. Сам Пушкин сформулировал это так: «Истинный вкус состоит не в безотчётном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности» [7, Т. 7, с. 121]. Эта простая мысль стала основой его языковой реформы.

Что же конкретно изменил Пушкин? До него русский литературный язык оставался во многом искусственным. Высокий стиль с обилием славянизмов был далёк от речи простого человека, а низкий стиль считался недостойным серьёзной литературы. Пушкин разрушил эту перегородку. После него язык стал естественным, близким к живой разговорной речи, но при этом не потерял своего богатства и выразительности. Он стал гибким – способным передавать любые, самые тонкие оттенки мысли и чувства, от иронической усмешки до глубокого трагизма. Он стал точным – без лишних слов, без фальшивой красивости, но и без сухости. Пушкин преодолел старую систему трёх стилей и вместо неё создал множество стилистических регистров, которые свободно сменяют друг друга в зависимости от темы и настроения [3, с. 153; 6, с. 75]. В пределах одного произведения (например, того же «Евгения Онегина») могут соседствовать высокие библейские обо-

роты, лёгкий светский диалог, грубоватая народная шутка и лирическое отступление, полное печали. Кроме того, Пушкин значительно расширил значения многих русских слов. Он придал им способность выражать сложные философские понятия, психологические состояния, тончайшие нюансы переживаний. Его синтаксис стал более лаконичным и логичным: он избавился от тяжеловесных длинных конструкций, свойственных прозе XVIII в., и от искусственной изысканности сентименталистов. Предложения у Пушкина ясные, естественные, с живым порядком слов, которые легко читаются и произносятся вслух.

Огромное значение имеет и фразеологическое новаторство Пушкина. Он не только переосмыслил старые устойчивые выражения, но и создал множество новых, которые вошли в активный фонд русского языка. Мы до сих пор цитируем его, порой даже не замечая этого. Например: «А счастье было так возможно» [7, Т. 5, с. 178], «Любви все возрасты покорны» [7, Т. 5, с. 134], «Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей» [7, Т. 5, с. 145], «Привычка свыше нам дана, замена счастию она» [7, Т. 5, с. 112], «Мы все учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь» [7, Т. 5, с. 98]. Эти и десятки других выражений из произведений Пушкина стали крылатыми, превратились в пословицы и поговорки, которыми мы пользуемся в повседневной речи. Они служат своеобразными культурными кодами, связывающими разные поколения носителей русского языка. Цитата из Пушкина сразу вызывает в сознании целый пласт образов, смыслов, ассоциаций. Это и есть высший уровень владения языком – когда слово художника становится достоянием всего народа [5, с. 45].

Заслуги Пушкина перед Россией и русским языком огромны. Иван Тургенев, сам великий писатель, сказал об этом так: «Заслуги Пушкина перед Россией велики и достойны народной признательности. Он дал окончательную обработку нашему языку, который теперь по своему богатству, силе, логике и красоте формы признается даже иностранными филологами едва ли не первым после древнегреческого» [8, с. 405]. Это очень высокая оценка. Что именно сделал Пушкин? Во-первых, он навсегда преодолел разрыв между народной живой речью и книжным литературным языком, который до него существовал как нечто отдельное. Во-вторых, он выработал и закрепил единые общенациональные нормы – и в лексике, и в грамматике, и в стилистике. Эти нормы были приняты его современниками и переданы следующим поколениям. Именно поэтому мы говорим, что современный русский литературный язык — это «язык от Пушкина до наших дней» [5, с. 12]. Не случайно Указом Президента РФ от 6 июня 2011 г. был установлен День русского языка, который ежегодно отмечается 6 июня, в день рождения Алек-

сандра Сергеевича Пушкина. Этот факт официально закрепляет ту роль, которую поэт сыграл в истории нашей словесности. Кроме того, именно Пушкин посоветовал Владимиру Ивановичу Далю записывать русские слова, их значения и народные поговорки. Результатом этого совета и многолетнего труда Даля стал знаменитый «Словарь живого великорусского языка» – уникальное собрание лексики, которое до сих пор остаётся важнейшим источником для всех, кто изучает русский язык. Принципы пушкинского языка – точность, ясность, естественность, чувство меры – сегодня определяют развитие не только художественной литературы, но и других функциональных стилей: научного, публицистического, даже делового [5, с. 56]. Мы стремимся говорить и писать ясно и точно именно благодаря традиции, заложенной Пушкиным.

Конечно, русский язык не остановился в своём развитии после Пушкина. Он менялся и продолжает меняться. Как писал выдающийся лингвист Лев Владимирович Щерба в 1940 г.: «Пушкин для нас ещё, конечно, вполне жив: почти ничто в его языке нас не шокирует. И однако было бы смешно думать, что сейчас можно писать в смысле языка вполне по-пушкински» [10, с. 22]. Действительно, появились новые слова (компьютер, интернет, смартфон), изменилась орфография, некоторые грамматические формы устарели. Однако все эти изменения – лишь углубление, обогащение и развитие тех норм, которые были заложены в пушкинскую эпоху. Основа осталась той же. И в этом смысле Пушкин для нас не просто великий поэт, но и живой голос нашего языка. Его тексты и сегодня читаются легко и естественно, они не нуждаются в переводе на «современный русский». В системе образования пушкинские произведения продолжают выполнять функцию эталонных образцов [1, с. 35]. Школьники и студенты изучают их не только как литературу, но и как примеры правильной, точной и красивой речи. Читая Пушкина, мы учимся чувствовать слово, понимать его оттенки, строить фразы ясно и выразительно.

Таким образом, Пушкин важен для нас не только как гениальный творец, создавший бессмертные стихи и прозу, но и как подлинный создатель того русского литературного языка, на котором мы говорим, пишем, думаем, спорим и любим сегодня. Его реформа была удивительно простой по замыслу и грандиозной по результату: он сделал русский язык одновременно богатым, точным и живым.

Список цитируемой литературы:

1. Беляева, Н.В. Уроки изучения лирики в школе: Теория и практика дифференцированного подхода к учащимся: Книга для учителя литературы / Н.В. Беляева. – М., 2004. – 238 с.

2. Булаховский, Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX века / Л.А. Булаховский. – Киев: Радянська школа, 1957. – 492 с.

3. Виноградов, В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1990. – 336 с.

4. Карамзин, Н.М. История государства Российского: В 3 кн. / Н.М. Карамзин. – М.: Книга, 1991. – Кн. 1. – 576 с.

5. Костомаров, В.Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой средств массовой информации / В.Г. Костомаров. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб.: Златоуст, 1999. – 320 с.

6. Лотман, Ю.М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПБ, 1995. – 847 с.

7. Пушкин, А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. / А.С. Пушкин. – 4-е изд. – Л.: Наука, 1977–1979. – Т. 2 (1977): Стихотворения 1817–1825. – 398 с.; Т. 3 (1977): Стихотворения 1826–1836. – 542 с.; Т. 5 (1978): Евгений Онегин. Драматические произведения. – 528 с.; Т. 7 (1978): Критика и публицистика. – 543 с.

8. Тургенев, И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. / И.С. Тургенев. – М.: Наука, 1978. – Т. 12. – 612 с.

9. Шишков, А.С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка / А.С. Шишков. – СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2003. – 382 с.

10. Щерба, Л.В. Избранные работы по русскому языку / Л.В. Щерба. – М.: Учпедгиз, 1957. – 188 с.

Шуклова Л.Г., канд. филол. наук, доцент
Шиловских П.А., студент
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»
г. Липецк, Россия

КИРИЛЛИЦА НА РУСИ: ВЛИЯНИЕ НА ЖАНРОВУЮ СИСТЕМУ РАННЕЙ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Аннотация

Статья посвящена процессу усвоения кириллицы на Руси в XI–XII веках и его роли в формировании первых жанров оригинальной восточнославянской литературы. Показано, что древнерусская кириллица не была пассивно заимствованной системой, а уже в начальный период активно приспосабливалась к особенностям живой древнерусской речи, что создало предпосылки для возникновения самобытной литературы.

Ключевые слова: Кирилл и Мефодий; Русь; кириллица; литература.

Миссию Кирилла и Мефодия считают началом славянской письменной культуры. В результате их деятельности была создана глаголица, а затем – кириллица. Однако сама по себе азбука – это лишь инструмент; литературу же, в том числе национальную, создает не набор букв, а их усвоение в живой языковой среде [2, с. 11]. Когда слова обретают способность передавать не только сакральное, но и мирское слово, фиксировать интонацию и строить сложные повествовательные структуры, тогда оно усваивается в сознании и культуре народа, получает не только формальное, но и функциональное значение. Когда в конце X века кириллица вместе с христианством пришла на Русь, она столкнулась с новой фонетической реальностью, заметно отличавшейся от южнославянской. То, как именно древнерусские книжники адаптировали графико-орфографическую систему к особенностям восточнославянской речи, и определило траекторию развития оригинальной древнерусской литературы в ее первый период.

Принято считать, что кириллица была создана учениками Кирилла и Мефодия, в частности Климентом Охридским, на основе греческого унциального письма с добавлением букв для славянских звуков. В отличие от глаголицы – графически сложной, семиотически насыщенной, но замкнутой на круге «посвященных» книжников, – кирил-

лица была «открытой» системой, приближенной к византийскому образцу. Именно она закрепилась в Болгарии, откуда через переводные книги попала на Русь [2].

Первые рукописи, переписанные на Руси в XI веке, отражают не механическое копирование южнославянских оригиналов, а осмысленную адаптацию. Остромирово Евангелие (1056–1057 гг.) – древнейшая точно датированная восточнославянская кириллическая рукопись уже содержит целый ряд черт, отличающих ее от болгарских рукописей и сближающих с живым древнерусским произношением.

Наиболее яркие процессы адаптации кириллицы на восточнославянской почве касаются трех групп графических элементов: юсы и носовые гласные, редуцированные ъ, ь, а также надстрочные знаки и титла. Рассмотрим их подробнее.

В старославянском языке существовали носовые гласные [ǫ] и [ę], которые на письме обозначались буквами юс большой (Ѫ) и юс малый (Ѧ). В древнерусском языке носовые гласные исчезли уже к середине X века: Ѫ перешёл в [у], Ѧ – в [’а]. В восточнославянских рукописях раннего периода наблюдается последовательное смешение юсов и оу/ю. Это не ошибки, а свидетельство того, что писцы ориентировались на произношение, а не на орфографию болгарской письменности. Постепенно юсы выходят из употребления, и кириллица на Руси становится более вокалической, облегчая чтение и распространение грамотности.

Буквы ъ и ь в старославянском обозначали сверхкраткие гласные [ŏ] и [ĕ]. В древнерусском языке шел процесс падения редуцированных: в сильных позициях они прояснились в [о] и [е], в слабых исчезли. Уже в XI веке писцы, следуя за произношением, начинают пропускать ъ и ь там, где они перестали звучать, а в иных случаях, напротив, пишут ъ или ь на месте этимологических [о], [е] в новых сильных позициях. Происходил процесс, когда графическое слово больше совпадало с фонетическим. Именно в этих рукописях впервые отмечают одну из главных восточнославянских особенностей – полногласие.

В XI веке в восточнославянской письменности складывается система надстрочных знаков для обозначения ударения и придыхания, а также развитая система титлов для сакральных имен и часто употребительных слов. Противопоставление маркированной и немаркированной графики оказалось востребованным в жанрах, стилистически ориентированных на высокий регистр, – прежде всего в проповеди и житии [3].

На Руси XI–XII веков кириллица с ее относительной простотой обеспечила расцвет по крайней мере четырех жанров: летописного,

житийного, жанра проповеди. Так, «Повесть временных лет» (около 1113 г.) – первое историческое сочинение, написанное уже не на «чистом» церковнославянском, а на сложном, стилистически многослойном языке. В нем видны все результаты графической адаптации: регулярное смешение юсов, широкое использование полногласных форм. Благодаря этому летопись смогла включить в свой состав не только библейские цитаты, но и живую речь князей, устные дружинные предания, фольклорные элементы, народные топонимические легенды. Кириллица позволила записывать без предварительного перевода на книжный язык, что превратило летопись в жанр, совмещающий историографию, религиозную дидактику и живую устную традицию.

Житийная литература – второй вид восточнославянской литературы, который требовал от автора высокого стиля, но при этом сюжеты часто включали бытовые подробности, диалоги, описания страданий. В древнерусских житиях XI–XII веков исследователи фиксируют «новые языковые черты» – использование разговорных элементов. Сказание о Борисе и Глебе (XI в.) уже в своем заглавии использует полногласную форму голова («голову Борисову принесоша»), а в плаче Глеба звучат интонации, близкие к народным причитаниям. Кириллица позволила этим элементам сохраниться в тексте на равных правах с архаичной церковнославянской лексикой. Более того, титловая графика подчеркивала святость имен и сакральных понятий, что усиливало эмоциональное воздействие текста.

Третий жанр – торжественная проповедь. «Слово о законе и благодати» (около 1037–1050 гг.) – один из самых блестящих образцов риторической прозы. Филологи и палеографы отмечают, что ритмическая организация иларионовского «Слова» в значительной мере поддерживается графическими средствами: расстановкой точек и иных знаков, организующих речевые такты. Поскольку кириллица уже не требовала от писца постоянного использования графически громоздких юсов (как в ранних болгарских рукописях), строка становилась компактнее, а ритм – ясным. Кроме того, сознательное употребление неполногласных старославянизмов *(злато, древо, глава)* вместо восточнославянских полногласных форм *(золото, дерево, голова)* создавало ощущение высокой торжественности [1].

Кроме того, можно выделить жанр бытовой литературы. Открытие новгородских берестяных грамот изменило представление о степени распространения кириллицы на Руси. Авторами грамот XI–XII веков были не только профессиональные писцы, но и бояре, купцы, ремесленники, а также женщины. В грамотах представлена кириллица, но лишенная книжной орфографической нормы: с «живым» падением

редуцированных, цоканием, меной ѣ и е, пропуском конечного -ть в глаголах. При этом уже в XI веке встречаются не только хозяйственные записи, но и первые личные послания, учебные азбуки и рисунки. Это доказывает, что кириллица очень быстро стала общенародным средством коммуникации. Тем самым уже в домонгольский период формировалась среда, из которой впоследствии вырастут светские жанры древнерусской литературы – от «Моления Даниила Заточника» до воинских повестей [3].

Таким образом, приход кириллицы на Русь не был единовременным актом заимствования. В течение XI–XII веков на восточнославянской почве происходила глубокая графико-орфографическая адаптация алфавита, в ходе которой система письма была приближена к фонетическому строю древнерусского языка. Именно эта адаптация позволила письму обслуживать не только сакральную сферу, но и задачи летописания, агиографии и проповеди – главных жанров формирующейся национальной литературы.

Список цитируемой литературы:

1. Иванова, Т.А. Старославянский язык / Т.А. Иванова. – М.: Высшая школа, 1998. – 224 с.

2. Карпенко, Л.Б. Русское письмо: проблема происхождения / Л.Б. Карпенко // Филологический класс. – 2025. – Т. 30, № 2. – С. 7–16.

3. Карский, Е.Ф. Славянская кирилловская палеография / Е.Ф. Карский. – М.: Изд-во АН СССР, 1979. – 494 с.

Шурупова О.С., д-р филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Шурупова А.С., канд. экон. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
г. Липецк, Россия

ОБРАЗ МНОГОДЕТНОЙ СЕМЬИ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Аннотация

Целью данной статьи стало исследование особенностей восприятия многодетности в картине мира русского народа. Актуальность исследования обусловлена изменчивостью концепта «многодетность», который обнаруживает большое число как положительных, так и негативно оцениваемых признаков, развивавшихся на протяжении нескольких веков. В статье прослеживается, какое отражение лексема «многодетность» получает в лексикографических изданиях, и делается вывод, что в современной русской языковой картине мира многодетность чаще связывается с матерью, в то время как роль отца многодетного семейства постепенно отступает на задний план.

Ключевые слова: многодетность; русская языковая картина мира; концепт; паремии; ассоциативный эксперимент.

В современной России активно обсуждаются меры, направленные на сохранение и укрепление традиционных ценностей, прежде всего связанных с семьей. По свидетельству исследователей, «в последние десятилетия страна сталкивается с серьезными демографическими вызовами, включая снижение рождаемости» [7, с. 330]. В таких условиях особенную актуальность приобретает изучение отношения к многодетности, ведь повышение популярности многодетных семей могло бы существенно изменить сложившуюся в обществе ситуацию.

Чтобы осмыслить восприятие русским человеком многодетной семьи, необходим анализ концепта «многодетность», представляющего собой единицу информации, которая может накапливаться, храниться и передаваться от поколения к поколению. Важно отметить, что

концепт «может менять оценочный знак с отрицательного на положительный или с положительного на отрицательный» [6, с. 14]. Помимо ядра, связанного с признаками, наиболее актуальными для современных носителей русского языка, концепт обнаруживает периферийные слои, которые, не имея четких границ и существуя как в коллективном, так и в индивидуальном сознании, могут обогащаться и развивать разнообразные признаки в различных ситуациях. Поэтому необходимо не только проследить, как отразилось восприятие данного концепта во фразеологизмах, паремиях и т.д., но и проанализировать особенности его интерпретации в современном русскоязычном цифровом пространстве, а также провести ассоциативный эксперимент, позволяющий исследовать ассоциативное поле концепта «многодетность» и осмыслить его восприятие молодежью.

Концепт получает языковую репрезентацию в словах «многодетность», «многодетный». В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля слово «многодетный» сочетается со словом «семья» и приводится в группе, во главе которой стоит слово «многий», имеющее значение «великий числом, в большом количестве; избыточный, изобильный» [5, с. 335]. В «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова лексема «многодетность» отсутствует, а слово «многодетный» имеет значение «такой, у кого или где много детей» [12, с. 438] и сопровождается примером «многодетное семейство». В «Малом академическом словаре» появляется лексема «многодетность», которая получает толкование «наличие у родителей большого количества детей» [11, с. 281]. Таким образом, обращается внимание не только на количество детей в семье, но и на принадлежность их родителям, причем среди примеров сочетаемости слова «многодетный» появляются «многодетная мать», «многодетная вдова».

На первый план как центр многодетной семьи постепенно выступает именно женщина, мать. Такое восприятие концепта «многодетный», когда придается значение матери большого семейства, а не обоим родителям, как это было прежде, подкрепляется тем, что в советской культуре после Великой Отечественной войны наблюдается обращение к теме материнства. По словам А. Шклярука, «в 1944 году в стране было принято новое законодательство о семье, учреждены правительственные награды для многодетных матерей, введен налог на бездетность. Тема материнства получила в плакате официальный политический статус» [14, с. 8]. Так, исследователь отмечает, что на плакате Н. Ватолиной «Слава матери-героине!» 1944 года появляется торжественный образ женщины, окруженной детьми. На этом плакате, однако, отсутствует образ отца. Характерно, что в «Большой Совет-

ской Энциклопедии» (1974 г.) имеется статья, посвященная многодетным матерям [3, с. 366], в которой подробно рассказывается, какие пособия уплачиваются женщинам при рождении третьего и каждого последующего ребенка, однако отсутствуют статьи, в которых бы говорилось о многодетности в целом или о многодетной семье. На пособие по многодетности, судя по материалам данного издания, имела право мать, но не отец и не вся семья.

Однако в «Большом академическом словаре русского языка», который издается начиная с 2004 года, приводится такое значение лексемы «многодетность», как «наличие у родителей большого количества детей» [2, с. 259], то есть фокус внимания вновь смещается с матери на обоих родителей. В «Большом универсальном словаре русского языка» под редакцией В.В. Морковкина, вышедшем в 2016 году, слова «многодетность», «многодетный» отсутствуют [9].

В фольклорно-языковой картине мира многодетность, как правило, связывается с изобилием и благодатью. Собранные В.И. Далем паремии подтверждают такое отношение к многочисленному потомству: «Дети – благодать Божья», «У кого детей много, тот не забыт от Бога», «У кого детей нет – во грехе живет» [4, с. 378-381], – а также закономерность рождения в семье большого количества детей: «Пошел весной заяц сам-друг в поле, а воротился сам-десят оттоле» [4, с. 378]. Дети воспринимались как будущая опора родителей: «Детки поспели – отца, мать до веку доспели», «Работные дети отцу хлебы» [4, с. 380]. В русских народных сказках главным героем, как правило, становится третий, младший сын. Именно младший в многодетной семье ребенок «достигает высшего из возможных статуса, который определяется женитьбой на царевне, приобретением богатства и царской властью» [13, с. 85]. Однако в то же время паремии отражают трудности воспитания большого количества детей и большую ответственность за них: «Детишек воспитать – не курочек пересчитать», «Маленьки детки – маленькие бедки, а вырастут велики – большие будут», «Детки маленьки – поесть не дадут, детки велики – пожить не дадут», «Детки – на руках железа», «Без детей тоскливо, с детьми водливо», «Без детей сухота, с детьми перхота» [4, с. 382]. В «Большом словаре русских пословиц» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной, Е.К. Николаевой приводится много паремий, отражающих осторожное отношение к детям как потенциальным виновникам проблем: «Без детей гребты не знаешь», «Детей годовать – век коротать», «Дети возмужают – батьку испугают», «Дети, дети, трудно жить на свете», «Дети – на руках сети», «Дети отцу-матери больки», «Дети поспели, а мать без веку доспели», «Дети родились, да никуда не годились», «Дети – связа», «Малые дети не дают спать, большие – не дают

дышать», «Маленькие дети – руки болят, большие – сердце», «Либо дети водить, либо деньги копить» [8, с. 270–271].

Таким образом, в русской языковой картине мира этот концепт реализует целый ряд признаков, причем как положительных (изобилие, благодать, опора для родителей), так и негативных (трудность воспитания детей, убыточность, которая может привести к бедности). Однако в XIX веке большое количество детей воспринималось как закономерное. Впоследствии отношение к многодетной семье изменилось, и, по замечанию Н.Н. Ананьевой, многодетность стала восприниматься не только как сохранение традиционных ценностей и устойчивого миропорядка, но и как «проявление маргинальных подходов к организации семейной деятельности» [1, с. 100].

Отметим, что, согласно данным Национального корпуса русского языка, концепт «многодетность» в начале XXI в. с равной частотой получает репрезентацию как в текстах православной направленности, где реализует такие признаки, как «подвиг», так и в высказываниях, порицающих многодетность как признак отсталости и необразованности. Лексема «многодетность» появляется в следующих словосочетаниях: «мода на многодетность», «установка на многодетность», «поощрение многодетности», «проблема многодетности», «почва для многодетности», «отношение к многодетности», «преимущества многодетности», «агитировать за многодетность», «превозносить многодетность», «фаза многодетности», «всплеск многодетности», «закабалить многодетностью», «умиление по поводу многодетности», «традиция многодетности» [10]. Многодетность воспринимается как традиция, соблюдение которой может быть модным, умилительным и полезным для государства, но одновременно осуждается как нечто, закабаляющее человека.

Необходимо отметить и специфику интерпретации концепта, благодаря которой наблюдается гораздо более частое упоминание слов «мама», «мать», чем «отец» и «женщина», чем «мужчина». В современной русской языковой картине мира многодетная семья, как и в XX в., связывается прежде всего с подвигом матери, и слово «многодетный» практически никогда не сочетается в подвергнутом анализу материале со словом «отец».

Данные результаты подтверждаются и проведенным нами в январе 2026 года ассоциативном эксперименте, в ходе которого 262 студентам липецких вузов в возрасте 18-23 лет было предложено назвать три реакции на стимул «многодетность». Наиболее частотными реакциями стали слова «ответственность» (такой ответ дали 12,2% опрошенных), «семья» (12%), «дети» (8,4%), «труд» (6%), «счастье» (6%),

«шум» (4,6%), «радость» (4%), «любовь» (4%), «бедность» (3,4%), «льготы» (2,3%), «поддержка» (1,5%). Можно сделать вывод, что ассоциативное поле концепта «многодетность» по-прежнему включает признак, связанный с опорой и поддержкой, которую члены такого семейства могут дать друг другу, однако признак стал менее значимым, чем это было в XIX в., в то время как признак, связанный с ответственностью, стал еще более актуальным. Значимыми признаками концепта «многодетность» остаются «счастье», «любовь». По словам А.Д. Шмелева, «тема счастья в русской языковой картине мира неразрывно связана с темой любви» [15, с. 292]. В такой семье человек может быть счастлив, потому что он любит большое количество людей и, в свою очередь, любим ими. Многодетная семья воспринимается как повод много трудиться и одновременно как источник радости и веселья. Льготы и материальная поддержка таких семей, активно обсуждаемые в цифровом пространстве, связаны с еще одним признаком данного концепта, который часто реализуется в современном дискурсе. Признак «гордость» получил отражение в единичных реакциях «заслуги», «героизм». По-видимому, соответствующим образом концепт «многодетность» чаще интерпретируется в среде многодетных родителей, тогда как для студентов, большинство из которых еще не имеют своих детей, он не столь актуален.

Можно отметить, что среди ответов наблюдалось некоторое число реакций, связанное с материнством (1%), и полностью отсутствовали ассоциации с отцом. Респонденты упомянули мать-героиню и материнские нервы. При этом 1% слушателей дал ответ «молодцы», характеризующий, по-видимому, не только мать, но обоих родителей.

Достаточно большое число одиночных реакций носило негативный характер: «нищета», «долги», «тяжело», «навязывание», «крутится как юла», «нет личной жизни», «не очень хочу», «невоспитанность», «обида», «метание», «загруженность», «ааа». Ответы 1,5% респондентов отразили реакцию «страх», 1% – «ужас».

Русские пословицы отразили восприятие многодетности как Божьего благословения. В ответах молодых носителей русского языка также присутствовала реакция «Божье благословение» (1%). Хотя многодетность значительно реже воспринимается современными носителями языка как проявление благодати, тем не менее, этот признак концепта по-прежнему актуален.

Разумеется, дети остаются для современного русского человека важнейшей составляющей образа многодетной семьи. В ходе проведенного вместе с ассоциативным экспериментом анкетирования респондентам был предложен вопрос, касающийся потенциального количества

детей, которое они хотели бы иметь. Большинство (54%) ответили, что хотели бы двоих детей, 16,7 % готовы стать родителями троих детей, 14,5% стремятся иметь одного ребенка, 5,4% – больше трех, 2% – десять и больше десяти детей. Не хотели бы иметь детей всего 1,6% опрошенных. Остальные 5,8% дали ответы: «Сколько Бог пошлет», «Сколько получится», «На сколько хватит ресурсов». Таким образом, почти 25% опрошенных потенциально готовы стать многодетными родителями.

Многодетность, бесспорно, занимает важное место в русской языковой картине мира. В результате анализа словарных дефиниций состав лексемы «многодетность» может быть представлен следующим образом: «наличие в семье / у родителей большого количества детей». Явление многодетности получало на протяжении нескольких веков различные оценки, благодаря чему концепт реализует целый ряд признаков, среди которых есть как положительные, так и негативные. Анализ контекстов доказывает, что в номинативное поле концепта входят «размер», «ребенок, дети», «семья». Набор признаков концепта включает также «подвиг», «благодать», «трудность», «опора», «бедность», «гордость», «традиционность», «материнский уход», «право». Ассоциативное поле концепта, как показали результаты проведенного среди студентов липецких вузов ассоциативного эксперимента, образуют такие реакции, как «ответственность», «семья», «дети», «счастье», «любовь», «бедность», «труд», «шум», «радость», «льготы», «поддержка», «ужас», «страх», «Божье благословение». Многодетность в большинстве случаев принято связывать с материнством, в то время как роль отца многодетного семейства часто преуменьшается. Можно говорить о неоднозначном восприятии данного феномена современным русским человеком, однако результаты проведенного исследования позволяют надеяться, что большинство носителей языка, тем не менее, испытывает уважение к многодетной семье, а часть представителей студенческой молодежи рассматривает возможность создания именно такой семьи.

Список цитируемой литературы:

1. Ананьева, Н.Н. Субкультура многодетной семьи в современном обществе / Н.Н. Ананьева // Вестник славянских культур. – 2015. – № 3 (37). – С. 99–104.

2. Большой академический словарь русского языка / А.С. Герд. – Т. 10. – Санкт-Петербург: Наука, 2008. – 576 с.

3. Большая Советская Энциклопедия (В 30-ти томах) / Под ред. А.М. Прохорова. – Изд. 3-е. – Т. 16. – Москва: «Советская Энциклопедия». 1974. – 616 с.

4. Даль, В.И. Пословицы русского народа / В.И. Даль. – Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1957. – 992 с.

5. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. / В.И. Даль. – Т. 2. – Москва: Терра, 1995. – 784 с.

6. Карасик, В.И. Базовые характеристики концептов в лингвокультурной концептологии / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И.А. Стернина. – Т. 1. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 13–15.

7. Машошина, Ю.А. Демографическая ситуация в России в 2024 году и прогнозирование ситуации в 2025 году / Ю.А. Машошина // Актуальные вопросы устойчивого развития современного общества и экономики. Сборник научных статей 4-й Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х томах. – Курск: ЗАО «Университетская книга», 2025. – С. 330–333.

8. Мокиенко, В.М. Большой словарь русских пословиц / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева. – Москва: ЗАО «ОЛМА медиа Групп», 2010. – 1024 с.

9. Морковкин, В.В. Большой универсальный словарь русского языка / В.В. Морковкин, Г.Ф. Богачева, Н.М. Луцкая; Под ред. В.В. Морковкина. – Москва: Словари XXI века; АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2016. – 1456 с.

10. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. – URL: https://ruscorpora.ru (дата обращения: 27.01.2026).

11. Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. – Т. 2. – Москва: Русский язык, 1986. – 736 с.

12. Ушаков, Д.Н. (ред.) Большой толковый словарь русского языка. – Москва: АСТ: Астрель, 2008. – 1268 с.

13. Черноусова, И.П. Фольклорно-языковая картина мира в призме лингвокультурных кодов (на материале русских волшебных сказок и былин) / И.П. Черноусова. – Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2022. – 151 с.

14. Шклярук, А. Материнство и детство в русском плакате. – Москва: Контакт-культура, 2006. – 160 с.

15. Шмелев, А.Д. Сквозные мотивы русской языковой картины мира / А.Д. Шмелев // Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. – Москва: Языки славянских культур, 2012. – С. 286–295.

Научное издание

КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник научных статей
по материалам VII Всероссийской
научно-практической конференции

Липецк, 25 мая 2026 г.

АНО «НАУКА-ЮНИПРЕСС»
394024, г. Воронеж, ул. Ленина, 86Б, 2
Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 10,88. Тираж 100 экз.
Отпечатано в типографии ИП Алейников Олег Юрьевич
108811, г. Москва, Московский г., Радужная ул., д. 21